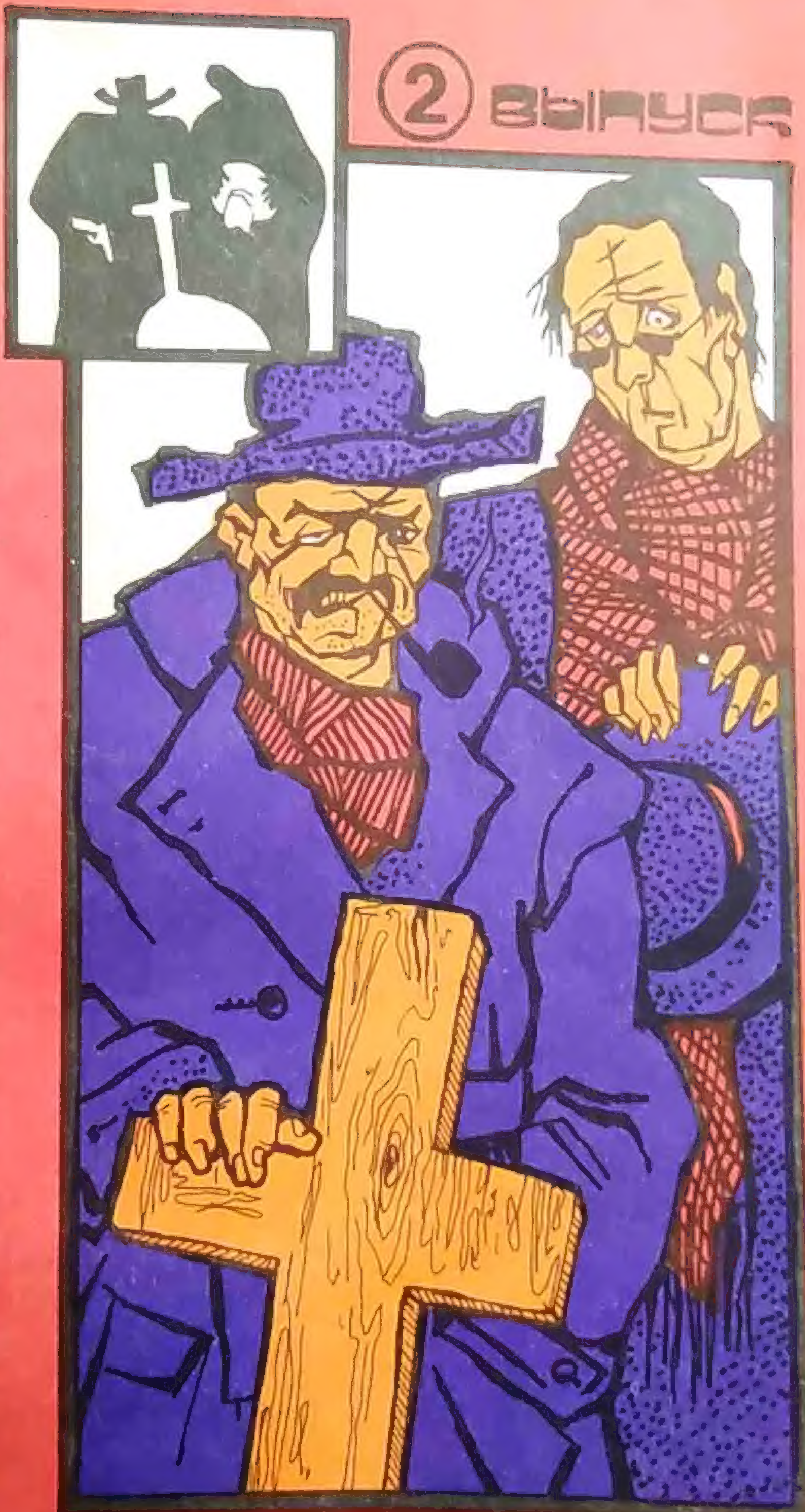
Классический детектив

2 выпуск

КЛАССИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

- ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ
- ДЕНЬ, КОГДА ИСЧЕЗЛИ ДЕТИ
- ТОРГОВЦЫ НАРКОТИКАМИ
- ВЫСТРЕЛЫ В РЕСТОРАНЕ СИРАНО

АКВИЛОН

5-87852-005-2
Г-81(03)

Чандлер Р.
Золотые рыбки

1

В тот день у меня никаких срочных дел не было и я, наконец, мог позволить себе побездельничать и как следует отдохнуть. Теплый порывистый ветер временами залетал в раскрытое окно конторы и копоть, вылетавшая из труб отеля «Меншн-Хаус» с противоположной стороны улицы, устилала матовым налетом блестящую поверхность моего стола.

Я только успел подумать, что не грех было бы уже и пообедать, но намерение мое пришлось отложить, поскольку в кабинет ворвалась некая Кейти Хорн — высокая, уже потасканная блондинка с грустными глазами. Когда-то она служила в полиции, но потеряла работу, выйдя замуж за мелкого жулика Джонни Хорна, который существовал за счет чеков, не обеспеченных вкладами в банки. Кейти пробовала наставить его на путь истинный, но у нее ничего не вышло. Теперь она ждала его возвращения из тюрьмы с намерением попытаться еще раз, а пока что торговала сигаретами в вестибюле отеля «Меншн-Хаус», опасливо поглядывая на мелких проходимцев, толкущихся рядом и попыхивающих дешевыми сигаретами. Время от времени она ссужала кому-нибудь из них несколько долларов, только бы избавиться от их соседства. Вот такой была Кейти Хорн, неожиданно помешавшая моему чревоугодию.

Она села, раскрыла свою небольшую лоснящуюся сумочку, достала пачку сигарет и прикурила от моей

настольной зажигалки. Выпустила струйку дыма и, любуясь ее густотой, она сморщила носик и спросила:

— Ты когда-нибудь слышал о жемчуге Линдера? — И тут же добавила: — Ого! Шикарный костюмчик! Если судить по тому, как ты одеваешься, то на твоем банковском счете есть денежки!

— Нет, — отозвался я. — О жемчуге Линдера никогда не слышал и денег на моем банковском счете нет.

— Тогда как ты взглянешь на долю в двадцать пять тысяч?

Я взял из ее пачки сигарету и закурил. Кейти встала, прикрыла створки окна и продолжила:

— Этот паршивый отель осточертел мне и на работе! — Усевшись снова на стул, объяснила: — Это дело тянется уже пятнадцать лет. Парню припаяли пятнадцать лет, которые он отсидел в тюрьме Ливенворта. Четыре года он уже на свободе. Один богатый лесоторговец с севера по имени Сол Линдер купил их для жены — я говорю о жемчуге. Собственно, купил он две штуки, выкинув двести тысяч!

— Двести тысяч! Выходит, повез их на тачке!

— Вижу, что в жемчуге ты не здорово разбираешься. Речь не только о размерах жемчужин. Так или иначе, но теперь они стоят еще дороже, да и вознаграждение в двадцать пять тысяч, которое предложила страховая компания «Релайсис», все еще в силе.

— А-а, вон оно что! — догадался я. — Выходит, их кто-то похитил.

— Ну вот, наконец-то до тебя дошло. — Она положила сигарету в пепельницу, не погасив, как это часто делают женщины. Пришлось погасить сигарету самому.

— За этот жемчуг того парня и упрятали в Ливенворт, — продолжала рассказ Кейти, — но суду так и не удалось доказать, что жемчуг взял именно он. Тогда был ограблен почтовый вагон. Парню удалось как-то проникнуть в него и затаиться. Потом, где-то возле Вайоминга он застрелил охранника, выгреб содержимое нескольких ящиков и спрыгнул с поезда. Схватили его уже в Британской Колумбии в Канаде. Только жемчуга так и не нашли, во всяком случае тогда. А парня посадили.

— Догадываюсь, что это длинная история. Давай выпьем?

— Я никогда не пью днем. Иначе можно спиться.

— А что же тогда делать эскимосам? — усмехнулся я. — У них там целое лето день.

Кейти посмотрела, как я доставал небольшую плоскую бутылку и продолжала:

— Его звали Сайп. Уолл Сайп. Он провернул то дельце один. И никому не проговорился ни словом. Позднее, через пятнадцать лет, ему пообещали амнистию, если он вернет похищенное. Парень отдал все, кроме жемчуга.

— Где же он его спрятал? Может, в шапке?

— Послушай, мне не до шуток. Я знаю, как добраться до тех шариков.

Я прикрыл ладонью рот и принял серьезный вид.

— Парень уверял, что никогда не видел и не держал того жемчуга в руках, и ему, похоже, поверили. По крайней мере, его амнистировали. И все же жемчуг в почтовом вагоне тогда был, но больше его никто и никогда не видел.

У меня запершило в горле, но я промолчал. Кейти же продолжала:

— Однажды в Ливенворте, всего-навсего один раз за все эти годы, Сайпу удалось раздобыть бутылку дешевого виски, и у него развязался язык. В камере вместе с ним сидел маленький человечишка по имени Чистильщик Мардо. Он что-то там подчищал на двадцатидолларовых банкнотах, за что и получил два года и три месяца. Сайп по-пьянке и рассказал ему, что закопал свой жемчуг где-то в Айдахо.

Я чуть подался вперед.

— Понемногу доходит, а? — спросила Кейти. — Слушай дальше. Чистильщик Мардо снимает в моем доме комнату, а на уме у него одно — кокаин. К тому же он разговаривает во сне.

Я откинулся назад и разочарованно проговорил:

— Черт! А я уже прикидывал, как буду пропивать свою долю.

Кейти холодно посмотрела на меня, но тут же смирилась.

— Ладно, — вздохнула она с долей безнадежности. — Я догадываюсь, что ты думаешь будто я свихнулась. Все эти годы над пропажей этого жемчуга ломали голову немало умных людей — и из почтового управления, и из частных агентств, и из прочих ведомств. И вдруг появляется какой-то кокаинист и заявляет, что знает, где эти шарики отыскать! Нет, что ни говори, но

он довольно симпатичный коротышка, и я ему верю. Он знает, где можно отыскать Сайпа.

— Все это он во сне выложил? — поинтересовался я.

— Конечно, нет. Ты же меня знаешь. Я столько лет проработала в полиции, так что умею слушать. Может, порой я и сую нос не в свое дело, но я быстро догадалась, что он недавно из тюряги. Удивило меня, что он задержался здесь и, похоже, что-то вынюхивает. Сейчас он мой единственный жилец, и я просто начала прислушиваться к его разговорам с самим собой, когда прохожу мимо его двери. Таким образом я узнала достаточно, чтобы поднажать на коротышку. В конце концов он раскололся и обо всем рассказал мне. Он намерен заняться этим делом, но ему нужна помощь.

Я снова подался вперед и спросил:

— Где Сайп?

Кейти усмехнулась и покачала головой.

— Об этом он так ничего и не сказал. Об этом, а также о том, как теперь звать Сайпа. Он где-то на севере, в Олимпии или где-то поблизости, в штате Вашингтон. Чистильщик видел там парня, кое-что разузнал про него, но его Сайп якобы не видел.

— А что этот Чистильщик делает в наших краях?

— Отсюда его отправили в Ливенворт. Ты же знаешь, что преступник всегда возвращается туда, где погорел. Только теперь у него здесь нет ни одного подельщика.

Я закурил вторую сигарету и еще раз приложился к бутылке.

— Ты сказала, что Сайп вышел на свободу четыре года назад. А Чистильщик отсидел два года и три месяца. Чем же он занимался все это время?

Кейти сочувственно посмотрела на меня своими громадными синими глазами.

— Думаешь, сидеть можно только в одной камере?

— Ну, ладно, сказал я. — Но захочет ли он разговаривать со мной? Мне кажется, что ему нужна помощь для договора со страховым обществом или агентством при условии, что тот жемчуг действительно существует, что Сайп сам вложит его в руки Чистильщика и так далее. Я не ошибаюсь?

Кейти вздохнула.

— Дело в том, что он хочет поговорить с тобой. У него уже не хватает терпения. Но он чего-то боится.

Иди к нему сейчас же, пока он снова не нанюхался этой гадости.

— Ну, хорошо... Если ты этого хочешь.

Она достала из сумки плоский ключ и записала мне адрес. Только после этого неторопливо поднялась.

— Здание имеет два крыла. Я живу отдельно, посередине, имею отдельный вход. Это на тот случай, если он не откроет.

— Хорошо,— сказал я, провожая взглядом Кейти, направившуюся к двери.

На пороге она остановилась, вернулась назад и, не поднимая глаз, сказала:

— На большую долю в этом деле я не претендую. Может, мне и вообще ничего не перепадет. Но если бы получить хотя бы тысячу или две, пока не выйдет из тюрьмы Джонни, то...

— То тогда ты смогла бы наставить его на праведный путь,— перебил я ее.— Все это ерунда, Кейти. И все же, как бы там ни было, но свою долю ты будешь иметь.

Она перевела дух и уставилась на меня, едва сдерживая слезы. Потом шагнула к двери, но снова вернулась назад, так и не переступив порога.

— Это еще не все,— сказала она.— Этот Сайп... Он отсидел пятнадцать лет. Сполна за все заплатил. Тебе не кажется, что мы задумали нечестное дело?

Я покачал головой.

— Он их украл. Разве не так? И убил человека. Чем он зарабатывает себе на жизнь?

— У его жены есть деньги,— ответила Кейти.— Ну, а он забавляется золотыми рыбками.

— Золотыми рыбками? — удивился я.— Да ну его к черту!

Кейти вышла.

2

Последний раз я был возле Серого Озера, когда помогал Берни Оулсу из команды окружного прокурора подстрелить вооруженного типа по кличке Громила Эндрюс. Только это было выше, в предгорьях, дальше от озера. Дом Кейти стоял словно бы на второй террасе — на излучине дороги, которая огибала подножье горы.

Он одиноко виднелся на скате, одна из стен в нескольких местах треснула, а на задворках проглядывал пустырь.

Дом действительно имел два крыла с индивидуальными входными дверьми, к которым вели щербатые ступени. На одной из дверей висела табличка, прикрепленная к решетке, за которой виднелся глазок. На табличке стояло: Тел. 1432.

Я припарковал машину, поднялся на несколько ступенек вверх, минуя два ряда гвоздик, и подошел к двери с табличкой. Похоже, что квартирант жил именно здесь. Я позвонил, но никто на звонок не отозвался. Я подошел к другой двери и снова позвонил. Результат был тот же.

Пока я раздумывал, что делать дальше, из-за поворота показался серый двухместный «додж», из которого на меня взглянула маленькая и хорошенькая девушка в синем. Я не разглядел, кто еще сидел в машине, да, собственно, и не обратил на это особого внимания, не догадываясь, насколько это было для меня важно.

Я вынул ключ Кейти Хорн и сам впустил себя в запертую комнату, пропахшую кедровым маслом. Из мебели здесь было только самое необходимое. На окнах висели тюлевые занавески, из-за портьер проглядывал мягкий солнечный свет. Крохотная столовая, кухня да спальня в задней части здания принадлежали, очевидно, Кейти. Была там и ванна, да еще одна спальня в передней части дома — в этой спальне Кейти, судя по всему, шила. Именно из этой комнаты была пробита дверь в другое крыло дома.

Я отпер ее и вошел в комнату, которая была точной копией первой. Планировка повторялась, только в обратном порядке, за исключением мебели. В общей комнате этого крыла стояла двуспальная кровать, но едва ли кто здесь жил.

Я прошел в заднюю часть дома, минуя вторую ванну, и постучал в закрытую дверь.

Мне никто не открыл. Я толкнул шарообразную ручку и вошел в комнату. Небольших размеров мужчина лежал на кровати. Это, видимо, и был Чистильщик Мардо. В первую очередь я увидел его ноги, поскольку Мардо хотя и был в штанах и рубашке, но ноги его были голыми и свисали с кровати. Возле щиколоток они были связаны веревкой.

Пятки ног у Мардо были явно обуглены. Окно было распахнуто настежь, но в комнате воняло паленым мясом и горелым деревом. Электрический утюг и до сих пор был включен в розетку. Я поспешил вытащить из нее шнур.

Вернувшись в кухню Кейти, я нашел в холодильнике бутылку виски «Бруклин скотч». Немного подкрепившись, я перевел дух и оглядел пустырь за домом. Узенькая асфальтированная дорожка вела от дверей к зеленым деревянным сходням, спускавшимся на улицу.

Поразмыслив, я снова прошел в комнату Чистильщика Мардо. Пиджак от коричневого костюма в красную полоску висел на стуле с вывернутыми карманами, а все что когда-то находилось в них, валялось на полу.

На Мардо были брюки от костюма, карманы тоже вывернуты. Ключи, мелкие деньги и носовой платок лежали на кровати рядом. Тут же валялась и небольшая металлическая коробочка, похожая на женскую пудреницу: из нее высыпался блестящий белый порошок. Кокаин.

Мардо был небольшого роста — метр шестьдесят, не больше, имел реденькую каштановую шевелюру и крупные глаза. Установить их цвет было трудно. Это были просто глаза, широко раскрытые и совершенно мертвые. Руки были связаны веревкой, которая тянулась из-под кровати.

Я осмотрел труп в поисках ножевых или огнестрельных ран, но ничего похожего не обнаружил. У Мардо не было никаких повреждений, если не принимать во внимание ноги. Похоже на шок или сердечный приступ, а может, то и это вместе привели его к смерти. Тело еще не охладело. Кляп во рту был теплый и мокрый.

Я протер все, к чему притрагивался, пару минут посмотрел из переднего окна Кейти на улицу, и только после этого вышел из дома.

В половине четвертого я вошел в вестибюль отеля «Менши-Хаус» и направился к табачному киоску в углу. Склонившись над витриной, попросил пачку «Кэмел».

Кейти Хорн придвинула ко мне сигареты, сунула в нагрудный карман моего пиджака сдачу и усмехнулась так, как всегда улыбалась своим покупателям.

— Ну и как? Ты быстро обернулся,— сказала она и кинула украдкой взгляд на пьяного, который пытался прикурить от старомодной кремниевой зажигалки.

— Дело на мази,— кивнул я. — Приготовься.

Она резво крутнулась и бросила пьяному коробку спичек. Тот попробовал поймать ее, но выронил и спички, и сигару. Пробормотав ругательство, он сгреб их с пола и кинулся к двери, все время оглядываясь, словно ожидая подзатыльника.

Кейти смотрела мимо меня холодным взглядом.

— Ну? — прошептала она.

— Теперь ты получишь ровно половину,— сказал я. — Чистильщика больше нет. Его пришили... в собственной постели.

Глаза Кейти испуганно мигнули. Пальцы сжались в кулак возле моего локтя. Губы побелели. Вот и все.

— Послушай,— сказал я,— ничего не говори, пока я не расскажу все. Он умер от шока. Кто-то подпалил ему пятки электрическим утюгом. Не твоим. Я проверил. Думаю, что умер он быстро и просто не успел им много сказать. Кляп был у него еще во рту. Когда я шел к тебе, то думал, что все это ерунда, но теперь я так не думаю. Если он им что-то успел сказать, то считай, что у нас ничего не выгорело. Правда, может быть, мне удастся найти Сайпа раньше их. Эти парни едва ли остановятся перед чем-либо. Если же он перед ними не раскололся, то время у нас еще есть.

Кейти повернула голову и посмотрела на вращающиеся входные двери вестибюля. На ее щеках проступили белые пятна.

— Что же мне делать? — выдохнула она.

Я опустил ее ключ в коробку с сигарами. Она проворно достала его оттуда своими длинными пальцами и спрятала.

— Когда вернешься домой, сама все увидишь. Делай вид, что ничего не знаешь. Забудь и про меня, и про жемчуг. Когда полиция проверит его пальчики, то сразу догадается, что у него темное прошлое и решит, что его пришили за какие-то старые грехи.

Я распечатал пачку сигарет, закурил и с минуту молча наблюдал за Кейти. Она не шевельнулась.

— Сумеешь сыграть свою роль? — спросил я. — Если нет, то сразу скажи.

— Конечно. — Ее брови выгнулись дугой. — Неужели я похожа на человека, способного на предательство?

— Ты вышла замуж за жулика,— хмуро напомнил я.

Она вспыхнула. Собственно, этого я и добивался.

— Он не жулик! Он просто набитый дурак! Никто не стал обо мне после этого хуже думать, даже парни из полицейского управления.

— Ну, ладно. Вот так-то оно лучше. В конце концов, это убийство не наших рук дело. А заговорим мы сейчас, тогда забывай вовсе о вознаграждении, если оно когда-либо будет выплачено.

— Это уж несомненно! — криво усмехнулась Кейти. — Ох, бедный коротышка... — Она едва не прослезилась.

Я похлопал ее по руке, постарался пошире улыбнуться и вышел из отеля.

3

Контора страховой фирмы «Релайенс» размещалась в трех небольших и простеньких комнатках здания «Грас-Билдинг». Компания была слишком солидна, чтобы иметь такие непрезентабельные апартаменты.

Управляющего местным филиалом звали Лутин. Это был лысый мужчина средних лет со спокойными глазами и хрупкими пальцами, которые все время поглаживали сигару в пестрой обертке. Он сидел за большим, хорошо протертым столом и спокойно рассматривал мой подбородок.

— Говорите, Кармади? Слышал про вас. — Лутин прикоснулся мизинцем к моей визитной карточке. — Так что вы там задумали?

Я покрутил в руках сигарету и, понизив голос, спросил:

— Помните о жемчуге Линдера?

Он чуть заметно усмехнулся.

— Едва ли я забуду о нем. Камешки обошлись компании в сто пятьдесят тысяч долларов. Я был тогда еще всего лишь самоуверенным юнцом.

— У меня есть идея, — перешел я к делу. — Может, все это глупости, скорей всего так оно и есть, но я хотел был испытать свое счастье. Обещание вознаграждения в двадцать пять тысяч все еще в силе?

— Двадцать тысяч, Кармади, — захохотал Лутин. — Пять тысяч мы истратили на поиски сами. Предупреждаю, вы только напрасно потеряете время.

— Это мое время. Пусть будет двадцать. А на какую помощь я могу рассчитывать с вашей стороны?

— Помощь в чем?

— Например, могу ли я рассчитывать, что вы дадите мне рекомендательное письмо к другим вашим филиалам? На тот случай, если мне придется работать в других штатах. Или если мне потребуется благосклонное внимание со стороны представителей местных властей.

— А в каком штате вы намерены работать?

Я только улыбнулся. Лутин постучал сигарой о край пепельницы и улыбнулся в ответ. Черт побери, насколько недоброжелательны были наши улыбки!

— Письма не будет,— отрубил он.— Нью-Йорк этого не позволит, хотя у нас и автономная система. Но вы можете рассчитывать на нашу негласную помощь. И на двадцать тысяч, если вам повезет. Да только вряд ли.

Я закурил и, откинувшись на спинку стула, выпустил дым в потолок.

— Не будет? А почему не будет? Ведь вы же не нашли этих камешков. Хоть они и были на самом деле, не так ли?

— Были, черт бы их побрал! И если существуют до сих пор, то принадлежат нам. Только трудно надеяться, что они вдруг найдутся через двадцать лет.

— Ну что ж, пусть будет по-вашему. Собственно, я рискую только своим временем.

Лутин стряхнул с сигары пепел и перевел взгляд на меня.

— Мне нравится ваше нахальство,— сказал он,— даже если у вас не все дома. Ну, а если я приставлю за вами хвост? Что тогда?

— Тогда я проиграю. Я быстро узнаю, что меня пасут. Слишком давно я играю в подобные игры, чтобы не догадаться об этом. Я тут же выйду из игры, расскажу обо всем, что знаю, полиции и отправлюсь домой.

— Почему же вы так поступите?

Я навис над его столом.

— Потому что парня, который мог бы навести меня на след,— медленно проговорил я,— сегодня спровадили на тот свет.

— Ну и ну! — потер нос Лутин.

— Только не я отправил его туда,— добавил я.

Какое-то время мы молчали. Первым заговорил Лутин:

— Никакое письмо вам не нужно. Вы бы его даже не носили с собой. А уж после того, что вы мне рассказали, я бы — и вы об этом отлично знаете — даже не рискнул дать вам подобное письмо!

Я встал, усмехнулся и направился к двери. Лутин стремительно выскочил из-за стола, догнал меня и положил свою холеную ладонь на мое плечо.

— Послушайте, я догадываюсь, что вы сумасшедший. Но если вы все же доберетесь до камешков, то передайте их нам через наших сотрудников. Нам так нужна реклама!

— Какого дьявола! А на что я, по-вашему, живу? — процедил я.

— Двадцать пять тысяч.

— А я понял, что их всего двадцать.

— Двадцать пять. И все равно, вы ненормальный. У Сайпа того жемчуга никогда не было в руках. Если бы он его имел, то давно бы уже договорился с кем-нибудь из нас.

— Правильно,— кивнул я. — У вас было достаточно времени, чтобы выработать по данному поводу собственное мнение.

Мы пожали друг другу руки, усмехнулись с видом двух умных людей, которые знают, что обвести вокруг пальца их никому еще не удавалось.

Когда я вернулся в свою контору, было начало шестого. Несколько раз я прикладывался к бутылке, а потом закурил трубку и уселся в кресло, чтобы пошевелить мозгами, когда неожиданно зазвенел телефон.

— Кармади? — спросил женский голос. Он был высок, чист и холоден. И мне явно не знаком.

— Да.

— Вам нужно встретиться с Рашем Медером. Вы его знаете?

— Нет,— соврал я. — И зачем мне с ним встречаться?

В трубке послышался звонкий и холодный, как лед, смех.

— Видите ли, у одного парня разболелись ноги,— объяснил голос.

Послышались гудки. Я положил трубку, чиркнул спичкой и уставился в стену, пока пламя не обожгло мне пальцы.

Раш Медер был «темной лошадкой» среди мелких адвокатов из «Кворн-Билдинг». Мелкий продажный тип, который немедленно спешит на помощь, если кому-то требуется обеспечить фальшивое алиби. Медер хватался за все, что плохо пахло и на чем можно было погреть руки. Но я никогда не слышал, чтобы он брался за серьезные дела, такие как, скажем, если кому-то требуется подогреть пятки.

4

На Спринг-стрит заканчивался рабочий день. Такси неторопливо тащились возле тротуаров, стенографистки спешили домой, трамваи попадали в пробки, а регулировщики неизвестно почему не позволяли водителям поворачивать направо.

«Кворн-Билдинг» имел узкий фасад цвета засохшей горчицы, а за стеклянной витриной возле входа виднелся великолепный набор вставных зубов. Рекламный щит рябил именами стоматологов, которые удаляют зубы безболезненно, объявлениями о курсах курьеров, именами просто и номерами без имен. Среди них и значилось: «Раш Медер, адвокат. Комната 619».

Я вышел из тряского лифта без дверей, кинул взгляд на грязную плевательницу, что стояла на загаженном резиновом коврике, прошел коридором, пропахшим окурками, и попробовал толкнуть дверную ручку под замысловатой табличкой с номером 619. Дверь оказалась запертой. Я постучал.

По ту сторону таблички мелькнула тень, и дверь со скрипом отворилась. Передо мной стоял приземистый мужчина с мягким округлым подбородком, густыми черными бровями, сальной кожей на щеках и усами под Чарли Чена, детектива-китайца, героя романов Биггерса. Благодаря этим усам лицо Медера казалось еще более гладким.

Он протянул мне два желтых от никотина пальца.

— А-а, старый волкодав, собственной персоной! У меня прекрасная зрительная память. Вас зовут Кармади, разве не так?

Я переступил порог и подождал, пока двери со скрипом не затворились. Голая, без ковров, комната, пол покрыт коричневым линолеумом, широкий письменный

стол, к которому под прямым углом поставлено бюро. Громоздкий зеленый шкаф-сейф, два шкафа с картотеками, три стула, шкаф для одежды, а в углу возле двери — умывальник.

— Ну, садитесь,— пригласил Медер. — Рад познакомиться.

Он прошел за письменный стол, примостил на стул подушечку и уселся на нее.

— Очень мило с вашей стороны заглянуть ко мне,— добавил он. — У вас какое-то дело?

Я сел на стул, взял в зубы сигарету и поднял на него глаза. Я ничего не говорил, только наблюдал, как его начал прошибать пот. Сначала взмокла одна из прядей его волос. Потом Медер схватил со стола карандаш и сделал какие-то пометки в блокноте. Кинув на меня взгляд, снова склонился над записями. И, наконец, не поднимая головы от блокнота, снова заговорил.

— Имеете какие-то соображения? — осторожно поинтересовался он.

— По поводу чего?

Он продолжал смотреть в блокнот.

— По поводу того, как мы могли бы провернуть одно дельце. Скажем, приобрести несколько камешков.

— Кто та девушка? — спросил я.

— Что? Какая девушка? — Он все еще не поднимал на меня глаз.

— Та, которая звонила мне.

— Вам кто-то звонил?

Я снял трубку с его старомодного, смахивающего на виселицу, телефонного аппарата и принялся неторопливо набирать номер полицейского управления. Я был уверен, что Медер знает этот номер не хуже собственной шляпы.

Он протянул руку и нажал на рычаг.

— Послушай,— недовольно буркнул он,— ты слишком торопишься. На кой черт звонить лягавым?

— Они непротив поговорить с тобой,— спокойно проговорил я,— поскольку ты знаешь одну девицу, а она знакома с одним типом, у которого разболелись ноги.

— Неужели нельзя иначе? — Теперь собственный воротник стал Медеру тесен, и он попробовал растянуть его.

— Я тут ни при чем,— пожал я плечами.— Если ты надеялся, что я буду сидеть тут и любоваться твоей физиономией, то глубоко ошибался.

Медер открыл плоский портсигар и сунул в рот сигарету. Я заметил, что его руки дрожали.

— Хорошо,— буркнул он.— Пусть будет так. Не горячись.

— Не люблю, когда мне заговаривают зубы. Говори о деле. Похоже, хочешь предложить мне работу, да только боюсь, что для меня она явно неприемлема. Но выслушать тебя я все же могу.

Медер кивнул головой. Теперь он успокоился, поняв, что я беру его на пушку. Выпустив изо рта кольцо дыма, он проводил его взглядом.

— Хорошо,— уже ровным голосом заговорил Медер.— Бывает, что я порой валяю дурака. Дело в том, что мы оба себе на уме. Керол видела, как ты входил и выходил из одного дома. И при этом не позвал полицию.

— Керол?

— Керол Донован. Моя подруга. Это она тебе звонила.

Я кивнул головой и сказал:

— Дальше.

Но Медер молчал. Сидел и моргал глазами, словно сова.

Я усмехнулся, чуть наклонился над его столом и сказал:

— Так вот что тебя волнует. Ты не знаешь, с какой целью я посещал тот дом и почему, покидая его, не закричал: «Полиция!» Все очень просто. Я подумал, что это чья-то тайна.

— Мы просто водим друг друга за нос,— с кислой миной проговорил Медер.

— Пусть так,— согласился я.— Поговорим о жемчуге. Так для тебя проще?

Его глаза заблестели. Ему хотелось дать волю своим чувствам, но он сдержался. Приглушив голос, он холодно сказал:

— Того коротышку Керол подцепила однажды вечером. Полусумасшедший тип. В голове — пусто, если не считать порошка, но если основательно покопаться, то оказывается, что там засела одна мысль. Вот он и рассказал о том жемчуге. На севере Канады где-то живет один тип. Украл жемчуг давным-давно, только ни-

как не может с ним расстаться. Но парня того этот тип не назвал, не указал и точное место, где он живет. Все хитрил. Молчал и все тут. А почему — не пойму.

— Хотел, чтобы ему пятки поджарили,— подсказал я.

Медер скривился, и его прядь на лбу снова взмокла.

— Это не моих рук дело,— пробормотал он.

— Твоих или Керол — какая разница? Коротышка мертв. Это расценят как убийство. Но вы так и не получили того, что хотели. Поэтому-то вам и понадобился я. Думаете, что я знаю то, чего не знаете вы. Если бы я что-то знал, то не пришел бы сюда, да и вы, если бы знали достаточно, не пригласили бы меня сюда. Разве не так?

Медер растянул губы в усмешке, но так осторожно, словно у него болели зубы. Чуть повернувшись на стуле, выдвинул один из ящиков стола, вынул оттуда бутылку темного стекла и две такого же цвета рюмки.

— Поделим все на двоих,— прошептал он. — Ты и я. К черту Керол! Слишком круто она берет, Кармади. Приходилось мне видеть жестоких женщин, но эта сделана буквально из стали. А с первого взгляда о ней такого не скажешь, верно?

— А разве я когда-нибудь ее видел?

— Думаю, что видел. По крайней мере, так она говорит.

— А-а, это та красотка, что была в «додже»?

Он кивнул головой, налил по приличной порции в рюмки, поставил бутылку и приподнялся.

— Воды? — спросил он. — Я всегда пью с водой.

— Не нужно... Однако, зачем тебе делиться со мной? Ведь я знаю не больше тебя. Может быть, чуть-чуть... Но не настолько, чтобы предлагать мне половину.

Он хитро посмотрел на меня поверх стаканчика.

— Я знаю, где можно получить за жемчуг Линдера пятьдесят тысяч — вдвое больше, чем мог получить ты. Я отдам тебе твою долю, но при этом и сам не прогадаю. Ты имеешь возможность работать под официальной вывеской. Это то, чего не хватает мне. Так как в отношении воды?

— Мне не нужно.

Он подошел к умывальнику, повернул кран, набрал полстакана воды и вернулся к столу. Усевшись на подушку, усмехнулся и жестом пригласил меня выпить.

Мы выпили.

2*

Пока что мною сделано четыре ошибки. Первая — что вообще впутался в такое дело, хотя бы и ради Кейти Хори. Вторая — что не вышел из игры после того, как нашел Чистильщика Мардо мертвым. Третья — что дал Рашу Медеру понять, будто я в курсе дела. Четвертая и самая серьезная — это виски.

Оно показалось мне необычным на вкус еще тогда, когда я его глотал. А когда в голове у меня вдруг прояснилось, я сообразил, что видел своими глазами, как Медер поменял свой стаканчик на другой, который поставил на умывальник заблаговременно.

Какое-то время я сидел неподвижно с пустым стаканчиком в руке, стараясь взять себя в руки. Лицо Медера вдруг стало расплываться. Злорадная усмешка мелькнула и пропала под усами Чарли Чена, когда Медер увидел мое состояние.

Я сунул руку в карман брюк и достал небрежно сложенный носовой платок. Завернутый в него небольшой сюрприз не попал на глаза Медеру. По крайней мере, когда он сунул руку под пиджак, было уже поздно.

Я вскочил, пьяно качнулся вперед и ударил его по темечку.

Медер упал, тут же попробовал подняться, но я ударил его в челюсть. Он обмяк и рукой, выскользнувшей из-под пиджака, опрокинул на столе стакан. Я поставил его на место и молча постоял, прислушиваясь, как в желудке поднимается тошнота. В голове помутилось.

Я подошел к двери, что вела в соседнюю комнату, и попробовал нажать на ручку. Дверь была заперта. Меня шатало с боку на бок. Я подтянул к входной двери стул и его спинкой подпер ручку. Опершись спиной о дверь, тяжело дыша и скрипя зубами вперемешку с проклятиями, достал наручники и вернулся к Медеру.

И тут красивая брюнетка вышла из шкафа для одежды и направила на меня револьвер.

На ней был элегантный синий костюм. Шляпка в форме перевернутого блюдца четкой линией прочерчивала лоб. Из-под шапочки выбивались волосы, отливающие антрацитом. Глаза серо-голубые, холодные и какие-то легкомысленные. Лицо молодое, свежее, нежное и одновременно твердое, как сталь.

— Не торопись, Кармади. Ложись и отсыпайся. С тобой все ясно.

Спотыкаясь, сжимая в руках свою «игрушку», я ринулся на девицу. Но она только покачала головой. Ее контуры начали расплываться. Револьвер в ее руке менял размеры от тоннеля до зубочистки.

— Не делай глупостей, Кармади,— предупредила она.— Тебе предстоит поспать несколько часов, а мы за это время кое-что успеем сделать. Не вынуждай меня стрелять. Я не шучу.

— Черти б тебя забрали...— процедил я.— Вижу, что готова пальнуть...

— Пальну, можешь не сомневаться, котик. Я женщина, которая привыкла стоять на своем. Вот так, дорогой. Садись.

Пол вдруг выскользнул у меня из-под ног, и я едва удержался, чтобы не стукнуться носом о грязный линолеум. Попробовал подняться, но сил хватило только на то, чтобы опереться рукой о пол и приподнять голову. Руки стали ватными, все тело онемело и перестало мне повиноваться.

И все же я пытался не спускать с нее глаз.

— Ну и ну...— с недоумением бормотал я.— Можно сказать, впервые встречаюсь с женщиной-убийцей...

Она расхохоталась мне в лицо, но я уже перестал что-либо соображать. В голове у меня грохотали барабаны из далеких джунглей. На меня навалились тучи светотеней, сквозь грохот барабанов пробивался какой-то шелест, похожий на шум верхушек деревьев при сильном ветре. Я продолжал сопротивляться желанию лечь на пол, но из этого ничего не получилось: голова упала на жесткий линолеум, и я почувствовал облегчение.

Откуда-то издалека доносился голос девицы, словно голос эльфа.

— Значит, все на двоих? Значит, ему не понравились мои методы? Что ж, пусть бог благословит его щедрое, доброе сердце. Мы о нем позаботимся.

Когда я уже окончательно терял сознание, мне послышался какой-то резкий звук. Мелькнула мысль, что она пристрелила Медера. Да где там! Девица всего лишь помогла мне побыстрее переместиться в черную темноту — с помощью моей же собственной свинчатки.

Когда я пришел в себя, была ночь. Что-то громко треснуло у меня над головой. В распахнутом окне вспыхнул свет, выхватив из тьмы стену высокого зда-

[illegible] Тут же треснуло снова, и свет погас. Я понял, что [illegible] на крыше ритмично вспыхивала и гасла реклама.

Я поднялся с пола, словно человек, выбравшийся из топи болота, кое-как доплелся до умывальника, бросил несколько пригоршней воды в лицо, пощупал голову и поморщился. Возле двери ощупью отыскал выключатель.

Вокруг стола валялись разбросанные бумаги, карандаши, конверты, пустая темная бутылка из-под виски, окурки. Повсюду пепел и мусор из поспешно выпотрошенных ящиков. Я не стал копаться в этом хламе. Выйдя из конторы, спустился на трясучем лифте вниз, заглянул в бар, выпил порцию коньяка, потом отыскал свою машину и поехал домой.

Переодевшись, я упаковал сумку, выпил немного виски и снял телефонную трубку — мне кто-то звонил. Было половина десятого утра.

— Выходит, ты еще не уехал? — узнал я голос Кейти Хорн. — Я так и думала.

— Ты одна? — через силу выговорил я.

— Сейчас одна. Но недавно у меня было полно легавых. Торчали несколько часов. Хотя вели себя достаточно любезно, даже сочувствовали мне. Они считают, что кто-то сводит старые счеты.

— Твой телефон теперь, вероятно, прослушивается! — закричал я. — Куда это я должен был ехать?

— Ты же сам знаешь. Мне об этом сказала твоя девица.

— Невысокая брюнетка? Излишне самоуверенная? Назвалась Керол Донован?

— У нее была твоя визитная карточка. А что, разве...

— Нет у меня никакой девицы,— усмехнулся я.— Но бьюсь об заклад, что совсем случайно — ты об этом могла и не подумать — у тебя с языка сорвалось название одной местности на севере. Я не ошибся?

— Д-да... — чуть слышно призналась Кейти.

Ночным рейсом я вылетел на север.

Если не принимать во внимание головную боль и непреодолимого желания напиться ледяной воды, то полет был вполне благополучным.

Отель «Сноквелми» в городе Олимпия размещался на улице Кепител-вей напротив городского парка, занимавшего площадь не более одного квартала. Я постоял возле дверей кофейни, а потом отправился под гору, в сторону старого причала. Впереди все было завалено штабелями бревен. Несколько стариков толпились среди этих штабелей или сидели на опрокинутых ящиках с трубками в зубах. Вывески за их спинами утверждали: «Дрова и щепа. Доставка бесплатная».

Чуть подальше вздымался довольно крутой холм, на вершине которого росли великолепные северные сосны.

Двое стариков сидели на ящиках метрах в шести один от другого, но видно было, что размышляли они каждый о своем. Я подошел к одному из них. На нем были вельветовые брюки и то, что когда-то было шерстяной курткой в черную и красную клетку. На его фетровой шляпе было столько пота и пыли, что цвет ее трудно было определить. В левой руке старик держал короткую черную трубку, а грязными пальцами правой неторопливо, осторожно и с явным наслаждением вырывал из собственного носа длинные, лихо закрученные волосы.

Я придвинул один из валявшихся пустых ящиков, сел, набил табаком трубку, раскурил и пыхнул дымом. Показав рукой в сторону воды, с сомнением в голосе проговорил:

— И не скажешь, что она соединяется с Тихим океаном.

Старик поднял на меня глаза.

— Мертвый угол... — продолжал я. — Тихое и спокойное у вас житье. Мне это нравится.

Старик молча продолжал смотреть на меня.

— Держу пари,— не отставал я,— те, кто живет здесь, знают друг друга с рожденья до смерти, всех жителей местечка и его окрестностей.

И только тогда он спросил:

— И сколько же вы ставите?

Я вынул из кармана серебряный доллар. В этих местах их и до сих пор можно увидеть. Старик оглядел монету, кивнул головой, а потом с остервенением вы-

[illegible] очередную волосину и принялся разглядывать ее на свету.

— Вы проиграете,— решительно заявил он.

Я положил доллар себе на колено и спросил:

— Вы знаете кого-нибудь в этих краях, кто держит золотых рыбок?

Старик не сводил глаз с доллара. Второй дед, что сидел неподалеку, был в комбинезоне и ботинках без шнурков. Он тоже заинтересованно посматривал на монету. Первый старик повернул голову в сторону соседа и спросил:

— Ты знаешь, кто тут держит золотых рыбок?

Тот вскочил с ящика, схватил солидных размеров топор, поставил вертикально один из валявшихся кряжей, взмахнул топором и с одного удара развалил кряж надвое. Только после этого победоносно взглянул на первого старика и крикнул:

— Не такой уж я и старый!

— Он плохо слышит,— объяснил первый старец, вставая с ящика и направляясь в сторону хижины, слепленной из старых досок. Исчезнув за дверями хижины, он громко хлопнул рассохшейся дверью.

Второй дед рассерженно швырнул топор на землю, плюнул в сторону закрытых дверей и заковылял в сторону ближайшего прохода между штабелями.

Дверь хижины распахнулась, показалась голова старика.

— Крабы из канализации, вот и все! — выкрикнул он и снова закрыл дверь.

Я спрятал доллар в карман и решил вернуться обратно, так как понял, что не скоро научусь понимать здешний диалект.

Кепител-вей тянулась с севера на юг. Мрачный зеленый трамвай тащился вдоль улицы в сторону района, называемого Тамуотер. Вдали виднелись какие-то государственные учреждения. По пути я минул два отеля, несколько магазинов. Дальше был перекресток. Направо дорога вела в сторону Такоми и Сиэтла. Та, что поворачивала налево, шла через мост к полуострову Олимпик.

Сразу за перекрестком улица вдруг стала какой-то несовременной, сильно постаревшей, грязной и неряшливой, асфальт на тротуарах в выбоинах, всюду валялся мусор. Китайский ресторанчик, обклеенный афишами кинотеатр, чуть подальше — ломбард. Вывеска, нави-

савшая над тротуаром, оповещала: «Все для курящих». А пониже, маленькими буквами — словно хозяин надеялся, что их никто не заметит — стояло: «Бильярд».

Я миновал стеллажи с журналами в пестрых обложках, стол-витрину с сигарами, где теперь валялись только мухи, и вошел вовнутрь. Слева была деревянная стойка, несколько игральных автоматов и единственный бильярдный стол. Трое подростков крутились возле игральных автоматов; высокий худощавый мужчина с длинным носом и вовсе без подбородка играл сам с собою на бильярде, в зубах у него торчала погасшая сигара.

Я сел на высокий табурет. Лысый мужчина с тяжелым взглядом поднялся за стойкой со своего стула, вытер руки о куцый синий фартук и блеснул в мою сторону золотым зубом.

— Глоток виски,— сказал я. — Вы не знаете, кто здесь занимается золотыми рыбками?

— Да,— отозвался мужчина. — Нет.

Он налил что-то за стойкой в толстостенный стакан и поставил его передо мной.

— Двадцать пять центов.

Я понюхал жидкость, поморщился и поинтересовался:

— «Да» — это о виски?

Лысый показал мне бутылку с ярлыком «Лучшее хлебное виски «Дикси». Гарантирована выдержка — четыре месяца».

— Ого! — воскликнул я. — Не ожидал!

Долив стакан водой, я выпил так называемое виски, по вкусу напоминавшее скорее культуру холеры.

Я положил на стойку двадцатипятицентовик. Бармен снова блеснул золотыми зубами, вцепился своими лапищами в стойку и, подавшись ко мне, выдавил:

— Не понимаю вашего юмора.

— Я только что приехал, поэтому найти в вашем захолустье марочное виски было для меня неожиданностью,— пояснил я. — Вообще-то я разыскиваю золотых рыбок, чтобы украсить витрину...

— По-вашему, я похож на парня, который знает, кто имеет золотых рыбок? — медленно проговорил бармен, бледнея скулами.

Долгоносый, что играл сам с собою на бильярде, положил кий, подошел к стойке и кинул на нее пятнадцатипенсовик.

Налей мне чего-нибудь выпить, пока ты еще не наложил в штаны,— сказал он бармену.

Тот с трудом оторвал от стойки руки. Я наклонился, чтобы поглядеть, не оставили ли его пальцы вмятин на поверхности стойки. Лысый налил в стакан кока-колы, помешал в нем специальной палочкой, резко придвинул стакан к длинноносому, набрал полные легкие воздуху, тут же выпустил его через нос и, что-то проворчав, выскочил за дверь с табличкой «Туалет».

Долгоносый поднял стакан с кока-колой и посмотрел в засиженное мухами зеркало. Левая сторона его рта чуть заметно дернулась, и глухой голос спросил:

— Как там Чистильщик?

Я соединил большой и указательный пальцы, поднес их к носу, понюхал и удрученно покачал головой.

— Перенюхался? — переспросил длинноносый.

— Эге... Я не слышал вашего имени.

— Называй меня Западом. Я, как то солнце, все время стремлюсь на запад. Думаешь, он не расколется?

— Не расколется,— подтвердил я.

— А как тебя кличут?

— Додж Вилис с Эль-Пасо,— ответил я.

— Здесь остановился?

— В отеле.

Он опорожнил стакан, поставил его на стойку и сказал:

— Нужно поговорить.

7

Мы прошли в мой номер, сели и уставились друг на друга поверх стаканов с виски. Запад изучал меня своими близко посаженными глазами, по выражению которых ничего невозможно было понять. Изучал неторопливо, но очень внимательно, как бы суммируя впечатление.

Я выпил содержимое стакана и ждал. Наконец, он заговорил своим «тюремным» голосом:

— Почему Чистильщик не пришел сам?

— Потому что его не оказалось на месте.

— Что это значит?

— Помозгуй сам.

Он кивнул головой, словно в том, что я сказал, был какой-то смысл.

— Какая цена? — спросил он.

— Двадцать пять тысяч.

— Ну, это ты загнул! — кинул он запальчиво, даже грубовато.

Я откинулся назад, закурил, выпустил струю дыма в раскрытое окно и проследил, как легкий ветерок подхватил дым и разметал по воздуху.

— Знаешь,— недовольно заговорил Запад,— мне: что ты, что спортивный раздел в воскресной газете. Может, ты и наш парень, но я тебя совсем не знаю.

— Тогда какого черта ты вцепился в меня?

— Ты же сказал слово, разве не так?

Вот тут я и решился нырнуть, как говорится, с головой.

— Вот именно,— усмехнулся я. — «Золотые рыбки» — пароль, а «Все для курящих» — место встречи.

На его лице ничего не отразилось, и это подсказало мне, что я попал в точку.

— Ну и что дальше? — спросил Запад, посасывая кусочек льда из своего стакана.

Я засмеялся.

— Хорошо. Я понимаю, ты недоверчив, но в таком ракурсе мы можем говорить неделями и все без толку. Давай открывать карты. Где старик?

Запад сжал губы. Наконец, медленно, очень медленно, поставил стакан на стол, и его правая рука как бы случайно потянулась к бедру. Я понял, что допустил ошибку, небось Чистильщик отлично знал, где находится старик. Поэтому и я должен был об этом знать.

Но голосом мой собеседник ничем не выдал, что я допустил промах. Он только сердито проговорил:

— Ты хочешь, чтобы я выложил свои карты на стол, а ты посидишь и полюбуешься на них? Так дело не пойдет!

— Тогда как тебе понравится такая новость? — усмехнулся я. — Чистильщик мертв!

У него дернулись брови и уголок рта. Глаза стали еще более бесстрастными. Голос едва слышно прошуршал:

— Как это случилось?

— Конкуренция, о которой вы и знать не знали, и ведать не ведали!

Тускло блеснув на солнце, появился револьвер. Я так и не понял, откуда он взялся. Зрачок у него был круглый и темный. Ощущение не из приятных, когда он смотрит прямо тебе в глаза.

— Не на того напал! — насмешливо заявил Запад. — Я не настолько дурак, чтобы меня можно было обвести вокруг пальца.

Я сложил руки на груди, не забыв положить правую сверху.

— Никто не собирается морочить тебе голову. Чистильщик затеял игру с одной девчонкой, и она все у него выпытала. Но он все же не сказал ей, где искать старика. Тогда она заявилась со своим боссом прямо на квартиру к Чистильщику и попыталась вытянуть из него все остальные сведения с помощью электрического утюга, подогрев ему пятки. Он умер от шока.

Мой рассказ не произвел на Запада никакого впечатления.

— Что дальше?

— А ничего! — огрызнулся я, прикидываясь разозленным. — Какого черта! Я ведь от тебя тоже ничего пока не слышал, кроме того, что ты знаешь Чистильщика!

Он крутнул на пальце револьвер, по-прежнему не спуская с меня глаз.

— Старый Сайп сейчас в Вестпорте,— небрежно бросил он. — Это тебе о чем-то говорит?

— Да. А камешки все еще у него?

— Черт возьми! Да откуда мне знать?!

Он снова зажал револьвер в руке, направив его в мою сторону.

— А где же конкуренты, о которых ты говорил? — поинтересовался он.

— Похоже, что я оторвался от них, хотя и не очень уверен. Можно мне опустить руки и взять стакан?

— Бери. А как ты об этом узнал?

— Чистильщик снимал комнату у жены моего приятеля. Он сейчас в тюрьме. Она умная женщина, и ей можно верить. Чистильщик рассказал ей, а она пересказала мне. Ну, а после того...

— ...как Чистильщика прикончили? На скольких же ты намерен делить? Моя половина, тут нечего и говорить.

Я налил себе еще одну порцию, сделал глоток и сказал:

— Черта с два!

Револьвер приподнялся на несколько сантиметров.

— Сколько же вас всего? — спросил он.

— Теперь, когда Чистильщика не стало, трое. Если удастся устранить конкурентов.

— Это те, что поджаривают пятки? Расскажи, что они из себя представляют.

— Мужчина по имени Раш Медер, мелкий и дешевый адвокатишка с юга, пятьдесят лет, упитанный, носит усы, волосы темные, на макушке лысина, рост — метр семьдесят пять, вес около семидесяти пяти, но кишка у него тонковата. Девица — Керол Донован, волосы черные и длинные, глаза серые, тонкие и красивые черты лица, лет двадцать пять—двадцать восемь, рост — метр пятьдесят семь, вес — сорок восемь килограммов, последний раз я видел ее в синем костюме, характер жестокий, решительный. Вдвоем они представляют отличный сплав.

Запад беспечно кивнул головой и отложил револьвер.

— Пусть только сунут нос — сразу получат то, что положено! У меня здесь рядом стоит машина, сядем и махнем в Вестпорт. Лучше всего оглядеться на месте. Только не приставай к нему с золотыми рыбками, похоже, что он на этом немного свихнулся. Я побуду в стороне. Очень уж он хитрый — набрался опыта в тюрьме. От него так и несет парашей.

— Отлично,— благодушно согласился я. — Я и сам давно интересуюсь золотыми рыбками.

Запад потянулся рукой к бутылке, налил себе в стакан на два пальца и выпил. Вставая со стула, поправил воротник, высвобождая из него свою челюсть без подбородка и выпячивая ее как можно дальше вперед.

— Только не ошибись, парень. Работа предстоит серьезная, одними разговорами не отделаешься. Не исключено, что придется его похитить.

— Чепуха! Страховое агентство нас прикроет.

Запад поправил полы куртки, потер ладонью тонкую шею. Я надел шляпу, убрал бутылку в сумку, подошел к окну и закрыл створки.

Мы шагнули к двери, и только я протянул руку к задвижке, как со стороны коридора в дверь кто-то постучал. Я жестом показал Западу, чтобы он стал у стены, а сам, чуть помедлив, открыл дверь.

Перед моими глазами возникли сразу два револьвера: один малокалиберный, а второй — «Смит и Вессон». Хозяева револьверов одновременно войти в комнату не могли, поэтому девица шагнула первой.

— Ну, погоди, умник, — сухо проговорила она. — Лапки — наверх! Посмотрим, достанешь ли ты ими до потолка!

8

Я невольно отступил назад. Непрошенные гости шли на меня с двух сторон. Я споткнулся о собственную сумку, упал навзничь, ударившись о пол, и со стоном повернулся на бок.

В тот же миг Запад небрежно кинул за их спинами:

— А ну, руки вверх, приятели! И побыстрее!

Обе головы резко повернулись назад. Я воспользовался этим и достал револьвер, положив его себе под бок, после чего снова издал стон.

Нависла тишина. Я не слышал, чтобы упал хотя бы один револьвер. Двери номера все еще стояли открытыми настежь, а Запад продолжал подпирать стену рядом с ними. Девица процедила сквозь зубы:

— Держи ищейку на мушке, Раш. И прикрой двери, не бойся, никто не решится стрелять. — И добавила шепотом, я едва разобрал: — Хлопни дверями!

Медер попятился через комнату, продолжая держать меня под прицелом. Его положение было не из завидных, поскольку он находился спиной к Западу, и мысль об этом заставляла его сильно волноваться. Я свободно мог бы его подстрелить, но это не входило в мои планы. Запад стоял, широко расставив ноги. Его бесцветные глаза насмешливо щурились.

Он не спускал глаз с девицы, а та, в свою очередь, сторожила каждое его движение. Их револьверы тоже следили друг за другом.

Раш Медер добрался до порога, ухватился за край двери и резко ее захлопнул.

Я отлично понимал, что должно было произойти. Как только раздастся звук захлопнутой двери, она выстрелит. Звук захлопнувшейся двери заглушит хлопок малокалиберного револьвера.

Я рванулся вперед, схватил Керол за ногу и дернул на себя.

Двери хлопнули, ее револьвер успел выстрелить, но пуля отколола только кусок штукатурки на потолке.

Брыкаясь, Керол повернулась лицом ко мне. И тут послышался глухой, подчеркнуто медлительный голос Запада:

— Ну, если так, то можно и поговорить,— он небрежным жестом опустил револьвер.

Что-то в его голосе успокоило Керол. Она расслабилась, ее рука с револьвером опустилась и, бросив на меня яростный взгляд, девица шагнула в сторону.

Медер повернул ключ в замке и, тяжело дыша, спиной оперся о двери. Его шляпа едва не закрывала глаза, из-под ее полей на щеки стекали две мутные струйки пота.

Пока я обо всем этом размышлял, никто из находившихся в номере даже не шевельнулся. Никаких шагов за дверями не было слышно, так что никто не собирался помешать нам. Я поднялся сначала на четвереньки, стараясь не показывать своего револьвера, а потом встал на ноги и подошел к окну. На верхний этаж отеля «Сноквелми» с тротуара никто не присматривался.

Я забрался на широкий старомодный подоконник и со смущенным видом оглядел комнату, словно проповедник, случайно обронивший непечатное слово.

Девица резко бросила мне:

— И ты связался с этим идиотом?!

Я промолчал. На ее лице проступил румянец, в глазах горел огонь ненависти. Медер поднял руку и удрученно сказал:

— Послушай, Керол. Послушай меня. Так мы ничего...

— Заткнись!

— Хорошо,— пожал плечами Медер.— Пусть будет по-твоему.

Запад все еще не спускал глаз с девицы. Его рука с револьвером удобно лежала на поясе, а поза и лицо свидетельствовали о полнейшем спокойствии. Увидев, как он доставал револьвер, я надеялся только на то, что девицу его спокойствие не обманет.

Наконец, он сказал:

— Мы уже слышали о вас. Что вы нам предлагаете? Вообще-то мне неинтересно вас слушать, но и за

стрельбу нет желания оправдываться перед полицией.

— Я считаю, что приз достаточно солидный, и его хватит на четверых,— заявила девица.

Медер энергично закивал головой, на его губах появилось подобие улыбки.

Запад посмотрел на меня. Я кивнул головой.

— Выходит, четверо,— вздохнул он.— Хорошо. Но больше никого. Сейчас отправимся ко мне и поговорим за выпивкой. Тут мне не нравится.

— Как все просто! — ехидно заметила девица.

— Просто, как сама смерть,— кивнул Запад.— А я ее частенько видел. Поэтому нам и нужно обо всем договориться. Здесь не тир.

Керол расстегнула свою замшевую сумочку, висевшую на левом боку, и сунула в нее револьвер.

— Ставки сделаны,— улыбнулась она. Честное слово, улыбка ее была очаровательна.— Я присоединяюсь к игре. Куда теперь?

— На Вотер-стрит. Подъедем на тачке.

— Что ж, показывай дорогу, парень.

Мы вышли из номера и спустились на лифте в вестибюль, богато украшенный оленьими рогами, чучелами птиц и гербариями дикорастущих цветов под стеклом. С виду нас можно было принять за четверку друзей. Такси миновало Кепител-вей, какую-то площадь, остался позади многоэтажный жилой дом, явно не вписывающийся в панораму небольшого городишки. Мы ехали по накатанной автомашинами мостовой мимо административных зданий, высоких ворот губернаторской резиденции.

Вдоль тротуара росли дубы. За садовыми решетками мы видели довольно богатые усадьбы. Такси миновало и их, а потом свернуло на дорогу, которая вела к протоке. Наконец, между высокими деревьями показался одинокий дом, за которым блеснула вода. Дом был окружен верандой, небольшой газон почти зарос бурьяном и кустарником. Проложенная по грязи колея заканчивалась под навесом, где стоял старомодный спортивный автомобиль.

Мы вышли из такси, и я рассчитался с водителем. Все четверо стояли и смотрели, как машина пропадает из виду.

— Моя комната — наверху,— сказал Запад.— По

мной живет учительница, сейчас ее нет дома. Идем, нужно прополоскать горло.

Мы прошли через газон до веранды. Запад быстро отпер дверь и показал нам на узенькую лестницу.

— Первой — дама. Вперед, красотка!

Девица холодно посмотрела на него и молча шагнула на ступеньку лестницы. За нею тронулся я, потом Медер. Замыкал шествие Запад.

Почти весь второй этаж занимала одна комната, затененная деревьями за окном мансарды. Широкая кровать стояла у стены, стол, несколько плетеных стульев, небольшой радиоприемник, а посреди комнаты — круглая черная печь.

Запад прошел в крохотную кухоньку и вернулся оттуда с четырехгранной бутылкой и несколькими стаканчиками. Наполнив их, он поднял свой стакан. Остальные остались стоять на столе.

Собственно, долго уговаривать нас не пришлось. Мы выпили и сели.

Запад одним глотком опорожнил свой стаканчик и поставил его на пол, а когда разогнулся, в его руке снова был кольт.

Я услышал, как в наступившей тишине поперхнулся Медер. Губы Керол сложились так, словно она намерена была рассмеяться. Она качнулась вперед, держа левую руку со стаканом поверх сумочки.

Губы Запада растянулись в тонкую ровную линию. Неторопливо и равнодушно он сказал:

— Так, значит, пятки поджариваете? Моим дружкам, а?

Медер принялся хватать руками воздух. Кольт тут же уставился на него своим черным зрачком. Раш сразу же опустил руки на колени и сцепил пальцы.

— Вы в этом деле сосунки,— насмешливо продолжал Запад. — Поджарили парню пятки, добиваясь чтобы он раскололся, а потом заявились домой к его товарищу. Такая накладочка вам обойдется дорого!

— Н-ну, хорошо... — завертелся на стуле Медер. — Что же нам д-делать?..

Девица едва заметно усмехнулась, но ничего не сказала.

— Нужна веревка,— сказал Запад. — Хорошая веревка, мокрая и завязанная грубыми узлами. После этого мы отправимся ловить светлячков — жемчуг, по-вашему. А вот когда вернемся... — Он замолчал и про-

3 Зак. 1316

вел ребром ладони себе поперек горла. — Ну, как тебе моя мысль? — посмотрел он на меня.

— Неплохо. Только не стоит об этом долго рассуждать, — отозвался я. — Где найти веревку?

— В комоде, — сказал Запад и кивнул головой в угол. Я шагнул в сторону комода. В тот же миг Медер вдруг жалобно ойкнул, его глаза закатились, и он свалился со стула на пол.

Запада это рассердило. Такой глупой выходки он не ожидал. Его рука описала полукруг, и кольт нацелился Медеру в спину.

Рука Керол скользнула под сумочку, и тут же в ее руке неожиданно оказался револьвер, хотя Запад думал, что он находится в сумочке. Из ствола револьвера вырвался огонь.

Запад кашлянул. Его кольт прогремел, и пуля отколола кусочек щепы от спинки стула, на котором только что сидел Медер. Револьвер выпал из руки Запада, его голова склонилась на грудь, а глаза закрылись тяжелыми веками. Длинные ноги подтянулись, каблуки скользнули по полу. В такой позе он и остался сидеть, мертвый и недвижимый.

Я ногой выбил стул из-под проворной девицы, и она упала на бок, взмахнув в воздухе длинными ногами в шелковых чулках. Ее шляпка сползла набок. Она вскрикнула, когда я наступил ей на руку и резким ударом выбил револьвер, который перелетел через всю мансарду. Вслед за ним полетела и ее сумочка, где находился второй револьвер.

— Встать! — крикнул я.

Керол медленно поднялась, кусая губы, отступила на пару шагов и испуганно уставилась на меня. Она походила на хищного зверька, загнанного в угол. Пятилась она до тех пор, пока не уперлась спиной в стену.

Я кинул взгляд в сторону Медера и шагнул к двери, ведущей в ванну. Повернув ключ в замке, я показал девице на дверь и коротко бросил:

— Сюда!

Она на негнущихся ногах покорно направилась к двери, не забыв бросить через плечо:

— Ну, погоди же, стукач!..

Я толкнул ее в ванную комнату и запер дверь на ключ. Если бы девица вдруг решила выпрыгнуть из окна, то я бы ничего не имел против. Я приметил это окно еще тогда, когда мы стояли внизу.

Подойдя к Западу, я отыскал у него в кармане связку ключей на кольце, стараясь при этом не столкнуть труп со стула. На кольце были ключи и от машины.

Кинув равнодушный взгляд на Медера, отметил, что его пальцы были чуть ли не белее снега. Спустившись на веранду, обошел вокруг дома, а потом сел в старенький спортивный автомобиль, стоявший под навесом. Один из ключей подошел к замку зажигания.

Чтобы запустить двигатель, пришлось порядком повозиться. Наконец, мотор заработал, и я подогнал машину к тротуару. В доме все было тихо и спокойно. Высокие сосны, растущие позади дома, равнодушно шумели своими вершинами.

Выжимая из машины все, что только было возможно, я погнал ее на Кепител-вей, а потом в центр городишка и дальше через мост в сторону Тихого океана и Вестпорта.

9

Через час быстрой езды (правда, трижды приходилось останавливаться, чтобы доливать в радиатор воду) я услышал шум прибоя, который не могло заглушить даже чиханье двигателя. На горизонте заблестела вода, показались довольно высокие строения. Дорога раздвоилась. Слева на указателе значилось: «Вестпорт — 9 миль». Дорога вела не в поселок, а в сторону ржавого консольного моста и пропадала среди поломанных ветром яблоневых садов.

Через двадцать минут я добрался до Вестпорта — широкой песчаной отмели, за которой на возвышении теснились здания города. Песчаная коса заканчивалась длинным и узким причалом, который в свою очередь заканчивался рядом небольших яхт. Их спущенные паруса трепетали и бились о мачты. За яхтами виднелись бакены, а за ними уже пенилась длинная полоса воды.

Ну а за этой последней мелью Тихий океан катил свои волны до самой Японии. Это был форпост побережья, крайний западный пункт, до которого мог добраться человек, оставаясь при этом на материковой территории Соединенных Штатов. Прекрасное место для бывшего преступника, задавшегося целью спрятать несколько похищенных жемчужин размером с клубень

молодой картошки. Конечно, при условии, что у него нет врагов.

Я остановил машину у коттеджа, над дверью которого была вывеска: «Завтраки, обеды и ужины». Небольшого роста мужчина с кроличьей мордочкой в веснушках замахнулся граблями на двух несушек, вертящихся под ногами. Двигатель чихнул в последний раз, и этот звук заставил мужчину обернуться.

Я вышел из машины, прошел через калитку в воротах и кивнул на вывеску:

— Завтрак готов?

Человечек еще раз замахнулся на кур граблями, вытер руки о штаны и искоса посмотрел на меня.

— Этим занимается жена,— сообщил он тоненьким и злым голоском.— Яичница с ветчиной — вот и все.

— Яичница с ветчиной мне подходит,— согласился я.

Мы вошли в коттедж. Три стола накрыты цветастыми клеенками, несколько литографий на стенах. На камине макет корабля с полной оснасткой. Я сел. Хозяин вышел через двустворчатые двери, и тут же из кухни послышалось шипение масла на сковороде. Человечек вернулся через пару минут, поставил на стол какой-то сосуд и положил бумажную салфетку.

— А как в отношении кальвадоса? Считаете, что рано? — поинтересовался он.

Я ответил, что буду очень благодарен. Человечек снова вышел и вскоре вернулся со стаканами и бутылкой прозрачной жидкости. Усевшись со мною за стол, он наполнил стаканы. Густой баритон на кухне под шипение сковороды затянул «Хлою».

Мы чокнулись, выпили и подождали, пока в желудке у нас не разлилось приятное тепло.

— Издалека? — спросил человечек.

Я ответил утвердительно.

— Похоже, из Сиэтла? На вас отличный костюм.

— Из Сиэтла,— согласился я.

— К нам редко кто приезжает,— сказал он, посматривая на мое левое ухо.— Да и зачем сюда ехать, если дорога никуда дальше не ведет. Вот раньше, когда еще в силе был сухой закон...— Он замолчал и перевел взгляд на другое мое ухо.

— О-о, когда существовал сухой закон!..— Я сделал широкий жест и с видом все понимающего знатока выпил.

Хозяин нагнулся и дохнул мне в подбородок.

— Черт побери, тогда можно было нагрузиться в каком-нибудь рыбном магазинчике на причале! Виски провозили под уловом крабов и устриц. В Вестпорте было полно контрабанды. Детворе позволяли забавляться коробками от «шотландского». Ни одна машина в городке не ночевала в гараже. Все гаражи были до самого верха заставлены канадским разливом. Береговая охрана раз в неделю наблюдала, как возле причалов разгружались шаланды. По пятницам. Всегда именно в этот день. — Он подмигнул.

Я понимающе кивнул, дымя сигаретой. Из кухни снова послышался баритон, продолжавший петь свою «Хлою». Сковорода шкворчала.

— Черт побери, боюсь, что спиртное вас вряд ли интересует! — вздохнул человечек.

— Вы угадали, я скупаю золотых рыбок.

— А-а,— нахмурился он.

Я налил ему и себе еще по стаканчику кальвадоса.

— За бутылку плачу я и еще парочку прихвачу с собой.

Он заулыбался.

— Тогда скажите, как вас зовут?

— Кармади. Считаете, что я пошутил в отношении золотых рыбок? Нисколько.

— Да? Но я считаю, что с помощью такой мелочи, как рыбки, едва ли проживешь. Разве не так?

— Но вы же сами только что похвалили мой костюм,— улыбнулся я. — Если рыбки достаточно интересны, то на них можно неплохо заработать. Новые виды и разновидности пользуются спросом постоянно. Я узнал, что кто-то из ваших стариков здесь имеет неплохую коллекцию. Хочу поинтересоваться, не продаст ли он ее мне. Некоторые виды он, похоже, вывел сам.

Я снова наполнил стаканчики. Крепкая и упитанная женщина с усами на верхней губе ударом ноги открыла двери и крикнула:

— Забери яичницу с ветчиной!

Хозяин бросился на кухню и принес мне завтрак. Я начал есть. Он внимательно следил за мной. Вдруг ударил себя под столом по худому бедру, рассмеялся и сказал:

— Старый Уоллес! Ну, конечно, вам нужно навестить старого Уоллеса! Плохо, что мы с ним не очень знакомы. Он ведет себя как-то не по-соседски.

Человечек повернулся на стуле и показал в окно на ближний холм, на вершине которого в лучах солнца сиял желто-белый коттедж.

— Вот там он и живет, черт возьми! У него их видимо-невидимо. Золотые рыбки, да? Черт возьми, ну и удивили же вы меня!

Теперь меня этот человечек больше не интересовал. Я проглотил завтрак, расплатился за него и три бутылки кальвадоса по доллару за каждую и поспешил к спортивному автомобилю.

Правда, спешить, похоже, не было необходимости. Раш Медер придет в себя и, конечно, освободит девицу. Но ведь они ничего не знают о Вестпорте. Запад при них даже не упоминал этого местечка. Те двое ничего о нем не знали, если прибыли в Олимпию, иначе сразу поспешили бы сюда. Ну а если бы подслушивали у дверей моего номера в отеле, то знали бы, что нахожусь я там не один. Они бы тогда вели себя не так, врываясь в номер.

Времени я имел достаточно. Поэтому, приехав к причалу, я от нечего делать осмотрел его. На его территории было несколько рыбных магазинов, пивных, небольшой бордель для рыбаков, бильярдная, зал с игральными автоматами и «живыми картинками». Ниже, возле воды, в громадных деревянных баках кишела рыбья мелочь для приманки. Шлялось там и немало бродяг, и если бы кому-то взбрело на ум зацепить их, то закончилось бы это неизбежными неприятностями. Не заметил я тут только представителей порядка.

Что ж, пора было разыскивать желто-белый коттедж.

Он стоял отдельно, в четырех кварталах от ближайшего жилого дома. Перед коттеджем — цветы, подстриженный зеленый газон, сад, украшенный декоративными камнями. Женщина в коричнево-белой одежде опрыскивала вредителей.

Я подождал, пока моя куча металлолома перестанет тарахтеть, вышел и снял шляпу.

— Мистер Уоллес здесь живет?

Женщина имела приятное лицо, спокойный и твердый взгляд.

— Вы хотите его увидеть? — спросила она.

Слушая ее, трудно было поверить, что это жена человека, ограбившего поезд.

Я отрекомендовался и сказал, что о рыбках ее мужа

мне рассказали в городе, добавив, что меня давно интересуют редкие виды этих обитателей аквариумов.

Женщина поставила опрыскиватель и вошла в дом. Вокруг меня гудели пчелы. Большущие мохнатые пчелы, не боящиеся холодного морского ветра. На песчаную отмель накатывались волны, их шум напоминал отдаленную музыку. Северное солнце казалось блеклым, его лучи почти не согревали.

Женщина вышла, оставив двери открытыми.

— Он наверху, поднимитесь по лестнице,— сказала она.

Я прошел мимо нескольких кресел-качалок и вошел в коттедж человека, который украл когда-то жемчуг Линдера.

10

В обширной комнате аквариумы стояли повсюду, в том числе в два яруса на полках с подпорками: большие овальные — в металлических каркасах; одни подсвечивались сверху, другие — снизу. Водоросли беспорядочными гирляндами покачивались за грязным стеклом, а вода имела какой-то призрачный зеленый оттенок. В ней плавали рыбки всех цветов радуги.

Были там рыбки длинные, тонкие и похожие на золотые стрелы; японские вуалехвосты, за которыми тащились неимоверно большие хвосты; неоновые рыбки, прозрачные, словно цветное стекло; крохотные гуппи не более сантиметра в длину; редкостные золотые рыбки; большие и неуклюжие китайские телескопы с выпученными глазами, жабьими мордами и пакостными плавниками, которые толчками «шагали» в зеленоватой воде, словно ноги толстяка, спешащего на обед. Больше всего света падало из огромного окна на потолке. Под этим окном возле голого деревянного стола стоял высокий худощавый мужчина. В левой руке он держал рыбешку красного цвета, а в правой стискивал лезвие безопасной бритвы, обмотанное с одной стороны лейкопластырем.

Он посмотрел на меня из-под широких седых бровей. Его глаза глубоко запали и были совершенно бесцветными. Я подошел поближе и посмотрел на рыбешку в его руке.

— Грибок? — поинтересовался я.
Мужчина кивнул головой и сказал:
— Вот именно.

Положив рыбку на стол, он расправил ее спинной плавник. Плавник выглядел обглоданным и раздвоенным, на его бахромчатых краях виднелся какой-то налет.

— Белый грибок,— объяснил хозяин. — Но это не так уж страшно. Я этого парня подремонтирую, и он станет здоровехоньким. Чем могу служить, приятель?

Я покрутил в пальцах сигарету и сказал:

— Они как люди. Я имею в виду рыбок. Тоже болеют.

Он прижал рыбку к столу и подрезал рваный край плавника. То же самое проделал и с хвостовым плавником. Рыбка перестала биться.

— Одних удается вылечить,— снова заговорил мужчина,— других — нет. Невозможно, например, вылечить заболевание «плавательного пузыря». — Он поднял на меня глаза. — Если вы думаете, что ей больно, то ошибаетесь. Рыбку можно убить, но сделать ей больно, как человеку, нельзя.

Он отложил лезвие, смочил ватку в жидкости сиреневого цвета и закрасил ею обрезанные края плавников. После этого достал пальцами из баночки немного белого вазелина, снова смазал им «прооперированные» места плавников, опустил рыбку в небольшой аквариум возле стены, и она мирно поплыла, явно с довольным видом.

Худощавый мужчина вытер руки, присел на край скамьи и уставился на меня своими мертвыми глазами. Когда-то, очень давно, он мог быть даже красивым.

— Интересуетесь рыбками? — спросил он. В голосе слышался тихий, осторожный акцент тюремной камеры или тюремного двора.

Я покачал головой.

— Не очень. Это только повод. Я приехал издалека, чтобы встретиться с вами, мистер Сайп.

Он облизал губы, не спуская с меня глаз. А когда заговорил, то голос был все так же мягок и спокоен.

— Меня зовут Уоллес, приятель.

Я выпустил кольцо дыма и проткнул его пальцем.

— А для моего дела вы мне нужны в качестве Сайпа.

Он наклонился вперед, опустил руки между колен

и стиснул пальцы. Широкие узловатые кисти, которые когда-то знали тяжелую работу. Голова едва приподнялась вверх, глаза холодно смотрели из-под косматых бровей. Но голос продолжал оставаться мягким и спокойным.

— Давно ко мне не наведывались лягавые. По крайней мере, с разговорами. Чего приперся?

— А ты угадай,— улыбнулся я.

Его голос стал еще более мягким.

— Послушай, лягавый, я тут живу тихо, спокойно. Меня больше никто не тревожит. Я получил амнистию непосредственно из Белого Дома. Забавляюсь золотыми рыбками. Я никому ничего не должен. Я за все рассчитался. У моей жены достаточно денег для нас обоих. Все, чего я хочу, это чтобы меня никто не тревожил, я хочу покоя и ничего больше.

Он на несколько секунд замолчал, качая головой, а потом добавил:

— Меня больше не обдуришь. Хватит!

Я промолчал. Только едва заметно усмехнулся.

— Теперь до меня никому нет дела! — продолжал он далее. — Я получил амнистию от самого президента. Я хочу одного: чтобы меня оставили в покое.

— Этого ты не дождешься, пока не отдашь оставшееся,— покачал я головой.

— Послушай,— все с тем же спокойствием в голосе продолжал он,— похоже, что ты новенький в этом деле. Тебе все это кажется интересным. Ты хочешь сделать себе имя. Но на мне все это висит уже на протяжении двадцати лет, ко мне приходило много народу, среди них были очень умные парни. И они поняли, что у меня ничего нет, кроме того, что принадлежит лично мне. Да никогда и не было. Все досталось кому-то другому.

— Почтовому служащему,— кивнул я. — Это мы уже слышали.

— Послушай,— все тем же ровным голосом, без тени раздражения, продолжал старик,— я свое отсидел. Я знаю все ходы и выходы. Знаю, что так просто вы не отвяжетесь. Во всяком случае до тех пор, пока жив человек. Знаю, что время от времени ко мне будут подсылать разных сволочей, чтобы снова и снова ворошить старое. Ну и черт с вами. Я не обижаюсь. Ну а теперь, что мне предпринять, чтобы выпроводить тебя отсюда?

Я покачал головой и посмотрел на рыбок, что беспечно плавали в своих аквариумах. Его тихий голос

навевал дремоту. Тишина комнаты вызывала в голове образы давно минувших дней. Мне представился поезд, грохотавший в ночи, засада в почтовом вагоне, сполохи выстрелов, труп почтового служащего на полу, тихое журчание воды в баке и человек, которому удалось на протяжении девятнадцати лет сохранить тайну. Почти удалось.

— Ты сделал одну ошибку,— неторопливо начал я.— Помнишь парня, которого звали Чистильщик Мардо?

Он поднял голову. Я видел, что он старается что-то вспомнить. Но это имя, похоже, ему ни о чем не говорило.

— Ты знал того парня из Ливенворта,— продолжал я.— Коротышку, который сидел за подделку денежных купюр?

— Да,— кивнул он.— Припоминаю.

— Ты рассказал ему, что жемчуг все еще у тебя. Но Сайп, как видно, все еще не верил мне.

— Вероятно, я пошутил с ним,— как-то очень уж опустошенно промямлил он.

— Возможно, но слушай дальше. Парень так не думал. Не так давно он побывал в этих краях со своим приятелем по имени Запад. Они тебя где-то видели и Чистильщик тебя опознал. Только вся беда в том, что парень и дня не мог прожить без кокаина и после принятия очередной дозы имел привычку разговаривать во сне. Вот одна девица и услышала его болтовню во сне о камешках... И еще одна, а с ней и некий адвокатишка. Чистильщику поджарили пятки, и он теперь уже на том свете.

Сайп вытаращил на меня глаза. Морщины на лице стали еще глубже.

Я помахал сигаретой и продолжал:

— Мы не знаем, что он выболтал им во время пытки, но адвокат с девицей добрались уже до Олимпии. Запад тоже в Олимпии; но он тоже уже на том свете. Они его пристрелили. Мне неизвестно, знают ли они что-то конкретное о тебе. Но я уверен, что, в конце концов, они обо всем дознаются. Они или кто-то другой с такой же, как у них, моралью. Ты можешь мотать нервы полиции, если она не в состоянии разыскать самостоятельно камешки, но ты не решишься продать их. Можешь мотать нервы страховой компании и служащим управления почты...

Ни один мускул не дрогнул на лице Сайпа. Не шевельнулись узловатые пальцы, переплетенные между собой и опущенные ниже колен. Только его мертвые глаза продолжали неотрывно смотреть на меня.

— Только у жуликов тебе нервы не вымотать,— вздохнул я.— Эти от тебя не отвяжутся. Всегда найдется два-три человека, имеющих и время, и деньги, и злость, чтобы давить на тебя снова и снова. Уж они-то найдут способ выжать из тебя любое признание. Могут выкрасть твою жену или тебя самого переправить в лес и там «поговорить» с тобой, как следует. Тебе придется пройти через такое, что и самому лютому врагу не пожелаешь... А у меня вполне честное предложение.

— Из чьей ты банды? — неожиданно спросил Сайп.— Сначала мне показалось, что от тебя смердит лягавым, а теперь уж не знаю, что и думать.

— Страховая компания,— подсказал я.— Поясню суть дела. Вся награда составляет двадцать пять тысяч. Пять косых — женщине, которая дала мне информацию. Она все честно рассказала и вполне заслужила свою долю. Десять косых — мне. Я сделал всю работу, и нет такого револьвера, под который я не подставлял бы свою голову. Десять косых — тебе. Через меня. Если действовать в открытую, то ты и пяти центов не получишь. Ну, как тебе нравится мое предложение?

— На первый взгляд не так уж и плохо,— мягко проговорил он.— Кроме одной детали. Нет у меня никакого жемчуга, лягавый.

Я нахмурился. Больше я ничего не мог ему предложить. Других козырей у меня не было. Я оттолкнулся от стены, кинул на деревянный пол окурок и растер его. Осталось только повернуться и уйти.

Сайп встал и поднял руку.

— Подожди минутку,— хмуро проговорил он,— я докажу тебе, что говорю правду.

Он вышел, а я, покусывая губы, перевел глаза на плавающих рыбок. Где-то вдали послышался шум мотора. Я услышал, что дверь отворилась и снова захлопнулась — очевидно, в соседней комнате.

Через пару минут вернулся Сайп. Его худощавая рука стискивала «кольт» 45-го калибра. Направив «кольт» на меня, он сказал:

— Вот в нем у меня спрятаны жемчужины. Правда, свинцовые. Учти, на расстоянии пятидесяти метров я смогу отбить мухе лапу. Ты не лягавый. А теперь

беги... Расскажи своим дружкам,— они же там ждут тебя не дождутся,— что я намерен выбивать им из «кольта» по зубу в будний день недели, а в воскресенье — по два!

Я не шевельнулся. В мертвых глазах старика стояло безумие.

— Прибереги этот сироп для театра,— сказал я.— Если хочешь, то могу сообщить, что я детектив. Ты сидел в тюрьме, и эта игрушка, которую ты сжимаешь в руке, для тебя является уже правонарушением. Положи ее и поговорим спокойно.

Машина, которую я услышал несколько минут назад, похоже, остановилась возле коттеджа. Завизжали тормоза. Внизу на дорожке, а потом и на лестнице послышались шаги. Разные голоса и выкрики.

Сайп отступил в глубину комнаты и встал между столом и огромным аквариумом. Он оскалился улыбкой солдата, загнанного в глухой угол.

— Похоже, твои дружки тебя не дождались,— неторопливо проговорил он. — А ну, доставай револьвер и бросай на пол, пока еще жив...

Я не пошевелился. Я сидел и разглядывал его косматые брови. Я догадывался: стоит мне только шевельнуться,— хотя бы только для того, чтобы выполнить его приказ,— он выстрелит.

Шаги слышались на верхних ступенях лестницы. Шаги осторожные. Так ходят люди, приготовившиеся к схватке.

В комнату вошли трое.

11

Первой, на подгибающихся ногах, порог переступила миссис Сайп. Ее глаза сверкали, а руки были грубо связаны в локтях. В спину ей упирался один из небольших револьверов Керол Донован, крепко зажатый в маленьких и безжалостных руках девицы.

Последним вошел Медер. Он был сильно пьян, поэтому необычно смелый, возбужденный и решительный. Он криво усмехался, направив на меня свой громадный «Смит и Вессон».

Девица оттолкнула миссис Сайп в сторону. Пожи-

лая женщина споткнулась, не удержалась на ногах и свалилась на пол.

Ошеломленный Сайп молча таращил глаза на Керол. Он видел перед собой почти юную, красивую девицу, а с таким противником ему еще не приходилось встречаться. Он был явно смущен. Если бы в комнату ворвалось несколько мужчин, он просто изрешетил бы их из своего револьвера, а тут девчонка...

Маленькая, темноволосая и смазливая девчонка холодно посмотрела на него и резким, нетерпеливым голосом приказала:

— А ну, старик, бросай свою пушку! Только без дураков!

Сайп покорно наклонился, не спуская с нее глаз, и осторожно положил свой громадный «кольт» на пол.

— А теперь откинь его ногой подальше от себя!

Сайп выполнил и этот приказ девицы. «Кольт» отлетел чуть ли не на середину комнаты.

— Вот так-то оно будет лучше, старик. Раш, присмотри за ним, пока я отберу пушку у лягавого.

Два револьвера повернулись стволами в мою сторону. Ее серые глаза холодно смотрели на меня, не предвещая ничего хорошего. Медер шагнул к Сайпу и направил свой револьвер ему в грудь, пьяно ухмыляясь.

Девица, наконец, улыбнулась, но приятной ее улыбку я бы не назвал.

— А ты, лягавый, оказывается, не так уж глуп... Все время опережаешь меня, да только не очень-то преуспел. Вот и в последний раз дал маху, не обыскав своего худосочного дружка. А у него в ботинке была запрятана карта...

— Мне она ни к чему,— спокойно возразил я.

Я попробовал усмехнуться более или менее приветливо, чтобы отвлечь внимание Керол от миссис Сайп, которой каким-то образом удалось освободиться от веревки и теперь она потихоньку подползала к «кольту» мужа.

— Ну, да теперь с тобой покончено! С тобой и твоей очаровательной улыбкой. Подыми свои клешни повыше и не опускай, пока я не достану твой пугач. Да побыстрее, приятель, иначе...

Девчонка ростом была не более полутора метров и весила меньше пятидесяти килограммов. В нормальной обстановке — девчонка что надо! А у меня рост метр восемьдесят и вес восемьдесят шесть килограммов. Вы-

полняя ее приказание, я поднял руки, а когда она оказалась на расстоянии удара, не раздумывая двинул ее правой в челюсть.

Вероятно, не следовало этого делать, но мне надоело терпеть дуэт Донован—Медер, мне осточертели их револьверы, нахальство и угрозы.

Она отлетела метра на полтора, но успела выстрелить. Пуля скользнула мне по ребрам. Девица падала, словно в замедленном кинокадре. В этом было что-то нереальное.

Миссис Сайп схватила «кольт» и выстрелила Керол в спину.

Медер резко обернулся, и Сайп метнулся к нему. Но Медер отскочил и взял старика на мушку. Сайп замер, и бессмысленная улыбка расползлась по его худощавому лицу.

Пуля, выпущенная из «кольта», отбросила девицу к моим ногам. Теперь она представляла всего лишь кучу одежды, бесформенную, неподвижную, и что-то красное медленно вытекало и расползалось по полу. А в двух шагах от нее стояла высокая и спокойная женщина, стискивающая в обеих руках тяжелый «кольт», из ствола которого все еще вился серовато-голубой дымок.

Медер дважды выстрелил в Сайпа. Все еще продолжая улыбаться своей бессмысленной улыбкой, Сайп подался вперед и ударился о край стола. Сиреневая жидкость, которой он недавно лечил рыбок, теперь залила его самого. Когда старик падал, Медер выстрелил в него еще раз.

Я выхватил свой «люгер» и выстрелил Медеру в наиболее болезненное, как мне казалось, место, стараясь оставить его в живых,— в колено. Он рухнул на пол, и я надел на него наручники раньше, чем он начал стонать.

Отшвырнув ногами в одно место разбросанные револьверы, я подошел к миссис Сайп и взял у нее из рук тяжелый «кольт».

Какое-то время в комнате стояла тишина. Только струйки дыма невесомо плавали в воздухе, постепенно поднимаясь к окну в потолке. Я слышал шум прибоя за стеной.

Тишину нарушил какой-то свистящий звук. Это был Сайп, стремящийся что-то сказать. Жена кинулась к нему и опустилась рядом с ним на пол. Кровавая пе-

на выступила у него на губах. Он несколько раз поднимал отяжелевшие веки и пробовал что-то сказать. Наконец, мы с миссис Сайп услышали:

— Телескопы, Хетти... Телескопы...

Судорога пробежала по его телу, губы растянулись в усмешке, голова безжизненно упала на пол.

Я вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

12

Из ноги Медера не очень сильно текла кровь, рана никакой опасности для жизни не представляла. Пока я перевязывал носовым платком его колено, он разглядывал меня обезумевшими от страха глазами. Похоже, что у него было порвано сухожилие и расколота коленная чашечка. Когда его поведут на виселицу, он порядком нахромается.

Я спустился вниз, постоял на веранде, разглядывая две машины перед особняком, потом перевел взгляд на причалы у подножия холма. Сказать, что здесь стреляли, мог только тот, кто в это время проходил возле коттеджа. Но, как видно, никто и ничего не видел и не слышал.

Я вернулся в дом, посмотрел на допотопный телефонный аппарат в гостиной, но звонить не стал. Что-то беспокоило меня. Я закурил, поглядел в окно, и вдруг какой-то призрачный голос прошептал мне на ухо: «Телескопы, Хетти... Телескопы...»

Я снова поднялся наверх в комнату с аквариумами. Медер продолжал стонать — протяжно, с хрипом. Да какое мне дело до какого-то преступника вроде Медера?!

Девица была мертва. А вот из аквариумов ни один не пострадал. Рыбки мирно плавали в зеленоватой воде, спокойные и невозмутимые. До Медера им тоже не было никакого дела.

Аквариум с черными китайскими телескопами стоял в углу. Плавали там четыре рыбки — достаточно солидных размеров — сантиметров до десяти в длину, угольно-черного цвета. Две из них хватали на поверхности ртами кислород, а две другие медленно помахивали плавниками у самого дна. Рыбки выглядели упи-

танными, с пышными хвостами и высокими спинными плавниками, а когда они поворачивались ко мне головой, их выпученные глаза делали их похожими на жаб.

Какое-то время я наблюдал, как они тыкались мордами в зелень, заросли которой заполнили аквариум. Несколько красных озерных улиток ползали по стеклу. Две рыбки на дне выглядели толще и ленивее тех, что плавали на поверхности. Интересно, почему?

Между двумя аквариумами лежал сачок с длинной ручкой. Я опустил его в аквариум, выловил одного из телескопов и оглядел в сетке его серебристый живот. На нем был рубец, напоминавший хирургический шов. Я прощупал это место и под пальцами явно проступало какое-то твердое тело.

При втором заходе я выловил со дна еще одного телескопа. Точно такой же шов, тот же самый твердый шарик внутри.

Тогда я выловил одну из тех рыбок, что хватали воздух с поверхности воды. Ни шва, ни твердого шарика под кожицей у нее не было. И выловить эту рыбешку было труднее, нежели тех первых, что ползали по дну.

Я выпустил ее назад в аквариум. Меня интересовали только две первые рыбки. Я люблю золотых рыбок, как и большинство людей, но дело — есть дело, а преступление — это преступление. Я снял пальто, засучил рукава, взял со стола лезвие, обмотанное с одной стороны лейкопластырем.

Неприятная была эта работа. На нее ушло минут пять. И вот они у меня на ладони — сантиметра два в диаметре, идеально круглые, молочно-белые. Они сияли тем внутренним светом, какого не увидишь ни у одного другого камня. Это и были жемчужины Линдера.

Я прополоскал их, завернул в носовой платок, откатал рукава рубашки и надел пиджак. Невольно скосил глаза на Медера, на его измученное болью и страхом лицо, покрытое липким потом. Чихать я хотел на этого Медера! Это же убийца, мучивший людей.

Я спустился вниз. Дверь в спальню была все еще заперта. В гостиной крутнул ручку телефонного аппарата на стене.

— Я звоню из особняка Уоллеса в Вестпорте,— оказал я.— Тут что-то случилось. Нужно вызвать врача и полицию. Вы можете нам помочь?

— Я попробую разыскать вам врача, мистер Уоллес,— ответил женский голос.— Правда, потребуется время. В Вестпорте есть участковый полисмен. Вызвать?

— Вызывайте,— согласился я и повесил трубку.

Все-таки телефонная связь в сельской местности имеет свои преимущества.

Я закурил еще одну сигарету и сел в скрипучее кресло-качалку на веранде. Вскоре послышались шаги, и из дома вышла миссис Сайп. Мгновение постояла, оглядывая подножье холма, потом опустилась в одно из кресел. Ее глаза какое-то время рассматривали меня.

— Догадываюсь, вы — детектив,— высказала она, наконец, свое предположение.

— Да. Я представляю компанию, которая страховала жемчуг Линдера.

Женщина отвернулась и перевела взгляд куда-то вдаль.

— Я думала, что хоть тут он обретет покой,— сказала она через минуту.— Что никто больше его не потревожит... Что этот городишко станет его последним прибежищем...

— Не следовало ему стараться прибрать к рукам эти жемчужины.

Миссис Сайп резко повернулась в мою сторону. В первый момент ее лицо ничего не выражало, но в следующий — на нем появилось выражение страха.

Я вынул из кармана носовой платок, развернул его на ладони. Они лежали рядом на тонком полотне платка. Две крупных горошины. Двести тысяч! Причина стольких убийств!

— Он мог бы иметь здесь прибежище,— покачал я головой.— Мог бы!.. Только ему этого было мало...

Она молча смотрела на жемчужины, закусив губу.

— Бедный Уолли!..— вздохнула, наконец, она.— Значит, вы все же нашли их. Выходит, вы умнее многих... Он погубил столько рыб, пока не научился...— В ее глазах все еще стояло удивление.— Мне его затея никогда не нравилась... Помните библейскую притчу о козле отпущения?

Я покачал головой.

— Это животное было избранно... Ну, понимаете, на этого козла переложили грехи людей и прогнали в пу-

4 Зак. 1316

... тоже оказались в роли так... отпущения.

Миссис Сайп улыбнулась мне, но я не ответил на улыбку.

Тогда она, все еще продолжая улыбаться, начала рассказ.

— Понимаете, у него были когда-то жемчужины настоящие, и то, что ему пришлось пережить, делало его, как ему казалось, полноправным их владельцем. Но даже если бы он нашел их снова, то все равно не имел бы на них никаких прав. Похоже, что пока он сидел в тюрьме, приметы, по которым он мог бы их отыскать, изменились, и ему так и не посчастливилось найти то место в Айдахо, где он их закопал.

Мне казалось, что чей-то ледяной палец прохаживался вверх и вниз по моему позвоночнику. Я раскрыл рот и услышал совершенной чужой голос:

— Что-о-о?!

Миссис Сайп протянула руку и коснулась пальцем одной из жемчужин. Я все еще держал их на ладони, словно это была полочка, прибитая к стене.

— И тогда он достал себе где-то вот эти,— кивнула она.— В Сиэтле. Они полые и наполнены белым воском. Я забыла, как называется этот способ. Правда, они имеют довольно привлекательный вид. Вообще-то, я никогда не видела настоящих жемчужин.

— Для какой же цели они ему были нужны?— хрипло спросил я.

— Неужели вы не понимаете? Это же был его грех. Вот он и пытался скрыть его в этой пустыне... Он схоронил его в рыбках. И знаете...— Она снова подалась ко мне, ее глаза засияли на пару секунд, но тут же потускнели, и она уже вполне серьезно добавила:— Иногда мне кажется, что наконец,— может, в прошлом году или раньше,— он и на самом деле поверил, будто прячет настоящие жемчужины. Это вам о чем-то говорит?

Я опустил глаза на свои жемчужины. Рука невольно зажала носовой платок.

— Миссис Сайп, я простой человек,— заговорил я.— Боюсь, что понять идею с козлом отпущения мне будет трудновато. Догадываюсь, что он пытался сам себя обмануть, как любой человек, многое проигравший в жизни.

Женщина снова усмехнулась. Когда она улыбалась,

го выглядела почти красивой. Потом как-то непринужденно пожала плечами.

— Естественно, у вас возникает такое предположение. А вот я... — Она развела руками. — Собственно, какое теперь это имеет значение? Можно мне их сберечь на память?

— Сберечь на память?

— Ну, эти вот... липовые жемчужины. Или вы...

Я поднялся. Старый спортивный «форд» без крыши вползал на холм. Мужчина за рулем имел на груди большую звезду. Шум двигателя напоминал урчание старого и лысого шимпанзе в зоопарке.

Миссис Сайп продолжала стоять с протянутой ладонью и жалостливо смотрела на меня.

Я усмехнулся с неприкрытой злостью.

— Что и говорить, здорово же вы сыграли свою роль! А я, черт побери, чуть не поверил. У меня уже и мороз по коже прошелся. Ну и ну! Только вы сами же и помогли мне. Вам не очень подходит слово «липовые». И «кольтом» вы владеете отлично, и жалости не знаете. Да и последние слова Сайпа были довольно удивительными. «Телескопы, Хетти... Телескопы...» Он бы не переживал, если бы камешки были фальшивыми. Да и не настолько он глуп, чтобы столько времени морочить себе голову.

И снова какое-то время на ее лице ничего нельзя было прочесть. Но длилось это недолго. В ее взгляде промелькнул ужас. Она вытянула губы и плюнула в мою сторону. Не задерживаясь ни на секунду, она рванулась к двери, скрылась в особняке и закрыла за собой дверь.

Я спрятал свои возможные двадцать пять тысяч в кармашек жилета. Собственно, двенадцать с половиной тысяч мне и столько же — Кейти Хорн. Представляю себе ее глаза, когда я принесу и выложу перед нею чек! Она положит его в банк и будет ждать возвращения Джонни из Квентинской тюрьмы.

Спортивный «форд» остановился рядом с двумя другими машинами. Мужчина за рулем сплюнул в сторону, поставил машину на ручной тормоз и, не выключая двигателя, выскочил из машины. Это был здоровяк в рубашке с короткими рукавами.

Я спустился по ступенькам ему навстречу.

Хью Пентекост
ДЕНЬ, КОГДА ИСЧЕЗЛИ ДЕТИ

1

Ясным зимним днем девять детей из маленького городка Клейтона бесследно исчезли с лица земли вместе с микроавтобусом и водителем.

Клейтон располагался в нескольких милях от Лейквью, где недавно построили новую школу. Каждое утро Джерри Махони, механик из «Ист-Клейтон гэраж», отвозил детей в эту школу, а во второй половине дня привозил обратно. Джерри любили в городе. В его золотых руках оживал любой двигатель. Его невеста, Элизабет Диринг, работала в клейтонском банке.

Автобус с детьми и водителем исчез с узкой полоски дороги, огибающей озеро Клейтон-лейк. На всем протяжении, а именно около двух миль, дорогу отделяла от озера тяжелая металлическая ограда, закрепленная на бетонных опорах. С другой стороны плотной стеной стояли деревья. Лишь в одном месте был короткий, с полсотни ярдов, проселок, который вел к заброшенной каменоломне.

На въезде в Клейтон стоял придорожный ресторанчик Джо Гормана. Здесь микроавтобус обычно делал первую остановку, так как среди школьников был и двенадцатилетний Питер Горман, сын Джо.

В половине пятого Джо начал волноваться. Он позвонил жене и спросил, не пришел ли Питер домой.

— Нет, я думала, он у тебя,— удивилась Этель Горман. — Что-нибудь случилось?

— Вряд ли,— ответил Джо. — Тут полно народу, и я, должно быть, не заметил, как автобус проехал мимо. Наверное, Питер поехал к Диклерам с Дональдом и Дороти. Я им позвоню.

Чандлер Р.
ВЫСТРЕЛЫ
В РЕСТОРАНЕ
СИРАНО

1

Тэд Молверн любил дождливую погоду, любил шелест дождя, его запах, его вкус на губах. Выйдя из своего двухместного «ласаля», он постоял немного возле бокового входа в «Каронделета», держа руки в карманах просторного плаща из синей замши, высокий воротник которого щекотал ему уши. Когда намокшая сигарета в его зубах зашипела и погасла, Молверн вошел в отель, миновал парикмахерскую, аптеку, закусочную, парфюмерный киоск, на полках которого умело подсвеченные флаконы выстроились, словно балетная труппа в финале бродвейского шоу, и, обойдя колонну с золотыми прожилками, вошел в застланную ковром кабину лифта.

— Добрый день, Эльберт. Вот это дождик!.. На девятый.

Худощавый, утомленный на вид парнишка в голубой униформе с серебряными галунами и пуговицами придержал дверцы рукой в белой перчатке и сказал:

— Да, мистер Молверн, только неужели вы думаете, что я не знаю ваш этаж?

Не глядя, парнишка нажал кнопку с цифрой «9». Когда лифт остановился, он раскрыл его дверцы и тут же оперся спиной о стенку кабины, закрыв глаза.

Молверн задержался в дверях и внимательно посмотрел на него своими блестящими карими глазами.

— Что с тобой, Эльберт? Ты болен?

Парнишка через силу улыбнулся.

— Работаю вторую смену подряд. Сменщик заболел. Это у меня, видимо, потому что давно не ел.

Высокий кареглазый человек вынул из кармана скомканную пятерку и сунул парнишке под нос. Тот вытаращил глаза, оттолкнулся от стенки и замер.

— Да что вы, мистер Молверн.

— Бери, бери, Эльберт. Что важнее — дружба или какая-то пятерка? Считай, что я угостил тебя обедом.

Он вышел из кабины и зашагал по коридору, бормоча себе под нос:

— Ох, ну и глупец же ты, Молверн...

Мужчина, выскочивший ему навстречу из-за угла, чуть не сбил его с ног. Вильнув в сторону, он бросился к лифту и, раздвигая уже сомкнувшиеся створки, крикнул:

— Вниз!

Молверн успел заметить, что лицо незнакомца под низко надвинутой на глаза шляпой было неестественно бледным и напряженным, а близко посаженные черные глаза абсолютно невыразительны. Такие глаза ему приходилось встречать и раньше. У наркоманов.

Кабина лифта упала вниз, словно грузило в воду. Молверн постоял несколько секунд, а потом шагнул за угол.

Двери номера 914 были раскрыты, на пороге, головой в коридор, лежала девица.

Одетая в мерцающую серо-стальную пижаму, она лежала на боку, приминая щекой ворс ковра, а из густых, цвета спелой ржи, волос, безупречно уложенных блестящими волнами, не выбилось ни одной пряди. Она была молода, довольно красива и чуть жива.

Молверн присел на корточки, дотронулся до ее щеки. Щека была теплой. Он осторожно приподнял с ее лба волосы и увидел синяк.

— Оглушена,— процедил он сквозь зубы.

Подхватив девицу на руки, Молверн занес ее через маленькую прихожую в гостиную номера люкс и положил на широкий диван перед газовым камином.

Девица лежала неподвижно с закрытыми глазами, с бледным под косметикой лицом. Молверн закрыл дверь в коридор, обошел и внимательно осмотрел номер. Вернувшись в прихожую, только теперь заметил валявшийся на полу, у самого плинтуса, семизарядный малокалиберный пистолет с рукояткой, инкрустированной слоновой костью. Он поднял его, понюхал канал ствола и сунул игрушку в карман.

Вернувшись к девице, вынул из внутреннего карма-

из плаща плоскую серебряную фляжку, открутил крышку, пальцами разжал девице губы и плеснул виски на ее мелкие белые зубы. Девица закашлялась, замотала головой и открыла темно-синие глаза с сиреневым оттенком. На мгновение в них засветился огонек сознания, но он едва теплился.

Продолжая ее разглядывать, Молверн закурил сигарету. Девушка снова шевельнулась, а через секунду даже прошептала:

— Мне очень понравилось ваше виски. Будьте добры, дайте еще глоточек.

Он принес из ванной комнаты стакан и налил в него виски. Девица со стоном приподнялась на диване, села, приложила ладонь ко лбу и снова простонала. Потом протянула руку за стаканом и до капли выпила приличную порцию виски.

— Еще больше понравилось,— усмехнулась она и спросила: — Кто вы такой?

Голос у нее был довольно низкий, но мелодичный. Молвéрн любил такие голоса.

— Меня зовут Тэд Молверн,— объяснил он. — Живу на этом же этаже в номере 937.

— Я... я, вероятно, потеряла сознание.

— Вот именно. Вас оглушили чем-то тяжелым, дорогая. — Он внимательно разглядывал ее своими блестящими глазами, в уголках которых пряталась насмешка.

Она широко раскрыла глаза, затянутые поволокой из темной эмали.

— Я видел парня, который напал на вас,— сообщил Молверн. — От него за милю несет кокаином. Держите свой пистолет.

Он вынул из кармана оружие и протянул ей на ладони.

— Похоже, теперь мне придется сочинять для вас какую-нибудь сказочку,— с усмешкой проговорила девица.

— Мне она ни к чему. Если вы попали в неприятную историю, я постараюсь помочь вам. Но при одном условии.

— Каком же? — ее голос звучал холодно и неприязненно.

— Вы расскажете мне, кто в этом замешан,— спокойно объяснил он. Выщелкнув магазин из рукоятки пистолета, он оглядел верхний патрон. — Пули никели-

рованы, да? Вижу, что вы знаете толк в оружии, дорогая.

— А нельзя ли без «дорогой»?

— Вполне, если бы я знал, как вас зовут.

Он усмехнулся, прошел к письменному столу и положил на него пистолет. На столе стояла оправленная в кожу рамка с двумя фотографиями. Сначала он скользнул по ней взглядом, а потом присмотрелся внимательнее. Миловидная черненькая женщина и худощавый русоволосый мужчина с холодным взглядом. Высокий воротник, широкий галстук, завязанный большим узлом, и узкие лацканы пиджака свидетельствовали о том, что фотография сделана много лет назад.

Пока Молверн стоял и рассматривал фотографию, девица за спиной решила представиться:

— Меня зовут Джин Эдрин. Я танцовщица. Делаю собственный номер в ревю ресторана Сирано.

Молверн все еще продолжал рассматривать фотографию.

— С Бенни Сирано мы давно знакомы,— отозвался он без особого уважения. — Это ваши родители?

Он обернулся и поймал ее взгляд. Она опустила голову, но он успел заметить настороженность в ее глазах.

— Да. Они умерли много лет назад,— уже спокойно ответила она. — Будут еще вопросы?

Он шагнул к дивану и остановился перед девицей.

— Согласен, я сую нос не в свое дело,— скороговоркой проговорил он. — Ну и что? Это мой город. Когда-то мой отец держал его в кулаке. «Старый Маркус Молверн, Друг Народа» — не слышали? Этот отель — мой. По крайней мере, частично. А тот нафаршированный кокаином бандит, по-моему, наемный убийца. Поэтому, почему бы мне не попробовать помочь вам?

Девица рассматривала его из-под полуопущенных век.

— И все же ваше виски нравится мне,— сказала она. — Может, нальете?

— Пейте прямо из фляжки, дорогая. Так оно будет быстрее,— буркнул он.

Девица резко встала, ее лицо заметно побледнело.

— Вы разговариваете со мной, как с какой-то преступницей! — возбужденно выкрикнула она. — Что ж, хорошо, вот вам правда. Парню, с которым я встречаюсь, грозят расправой. Он боксер, и от него требуют

чтобы одну из будущих встреч он проиграл. Теперь, чтобы воздействовать на него, они напали на меня. Устраивает вас такое объяснение или нет?

Молверн взял с кресла свою шляпу, вынул изо рта сигарету и раздавил ее в пепельнице. Спокойно кивнув девице, буркнул: «Извините», — и шагнул к двери.

Когда взялся за ручку, девица засмеялась за его спиной и уже мягко сказала:

— Ну и характер у вас — помилуй Бог! К тому же, вы забыли свою фляжку.

Он вернулся, взял из ее рук фляжку, неожиданно наклонился и поцеловал ее в губы.

— Нет, вы мне определенно нравитесь, — сказал он и снова направился к двери.

Когда он вышел, девица вытерла губы ладонью и задумчиво усмехнулась.

2

У старшего посыльного отеля Тони Акосты, парня по-девичьи стройного и хрупкого, было шоколадное лицо с бархатными глазами и тонкими, всегда решительно сжатыми губами. Остановившись на пороге, он доложил:

— Ближе восьмого ряда билетов уже не было, мистер Молверн. Этот Мастак Верра бьется как зверь, но чемпионом в полулегком весе будет Дьюк Тарго — это факт.

— Зайди и выпей стаканчик, Тони, — пригласил Молверн, стоявший у окна и любовавшийся потоками дождя. — Если это звание ему купят.

— Только капельку, мистер Молверн.

Темнокожий парень принялся осторожно смешивать виски с содовой. Подняв бутылку против света, отмерил ногтем порцию, налил в стакан, тихо позвенел длинной ложечкой, раскручивая в стакане кусочек льда, отпил глоток и улыбнулся, обнажив белый частокол зубов.

— Этот Тарго — просто чудо, мистер Молверн. — Удар молниеносный, голова ясная, кулаки, как два молота, никого не боится, никогда не отступает.

— А ты посмотри, кого против него выставляют. Черт знает кого. Босяков.

8 Зак. 1316

Да, настоящего партнера он еще не имел,— кивнул Тони.

Дождь перешел в ливень.

— Он и сам босяк,— продолжал Молверн.— Содрать с него этот шик и лоск — вот и станет он босяк-босяком.

Тони сокрушенно вздохнул.

— Эх, если бы я мог посмотреть хоть один раунд. А ведь это мой выходной день.

Молверн неторопливо отошел от окна, подошел к столу, налил себе виски, разбавил содовой. На щеках у него выступили темные пятна, а голос стал каким-то скрипучим.

— Так-так... И что же тебе мешает?

— Голова болит.

— Понял, выходит, ты снова без денег,— проворчал Молверн.

Тони отвел глаза в сторону и промолчал.

Молверн сжал пальцы левой руки в кулак, потом медленно разжал и исподлобья посмотрел на парня.

— Тэд всегда выручит,— вздохнул он.— Старый добряк Тэд. Он раздает деньги направо и налево. Он же шляпа. Тэд всегда выручит. Ладно, Тони, неси тот билет обратно. Возьмешь два рядом.

Он сунул руку в карман и вынул купюру.

Тони, похоже, обиделся.

— Мистер Молверн, может, вы думаете, что я...

— Бери, бери. Что важнее — дружба или какой-то билет на бокс? Купишь два билета и возьмешь с собой свою девушку. Мне, собственно, чихать на этого Тарго.

Тони взял деньги, посмотрел Молверну в глаза и, понизив голос, сказал:

— Я бы лучше пошел с вами, мистер Молверн. Тарго умеет укладывать навзничь не только на ринге. Он зачастил сюда к одной блондиночке, вашей соседке. К мисс Эдрин из девятьсот четырнадцатого.

Молверн выпрямился, неторопливо поставил стакан на стол, покрутил его и чуть осевшим голосом сказал:

— И все же он босяк-босяком. Ладно, встретимся в семь возле подъезда. Поужинаем вместе.

— О, спасибо, мистер Молверн!

Неслышно ступая, Тони вышел и беззвучно закрыл за собой дверь.

Молверн долго стоял, постукивая кончиками паль-

цев по столу и устремив неподвижный взгляд в пространство. Передернув плечами, вдруг во весь голос сердито объявил:

— Тэд Молверн — первейшая шляпа в Соединенных Штатах Америки! Безмозглый дурак, заигрывающий с прислугой и бросающийся на выручку девицам легкого поведения! О-хо-хо...

Он одним глотком допил виски, взглянул на часы, надел шляпу, синий замшевый плащ и вышел. В коридоре остановился возле двери номера 914, уже поднес руку, чтобы постучаться, но тут же опустил ее.

Медленно дойдя до лифта, он спустился вниз, вышел на улицу и сел в машину.

Редакция «Трибюн» размещалась на углу Четвертой авеню и Спрингстрит. Молверн завернул за угол, прошел через служебный вход и поднялся на четвертый этаж в дребезжащем лифте. Лифтер — старик с погасшей сигарой в зубах — неотрывно читал свернутую вчетверо газету, держа ее перед самым носом.

На четвертом этаже перед величественными двустворчатыми дверями с табличкой «Отдел репортажа» стоял столик с селектором, за которым сидел еще один старик.

Молверн постучал пальцем по столу, привлекая к себе внимание, и сказал:

— К Адамсу. Тэд Молверн.

Старик что-то пробормотал в селектор, отпустил клавишу и показал бородой в сторону двери.

Молверн прошел мимо выгнутого подковой стола технического редактора, мимо ряда столов, за которыми стучали на машинках репортеры, в конец комнаты. В кресле, держащемся на двух ножках под небезопасным углом, откинувшись назад и водрузив ноги на выдвинутый ящик, сидел худощавый рыжий мужчина, нацелив громадную трубку в потолок.

Когда Молверн встал перед ним, рыжий перевел взгляд с потолка на него и, не меняя позы, процедил сквозь зубы, сцепленные на чубуке трубки.

— Привет, Тэдди. Как дела у богатых бездельников?

— Ты не мог бы показать мне свое досье на некоего мистера Кортуэя? — спросил Молверн. — Точнее говоря, на сенатора нашего штата Джона Маерсона Кортуэя?

8*

Адамс опустил ноги на пол и, ухватившись за край стола, сел ровно, затем вынул трубку изо рта и сплюнул в корзину для бумаг.

— На этого старого хрыча? Пожалуйста. Только я не припомню, чтобы за ним водилось что-то интересное. — И с утомленным видом поднявшись с кресла, кивнул:

— Идем, парень.

Они прошли вдоль стены мимо другого ряда столов. За последним громко хохотала упитанная девица с размазанной на губах помадой,— вероятно, печатала что-то очень для нее смешное,— и оказались в другой большой комнате, заставленной шестифутовыми шкафами-картотеками, между которыми кое-где стояли столики и стулья.

Адамс остановился перед одним из шкафов, пробежал глазами надписи, выдвинул ящик, вынул из него папку и бросил на ближайший столик.

— Устраивайся и читай. А что ты пронюхал?

Опершись локтем на столик, Молверн принялся листать вырезки. Их было много, похожих одна на другую, политических, сдобренных какой-нибудь сенсацией. Сенатор Кортуэй сделал такое-то заявление по поводу такого-то запроса, что является общественным интересом, выступал на таких-то собраниях, побывал там-то и там-то. Читать все это было нудно и скучно.

С нескольких клише на Молверна с холодным равнодушием смотрел худощавый седой мужчина с запавшими черными глазами на непроницаемом лице. Через несколько минут Молверн спросил:

— А лишней его фотографии у тебя не найдется? Не клише, а настоящей.

Адамс вздохнул, потянулся и исчез за стеною шкафов. Вернувшись, бросил на столик блеснувшую черно-белую фотографию.

— Бери, дарю. У нас их десятки. Этому старику уже много лет, но никакие черти его не берут. Если хочешь, я могу у него и с автографом взять — тебе лично.

Молверн, прищурив глаза, долго приглядывался к снимку.

— Спасибо, обойдусь,— сказал он, чуть помедлив. — Ты не знаешь, Кортуэй был когда-нибудь женат?

— Нет. Насколько я помню. Да нет, похоже, никогда. Слушай, а что тебе удалось раскопать?

Едва заметная усмешка промелькнула на губах Молверна. Он вынул из кармана свою фляжку и поставил ее на столик рядом с папкой. Лицо Адамса просияло, он погладил фляжку рукой.

— Выходит, и детей у него не было? — сказал Молверн.

— Может и были, но не для прессы. И потом, насколько я разбираюсь в людях, экземпляры с такими мордами детей не плодят.

Поднеся к губам горлышко фляжки, он с бульканьем сделал пару глотков, потом вытер губы и приложился еще раз.

— В том-то и дело,— кивнул головой Молверн.— Глотни еще разок и забудь, что ты меня видел.

3

Толстяк склонился к Молверну и сипло спросил:

— Сосед, ты не находишь, что они договорились?

— Вот именно. В пользу Верра.

— И на сколько же тянет твоя версия?

— Сначала взвесь свой кошелек.

— Он тянет на десять полсотен, и места в нем хватит еще на столько же.

— Иду на все,— шепнул Молверн, не спуская глаз с белокурой головки в первом ряду у ринга. Ему видна была волнистая прическа, белое пальто с белым меховым воротником. Ничего другого ему и не нужно было видеть.

Толстяк поморгал глазами и осторожно вытащил из внутреннего кармана пиджака туго набитый бумажник. Положив его на колено, он достал десять полусотенных купюр, свернул их трубочкой и спрятал бумажник в место, где ребрами ощущал его присутствие и вес.

— Ты сам напросился, пижон,— прошипел он. — Показывай свои доллары.

Молверн оторвал взгляд от девицы, вынул пачку новеньких стодолларовых банкнот, провел большим пальцем по краю пачки, разрывая обертку, извлек пять купюр и протянул их толстяку.

— Вот это по-нашему! — восхитился тот и снова наклонился к Молверну. — Меня зовут Скитс О'Нил. А ты не сбежишь, а?

Молверн чуть заметно усмехнулся и сунул деньги в руки толстяка.

— Храни их сам, Скитс. Меня зовут Тэд Молверн. Я сын старого Маркуса Молверна. От меня ты не сбежишь, ибо я стреляю быстрее, чем ты бегаешь. К тому же, я никогда и ни перед кем не извиняюсь.

Толстяк с шумом набрал воздуха в легкие и откинулся на спинку кресла. Тони Акоста с минуту рассматривал деньги, стиснутые в пухлом кулаке толстяка. Облизав губы и обескураженно усмехаясь, он заглянул Молверну в глаза:

— Это значит, мистер Молверн, выбросить деньги на ветер. Конечно, если... Если вам не известно что-то такое...

— Кое-что известно — как раз на пятерку с двумя нулями,— пробормотал в ответ Молверн.

Прозвенел звонок перед началом шестого раунда. В первых пяти трудно было определить, на чьей стороне перевес. Дьюк Тарго, белобрысый здоровяк, похоже, еще не показал всего, что он умеет. Ну, а черноволосый Мастак Верра, крепкий долгорукий поляк с редкими зубами и расплющенными ушами, которому силы было не занимать, из всех приемов усвоил только два: захват и свинг, который начинался чуть ли не от пола и который еще ни разу не достиг цели. Но до сих пор он и не пропустил ни одного серьезного удара. Болельщики хором насмехались над Тарго.

Когда табуретки убрали с ринга, Тарго, поправив свои черные с серебристой оторочкой трусы, с долей принуждения улыбнулся девице в белом пальто. Его красивое лицо было чистым — ни синяков, ни ссадин. На одном плече виднелась засохшая кровь, но это была кровь из разбитого носа Мастака Верра.

Как только прозвенел гонг, Верра кинулся через ринг, уклонился от правой Дьюка Тарго и хуком слева достал-таки соперника. Удар получился скользящий, но все же он, похоже, потряс Тарго. Тот отлетел к канатам, спружинил на них и вошел в клинч.

Молверн усмехнулся в темноте.

Рефери потребовал от соперников разойтись, и Тарго тут же оттолкнулся от Верра. Тот попробовал достать его с помощью апперкота, но промахнулся. С минуту они танцевали, обмениваясь пристрелочными ударами. На галерке затянули песню в ритме вальса. Верра снова отвел правую назад и вниз, чуть не касаясь

пола, готовя очередной свинг. Тарго, похоже, ждал этого удара, даже как бы подставлял себя под него. На его лице появилась напряженная улыбка. Девица в белом пальто вдруг вскочила на ноги.

Перчатка Верра скользнула по щеке соперника. Тарго лишь чуть заметно качнулся и прямым правой ударил Верра в голову, тут же крюком слева стукнул в челюсть и снова правой — в голову.

Верра упал на колени, задержался в этом положении на долю секунды и растянулся вниз животом на собственные кулаки в перчатках. Пока судья вел счет, тщательно выговаривая цифры, на галерке творилось что-то невообразимое.

Толстяк вскочил на ноги, расплываясь в улыбке до самых ушей.

— Ну как, голубчик? И теперь веришь, что они договорились?

— В последний момент кто-то передумал,— проговорил Молверн безразличным голосом, каким переговариваются между собой полицейские по рации.

— Будь здоров, голубок,— продолжал толстяк. — Приходи сюда почаще. — Пробираясь мимо Молверна, он еще и на ногу ему наступил.

Молверн продолжал сидеть неподвижно, наблюдая, как пустеет зал. Боксеры со своими секундантами спустились вниз, в подсобные помещения под рингом. Девица в белом пальто исчезла в толпе. Юпитеры погасли, и зал сразу стал похожим на большой и запущенный сарай.

Тони Акоста завертелся на сиденьи: к ним приближался, собирая с пола мусор, служащий в темном комбинезоне.

Вдруг Молверн поднялся и сказал:

— Тони, я пойду переговорю с тем босяком. Подожди меня в машине.

Он спустился по пандусу в вестибюль, где еще толпились зрители, протолкался к синим дверям с надписью «Вход запрещен», вошел в них, и оказался еще перед одной дверью с такой же надписью, но перед ними уже стоял охранник в расстегнутом кителе цвета хаки с бутылкой пива в одной руке и бутербродом с котлетой — в другой.

Молверн помахал перед его носом полицейским удостоверением, охранник миролюбиво кивнул и отступил в сторону, даже не взглянув на него. Теперь Молверн

оказался в узком коридоре со множеством пронумерованных дверей. На четвертой двери слева он увидел пришпиленную карточку, на которой от руки было выведено: «Дьюк Тарго».

Молверн вошел и услышал шум душа, открытого на полную мощность. Душевая, видимо, находилась за перегородкой.

В узкой, с голыми стенами комнатушке, на краю заваленного спортивной одеждой массажного стола, сидел мужчина в белом свитере. Молверн узнал в нем главного секунданта Тарго.

— Где Дьюк? — спросил Молверн.

Секундант показал большим пальцем на перегородку, за которой шумел душ. В тот же миг из двери вышел, покачиваясь на нетвердых ногах, какой-то субъект. Высокий, курчавый, с копной каштановых волос, среди которых проглядывали седые пряди. В левой руке он держал почти полный стакан виски. Лицо его имело тот сизо-багровый оттенок, который проступает у очень пьяных людей. Шевелюра у него была мокрой от пота, глаза налиты кровью, а губы дергались в глупой ухмылке.

— Убирайся... от...сю...да... — прохрипел он неразборчиво.

Молверн спокойно закрыл за собой дверь, прислонился к ней спиной и, распахнув полу плаща, полез в жилетный карман за портсигаром. Он даже не посмотрел на курчавого.

Но тот вдруг сунул свободную руку в карман пиджака и выхватил оттуда пистолет. Вороненая сталь тускло блеснула на фоне его светлого костюма. Виски выплеснулось из стакана.

— Не шевелись! — выкрикнул он.

Молверн неторопливо вынул портсигар, показал его на раскрытой ладони, достал сигарету и вставил ее себе в зубы. Вороненый ствол танцевал перед его глазами, рука, державшая стакан с виски, подергивалась в конвульсивном ритме.

Молверн тихо сказал:

— Так-так. Кому как не тебе искать неприятностей для себя же...

Мужчина в свитере слез с массажного стола и замер, не спуская глаз с пистолета.

— Ну, насчет... неп...приятностей... мы еще п-посмотрим... Майкл, обыщи ег-го...

— Ну, нет, Шенвер, ты меня в это дело не впутывай,— запротестовал мужчина в свитере.— И прошу тебя, не горячись. Ты, похоже, уже целую цистерну выглотал.

— Можете обыскать меня. Я без оружия,— сказал Молверн.

— Зачем это мне? — отказался парень в свитере.— Это он — охранник Дьюка, а я так, сбоку припека.

— Ч-черт, я, п-похоже, здорово п-пьян,— хохотнул курчавый.

— Вы — приятель Дьюка? — спросил парень в свитере.

— Я хочу кое-что сказать ему.

— А что именно?

Молверн промолчал.

— Дело ваше,— обиженно пожал плечами парень в свитере.

— Знаешь, что ему нужно, Майкл? — вдруг снова разозлился курчавый.— Этот гад, похоже, хочет устроиться на мое место! Погляди только на эту бандитскую рожу! Слушай, а ты, случайно, не детектив?

И он ткнул Молверна стволом пистолета в живот.

— Ты угадал,— кивнул Молверн.— И убери свою пукалку.

Курчавый повернул голову и через плечо подмигнул парню в свитере.

— А что я говорил, Майкл? Он же ищейка. Хочет устроиться на мое место! Ясно, к-как божий день!

— Дубина, убери свой пугач,— брезгливо бросил ему Майкл.

Курчавый повернулся к нему еще больше.

— Я тут нахожусь для того, чтобы охранять Д-дьюка, а не нянчиться со всяким сбродом! — заявил он.

Молверн небрежным жестом руки, в которой был портсигар, отвел пистолет в сторону. Курчавый резко повернулся. Тогда Молверн сделал полшага и ударил его в солнечное сплетение, а левой — выбил пистолет из рук. Курчавый захрипел, выплеснув виски на плащ Молверна, стакан же упал на пол и разбился. Пистолет отлетел в самый угол комнаты. Человек в свитере бросился к нему.

В тот же миг — Молверн даже не услышал, как перестала шуметь вода в душевой — из дверей вышел светловолосый боксер, энергично растирающий торс

жестким полотенцем. Он даже раскрыл рот, увидев происходящее.

— С меня хватит, — спокойно сказал Молверн, отталкивая от себя курчавого и прямым правой отправляя его к противоположной стене комнатушки. Ударившись о стенку, курчавый сполз по стене на пол.

Тем временем парень в свитере поднял пистолет и теперь замер на месте, не зная, как поступить дальше.

Молверн достал носовой платок и вытер виски на плаще. Тарго закрыл рот и снова принялся растирать грудь полотенцем.

— Кто вы такой, черт побери? — наконец спросил он.

— Я — частный детектив. По крайней мере, был им. Зовут меня Тэд Молверн. По-моему, вам нужна помощь.

Лицо Тарго было красным после горячего душа. Теперь оно покраснело еще больше.

— С чего вы взяли?

— Я слышал, что вы должны были проиграть бой и видел, как намеревались выполнить это требование. Только Верра показал себя глупцом и слабаком. У вас не было иного выхода. А это означает, что вы влипли в неприятную историю.

— За подобные слова из человека делают отбивную, — с расстановкой проговорил Тарго.

В комнате повисла тишина. Пьяный поднял голову, похлопал глазами, попробовал подняться, но не смог, и голова его снова упала на грудь.

Молверн добавил:

— Бенни Сирано — мой приятель. Насколько мне известно, он протежирует вам, так?

Мужчина в свитере хрипло рассмеялся, вынул из пистолета обойму, разрядил ее и кинул оружие на пол. Затем вышел из комнаты и громко хлопнул дверью.

Тарго посмотрел на закрытую дверь, перевел взгляд на Молверна и, немного помолчав, спросил:

— Откуда вам это стало известно?

— Ваша подружка Джин Эдрин живет в моем отеле, на одном этаже со мной. Несколько часов назад на нее напал какой-то бандит, оглушив ударом по голове. Я как раз проходил по коридору и сначала столкнулся с бандитом — он убегал, — а потом увидел девушку в бессознательном состоянии. Я помог ей, и она в двух словах рассказала мне кое о чем.

Тарго тем временем одевался. Натягивая на плечи черную шелковую рубашку, он сказал:

— Мне Джин ничего не говорила.

— Ничего удивительного — перед боем.

Тарго слегка кивнул и тут же продолжил:

— Что ж, если вы на самом деле приятель Бенни, я вам тоже кое-что расскажу. Мне действительно угрожали расправой. Может быть, все это ломаного цента не стоит, но не исключено, что какой-нибудь расторопный букмекер решил погреть на этом руки. Как бы там ни было, но я дрался честно. Так что идите себе спокойно, уважаемый, и дышите свежим воздухом.

Он натянул черные брюки с широким поясом и повязал на черную рубашку белый галстук. После этого вынул из шкафа пиджак из белого тонкого сукна, окантованный черной тесьмой. Из нагрудного карманчика пиджака торчал тремя кончиками черно-белый платочек.

Молверн оглядел его с головы до ног, шагнул к двери, остановился и посмотрел в сторону курчавого.

— Ну что ж,— кивнул он,— я вижу, что телохранитель у вас есть. Извините, меня привело к вам недоразумение. До свидания.

Молверн осторожно прикрыл за собой дверь, поднялся в вестибюль и вышел на улицу. Под все еще не прекращавшимся дождем завернул за угол здания и поспешил к автомобильной стоянке.

Фары его машины вспыхнули, помигали, машина прошуршала по мокрому асфальту и остановилась перед ним. За рулем сидел Тони Акоста.

Молверн опустился на сиденье рядом с ним и сказал:

— Давай навестим Сирано, Тони, пропустим по стаканчику.

— Вот это дело, мистер Молверн! Там сегодня выступает мисс Эдрин. Знаете — та блондиночка, о которой я вам говорил.

— Знаю. Я познакомился с Тарго. Чем-то он мне нравится, но только не своей одеждой. Бр-р, его костюм мне явно не понравился.

4

Гес Найшекер — двухсотфунтовый живой манекен из салона новых мод — имел румяные щеки и тонень-

[illegible] брови — брови с китайской вазы. В петлице его шикарного смокинга торчал красный цветок, и он то и дело нюхал его, одновременно наблюдая, как старший официант рассаживает за столом вновь прибывшую компанию. Когда Молверн и Тони Акоста появились в дверях зала, он заулыбался и поспешил к ним, протягивая руку.

— Добрый вечер, Тэд! Вы с компанией?

— Нет, нас только двое. Знакомьтесь: мистер Акоста — Гес Найшекер, метрдотель Сирано.

Гес Найшекер пожал Тони руку, даже не взглянув на него, и сказал:

— Я припоминаю, Тэд, что в последний раз ты у нас был с...

— Она уехала из города,— прервал его Молверн.— Устрой нас недалеко от площадки, но и не очень близко.

Гес Найшекер выхватил у одного из официантов меню и повел их за собой. Они спустились вниз по пяти ступенькам, застланным ярко-красным ковром, и остановились возле столиков, которые полукругом охватывали танцевальную площадку.

Когда они сели, Молверн заказал виски с содовой и льдом, а к ним сандвичи по-деревенски. Найшекер передал заказ официанту, придвинул к столику стул и опустился на него. Достав из кармана карандаш, принялся чертить какие-то треугольники на спичечном коробке.

— Были на боксе? — небрежно спросил он.

— Ты это называешь боксом?

Гес Найшекер благодушно усмехнулся.

— Бенни разговаривал с Дьюком. Дьюк говорит, что ты что-то заподозрил. — Он перевел взгляд на Тони Акосту.

— Тони — свой парень,— сказал Молверн.

— Хорошо. Тогда будь добр, окажи нам услугу — забудь о своих подозрениях. Бенни этот боксер нравится. Он не допустит, чтобы с ним что-нибудь случилось. Если бы действительно было что-то серьезное, и если бы Бенни не считал, что вся эта комедия с угрозами придумана каким-нибудь дешевым комбинатором между двумя партиями на бильярде,— он обеспечил бы Тарго надежной охраной. Бенни никогда не протежирует одновременно больше чем одному боксеру, поэтому подбирает их очень тщательно.

Молверн закурил сигарету, выпустил из угла рта струйку дыма и заявил:

— Это, конечно, не мое дело, но я скажу тебе, что все это не так просто. У меня нюх на такие вещи.

Гес Найшекер с минуту задумчиво смотрел на него, а потом пожал плечами:

— Что ж, смотри не ошибись.

Он резко поднялся со стула и пошел между стояниками, то и дело останавливаясь, чтобы с улыбкой поклониться одному из посетителей и сказать несколько слов другому.

Бархатные глаза Тони Акосты возбужденно горели.

— Вы считаете, мистер Молверн, что одними угрозами тут не обойдутся?

Молверн молча кивнул. Официант принес заказ и ушел. Оркестр на эстраде в конце овальной площадки выдал коротенькое вступление. Прилизанный, улыбающийся конферансье плавной походкой подошел к микрофону и забубнил в него, едва не касаясь его губами.

Началась эстрадная программа. С десяток полуодетых девиц выскочило на площадку под разноцветное мерцание огней юпитеров. Они извивались длинной волнистой линией, их голые ноги мелькали перед глазами зрителей, а на нежно-белых животах темнели ямочки пупков.

Рыжая певичка с масляными глазами исполняла слащавую песенку голосом, которым можно было бы колоть дрова. Девицы вернулись на эстраду в черных трико и шелковых шапочках. Исполняя тот же танец, они демонстрировали уже другие оголенные прелести.

Музыка приутихла. В круг света вышла высокая полная негритянка и пропела что-то довольно сентиментальное голосом, который ассоциировался у Молверна со старой слоновой костью.

Молверн неторопливо потягивал виски, время от времени отламывая от сандвича небольшие кусочки. Рядом с ним в полумраке то возникало, то пропадало молодое, напряженное лицо Тони Акосты.

Исполнительница блюзов ушла, и на минуту воцарилась тишина, после чего вдруг повсюду погасли огни, кроме лампочек над пюпитрами музыкантов и бледных фонариков над входами в кабины, расположенных вокруг зала по стенам за рядами столиков.

В навалившейся темноте кто-то не удержался и мяукнул, кто-то расхохотался. Но в тот же миг в вы-

щине под самым потолком мигнул и засветился юпитер, бросив светящийся круг на дорожку, ведущую к сцене. В призрачном свете лица посетителей приняли мертвенно-бледный оттенок. То там, то тут засветились огоньки сигарет.

Четверо высоких негров показались на светящейся дорожке, держа на плечах белый саркофаг. Торжественной и ритмичной поступью они спустились на сцену. Все четверо были в белых египетских головных уборах, на бедрах белые повязки, ноги перевязаны до колен белыми шнурками, которые поддерживали сандалии белого цвета. Гладкая черная кожа отсвечивала, словно черный мрамор в лунном сиянии.

Дойдя до середины сцены, они остановились и осторожно опустили саркофаг на пол, поставив его вертикально. Крышка его отскочила, и какая-то фигура, закутанная в белый саван, покачнулась и очень медленно стала падать — так медленно с засохшего дерева падает последний лист. На миг она задержалась в своем падении, снова качнулась и повалилась на пол под оглушительный грохот барабанов.

Свет снова погас, потом вспыхнул. Мумия, уже поставленная, теперь крутилась волчком, а один из негров, тоже вращаясь, но в противоположном направлении, наматывал на себя длинный белый холст. Наконец саван размотался, и в ослепительном свете заискрились блики на стройном теле девушки. Она взлетела вверх в стремительном прыжке, и один из ее черных партнеров подхватил ее еще в воздухе и тут же перебросил другому. Девица летала по воздуху из рук в руки, словно бейсбольный мяч, который разыгрывают перед решающим броском.

Постепенно музыка перешла в вальс, и девица медленно закружилась между неграми, словно между четырьмя колоннами из черного дерева.

Выступление закончилось. Загремели бурные аплодисменты. Свет погас, и снова сцена погрузилась во мрак. А когда одновременно вспыхнули все люстры и юпитеры, то ни девицы, ни ее чернокожих партнеров на сцене уже не было.

— Какая красавица! — прошептал Тони Акоста. — Боже, какая красавица! Это же была мисс Эдрин, не правда ли?

— Да, она. Славная девушка, — задумчиво проговорил Молверн, закуривая сигарету и глядя вокруг. —

А вот еще одно черно-белое чудо, Тони. Дьюк Тарго — собственной персоной.

Боксер стоял в проходе одной из кабин, неистово аплодируя. Лицо его расплылось в растроганной улыбке. Похоже было, что он уже успел пропустить два-три стаканчика.

Кто-то навалился на плечо Молверна, опершись рукой в пепельницу, стоявшую у его локтя, и дыхнул на него перегаром. Он резко повернулся и увидел перед собой пьяное, потное лицо Шенвера, телохранителя Дьюка Тарго.

— Черные обезьяны и белая девушка,— тяжело ворочая языком, пробормотал Шенвер. — Черт знает что... Паскудство какое-то!.. Паскудство и непотребство...

Молверн слегка усмехнулся и отодвинулся вместе со стулом немного в сторону. Тони уставился в лицо Шенвера, сжав кулаки и губы.

— Это негры, мистер Шенвер. Не обезьяны, а негры. И мне этот номер понравился, — сказал Молверн.

— А кого, черт побери, интересует, что он тебе понравился? — проворчал Шенвер.

Молверн вежливо усмехнулся, положил сигарету на край тарелки и еще немного отодвинул свой стул.

— Вы до сих пор считаете, что я имею виды на вашу должность, Шенвер?

— Конечно. Кроме того, я хочу вернуть тебе долг. — Он снял руку с пепельницы, вытер ее о скатерть и сжал в кулак. — Хочешь — расплачусь сейчас же?

Официант схватил его за руку и повернул лицом к себе.

— Вы забыли, где ваш столик, сэр? Позвольте, я отведу вас.

Шенвер похлопал официанта по плечу, попробовал даже обнять за шею.

— Веди, время уже промочить горло. А эти люди мне не нравятся.

Они отошли и исчезли среди столиков.

— К черту эту забегаловку, Тони,— проворчал Молверн, хмуро разглядывая эстраду. Но вдруг в его глазах промелькнуло выражение заинтересованности.

По ту сторону оркестровой ямы появилась девица с волосами цвета спелой ржи, в белом пальто с белым меховым воротником. Вот она пропала, появилась снова и направилась к кабине, возле которой недавно

...Тарго. Через несколько мгновений она исчезла за дверьми кабины.

— К черту эту забегаловку, Тони,— повторил Молверн.— Идем отсюда. Хотя... Погоди минутку. Я вижу одного типа, который мне явно не нравится.

Молверн заметил его на противоположной стороне танцевальной площадки, пустой в этот момент, и сразу же узнал его, хотя на нем не было на этот раз шляпы. То же плоское, бледное, застывшее лицо, те же близко посаженные глаза. На вид ему не больше тридцати, но уже успел полысеть. Под пиджаком слева угадывался спрятанный пистолет. Это был тот самый бандит, который оглушил Джин Эдрин и сбежал из «Каронделета».

Он свернул на дорожку к кабинам и нырнул в дверь, за которой находился Тарго и минуту назад исчезла Джин Эдрин.

— Жди тут, Тони,— потребовал Молверн и вскочил со стула.

Кто-то стукнул его сзади по затылку. Молверн крутнулся и увидел перед собой оскаленное в усмешке потное лицо Шенвера.

— Я вернулся, приятель,— хохотнул кудрявый телохранитель и ударил Молверна в челюсть коротким прямым. Тот покачнулся, но устоял на ногах. Тони вскочил со стула, зашипев по-кошачьи. Удар левой только рассек воздух: Молверн успел уклониться. Сделав шаг вперед, он сильнейшим ударом снизу ударил Шенвера в переносицу. Тот не удержался и сел на пол, зажимая нос обеими руками.

— Постереги-ка, Тони, эту сволочь,— кинул Молверн.

Шенвер ухватился за край ближайшей скатерти и дернул на себя. Со стола на пол посыпались ножи, вилки, стаканы и тарелки. Мужчина, сидевший за столом, выругался, а женщина закричала. К ним бежал официант с бледным, перекошенным от возмущения лицом.

И тут Молверн услышал два выстрела.

Они щелкнули едва слышно и сухо, один за другим. Стреляли явно из малокалиберного пистолета. Официант, спешивший к Шенверу, замер на месте, словно вкопанный, и кожа вокруг его закушенных губ побелела.

Черноволосая женщина с острым носом раскрыла рот, чтобы закричать, но крик застрял у нее в горле.

Это был момент, когда ни один звук не в состоянии вырваться наружу, когда кажется, что все замерло раз и навсегда,— тот момент, который наступает сразу же после того, когда заговорило оружие.

И Молверн побежал.

Побежал, натыкаясь на людей, вскочивших со своих мест и застывших у столиков, продолжая напряженно прислушиваться. Молверн повернул на застланный ковром пандус, в конце которого двери кабины были распахнуты настежь.

За дверями Молверн увидел ноги в черных брюках. Чуть согнутые в коленях, они едва заметно скребли пол острыми носами черных туфель.

Сбросив с плеча чью-то руку, он шагнул к двери.

На краю стола, животом и щекой на белой скатерти, лежал мужчина. Его левая рука свисала чуть не до пола, а под скрюченными пальцами правой на скатерти чернел тяжелый кольт с укороченным стволом. В электрическом свете блестела круглая лысина и рядом — смазанный металл револьвера.

Ярко-красная кровь расплылась на белой скатерти, которая в данном случае являлась своеобразной промокательной бумагой.

Дьюк Тарго стоял в глубине кабины. Левой рукой он опирался на край стола. Джин Эдрин сидела рядом с ним. Тарго посмотрел на Молверна пустым взглядом,— словно впервые видел его,— протягивая на раскрытой ладони правой руки крохотный пистолет с белой рукояткой.

— Я застрелил его,— хрипло проговорил он. — Он наставил на нас револьвер, и мне ничего не оставалось.

Джин теребила в руках небольшой носовой платок. Ее напряженное и холодное лицо вовсе не казалось испуганным, только глаза стали почти темными.

— Да, я застрелил его,— повторил Тарго, бросая пистолет на скатерть. Пистолет подскочил и чуть не ударился о голову мужчины с кольтом. — Идем. Идем отсюда.

Молверн положил ладонь на шею мужчины, прощупывая сонную артерию. Пульса не было.

— Он мертв,— сказал Молверн. — Если законопослушный гражданин убивает бандита — это сенсация.

Джин смотрела на него исподлобья. Он улыбнулся ей и легонько толкнул Тарго в грудь.

— Садитесь, Тарго. Никуда вы не пойдете.

9 Зак. 1318

— Хорошо,— отозвался тот.— Это я... я застрелил его.

— Понял, понял,— кивнул Молверн.— Попробуйте расслабиться.

За его спиной уже собирались люди. Он шагнул назад, задерживая толпу в дверях, и еще раз улыбнулся Джин.

5

Фигура Бенни Сирано формировалась из двух плотно набитых мешков: большого — туловище и малого — голова. Его коротенькие ножки в лакированных туфельках то и дело елозили между тумбами темного неполированного письменного стола. В зубах он держал кончик носового платка, теребя его левой рукой, а пухлой ладонью правой все время отталкивал от себя что-то невидимое всем остальным. В связи с тем, что в зубах у него был зажат платок, его голос звучал не очень разборчиво.

— Минуточку, парни, минуточку!

В углу кабинета стоял полосатый диван, и на нем, между двумя агентами из управления полиции, сидел Дьюк Тарго. Над бровью у него расцветал синяк, русые волосы были взлохмачены, черная шелковая рубашка имела такой вид, словно кто-то ухватил ее за воротник, оторвал от земли и покрутил над головой.

У одного из полицейских, с седыми волосами, кровоточила распухшая губа. У молодого, такого же светловолосого, как и Тарго, был подбит глаз. Оба едва сдерживали злость, причем младшему это удавалось хуже, чем старшему.

Молверн сидел у стены, оседлав стул, и зачарованно смотрел на Джин Эдрин, которая примостилась рядом с ним в полосатом кресле. Она по-прежнему продолжала теребить в руках платок, то и дело вытирая им ладони. Делала она это чисто машинально, ее губы красивого рисунка при этом кривились.

Гес Найшекер стоял, прислонившись спиной к двери, и молча курил.

— Минуточку, парни,— продолжал Сирано.— Если бы вы не начали хватать его за руки, он бы не сопро-

hивлялся. Он же порядочный парень, и лучшего боксера у меня не было. С ним нужно повежливее.

Тоненькая струйка крови вытекла из уголка рта на крутой подбородок Тарго.

— Может, ты хочешь, Бенни, чтобы у этих мальчиков выросли крылышки? — холодно спросил Молверн.

— Вы до сих пор имеете удостоверение частного детектива, Молверн? — зло спросил молодой полицейский.

— Да, где-то, вероятно, валяется, — кивнул Молверн.

— Учтите, мы можем его у вас отобрать, — напомнил коп.

— Вы все можете, ваше полицейское величество. Вы, вероятно, и фанданго станцевать можете. Сразу видно, что вы на все руки мастер.

Молодой полицейский вскочил с дивана, но старший напарник остановил его:

— Не трогай ты его. Пусть еще полает. А попробует укусить — наденем намордник.

Молверн и Гес Найшекер весело переглянулись. Сирано беспомощно развел руками. Девица искоса взглянула на Молверна. Тарго сплюнул кровь себе под ноги на голубой ковер.

Кто-то толкнулся в дверь, и Найшекер отступил в сторону. В кабинет вошел Макчесни.

Лейтенант полиции Макчесни, высокий, рыжеватый мужчина лет сорока, имел очень светлые глаза и узкое лицо, с которого никогда не сходило подозрительное выражение. Он закрыл за собой дверь, повернул ключ в замке и неторопливой походкой подошел к Тарго.

— Он мертв, — кивнул лейтенант. — Одна пуля в сердце, вторая — под сердцем. Для стрельбы навскидку — удивительная кучность. Вы, случайно не увлекаетесь стрелковым спортом?

— Если уж стрелять, так наверняка, — глухо отозвался Тарго.

— Кто он — установили? — спросил у лейтенанта седой полицейский, отодвигаясь на край дивана.

Макчесни кивнул головой.

— Наемный убийца. Плант, по прозвищу Сырник. В наших краях я его уже года два не встречал. Нанюхавшись порошка, он становился невменяемым и готовым на все. Кокаинист.

Нормальный человек сюда по такому делу не пошел бы, — согласился седой полицейский.

Длинное лицо Макчесни было не столько хмурым, сколько серьезным.

— У вас есть разрешение на ношение оружия, Тарго?

— Есть. Бенни достал мне его две недели назад. Меня в последнее время часто донимали угрозами.

— Послушайте, лейтенант,— заторопился Сирано,— какие-то бездельники пытаются запугать его, требуют чтобы он сыграл в поддавки. Понимаете? Он девять встреч подряд выиграл нокаутом, поэтому они на его поражении неплохо заработали бы. Я ему уже и сам говорил, что, может быть, один раз действительно проиграть надо.

— Я и так чуть не проиграл,— хмуро пробурчал Тарго.

— Вот они и подослали к нему этого бандита,— добавил Сирано.

— Что ж, может быть, может быть... — сказал Макчесни. — Как же вам удалось опередить его, Тарго? Где у вас находился пистолет?

— В заднем кармане.

— Покажите, как вам это удалось.

Тарго правой рукой хлопнул по заднему брючному карману, выхватил из него носовой платок и выставил из-под него указательный палец, как ствол пистолета.

— А этот платок тоже находился в кармане? — спросил Макчесни. — Вместе с пистолетом?

По лицу Тарго пробежала тень. Он кивнул.

Макчесни наклонился вперед, легким движением взял из руки Тарго платок, понюхал, развернул, еще раз понюхал, свернул и положил в карман. Лицо его оставалось совершенно невозмутимым.

— А что он сказал?

— Он сказал: «Я имею к тебе поручение, пижон,— вот оно»,— и начал вытаскивать из кармана револьвер, но тот застрял, видимо, зацепившись за что-то. Я опередил его.

Макчесни чуть заметно усмехнулся и выпрямился. Смерив Тарго взглядом, он сказал:

— Так-так, чертовски удачные выстрелы для такого маленького пистолетика. Да и реакция у вас отличная, несмотря на собственный вес... А лично вам

приходилось слышать угрозы? Если да, то при каких обстоятельствах?

— Приходилось,— кивнул Тарго. — По телефону.

— Голос узнали бы?

— Похож на голос этого бандита. Хотя, утверждать не берусь.

Макчесни прошел на негнущихся ногах в другой угол кабинета, постоял какое-то время, разглядывая раскрашенную от руки спортивную фотографию. Потом, неторопливо повернувшись, направился к двери.

— Смерть такого подонка — потеря невелика,— спокойно проговорил он. — Но без формальностей нам не обойтись. Вам обоим придется поехать с нами в управление и дать показания. Поехали.

Он вышел. Полицейские вскочили с дивана. Поднялся и Дьюк Тарго. Седой полицейский сурово предупредил:

— Только давай без глупостей, парень.

— Ну, если без глупостей, то позвольте мне хотя бы умыться,— криво усмехнулся Тарго.

Они вышли. Белобрысый полисмен, пропустив вперед Джин Эдрин, повернулся к Молверну и прошипел:

— Наши дорожки еще где-нибудь пересекутся!

— Ну, от такого черта, как ты, я всегда сумею откреститься,— с преувеличенно вежливой усмешкой отозвался Молверн.

Гес Найшекер рассмеялся, закрыл дверь и подошел к столу.

— Я дрожу, как третий подбородок у Бенни,— сказал он. — Выпьем по капельке коньяку.

Он наполнил стаканы на треть, взял один себе, прошел к полосатому дивану, устроился на нем поудобнее и пригубил коньяк.

Молверн поднялся и выпил свою порцию до дна. Достал сигарету и, разминая ее между пальцами, исподлобья посмотрел на гладкое и бледное лицо Сирано.

— Сколько денег, по-твоему, перешло сегодня из рук в руки после победы Тарго? — спросил он. — Я имею в виду пари.

Сирано похлопал глазами, потер рукой пухлые губы.

— Несколько тысяч, не больше. Это же была рядовая еженедельная встреча. Все это как-то не вяжется между собой, верно?

— Если бы вязалось, то означало, что жизнь человеческая ничего не стоит в наших краях.

Сирано промолчал. Гес Найшекер допил свой коньяк и осторожно поставил пустой стакан на круглый дубовый стол возле дивана. Барабаня пальцами по столу, он устремил глаза в потолок.

Постояв еще с минуту, Молверн кивнул им обоим, пересек кабинет и вышел, прикрыв за собой дверь. По коридору, куда выходили двери артистических уборных, он прошел за кулисы, а оттуда — на сцену и спустился в зрительный зал.

В вестибюле старший официант стоял возле стеклянных дверей, разглядывая льющийся дождь и спину полицейского в униформе. Молверн прошел к пустой раздевалке, нашел свой плащ и шляпу, оделся и остановился рядом со старшим официантом.

— Вы случайно не видели парня, который приходил со мной? — спросил он.

Официант покачал головой и взялся за ключ, чтобы открыть дверь.

— У нас гостей было более четырехсот человек и триста из них бросились бежать, когда мы стали вызывать полицию.

Молверн кивнул и вышел под дождь. Полисмен в униформе скользнул по нему равнодушным взглядом. Пройдя по тротуару к тому месту, где была оставлена машина, он увидел, что там ее нет. Посмотрев вокруг, постоял несколько секунд под дождем, пожал плечами и вернулся к подъезду.

Вскоре ему посчастливилось поймать такси.

6

Пандус гаража скатывался вниз, в холод подвальных сумерек. Кузова автомобилей зловеще чернели на фоне побеленных стен, и одинокая лампочка в застекленной конторке светила тем безжизненным светом, что бывает только в морге.

Здоровенный негр в засаленном комбинезоне вышел из конторки, протер глаза, и его лицо расплылось в широкой улыбке.

— Добрый вечер, мистер Молверн. Вам сегодня, вижу, не спится?

— Когда на улице дождь, меня всегда охватывает

беспокойство,— кивнул Молверн.— Готов поспорить, что моей колымаги здесь нет.

— Точно — нет, мистер Молверн. Я все уже помыл — вашей не было.

— Я уступил ее приятелю,— беспечно проговорил Молверн.— Вероятно, он ее разбил...

Подкинув ногтем полудолларовую монету так, что она сама упала негру в ладонь, он поднялся пандусом и вышел на боковую улицу, сделал несколько шагов и очутился в переулке, куда выходила только стена «Каронделета». Напротив стояли два деревянных домика и четырехэтажное кирпичное здание, над входом которого на светящемся матовом шаре было написано «Отель Блейн».

Молверн поднялся по цеметным ступенькам и толкнул дверь. Она оказалась запертой. Он заглянул через стекло в пустой и темный вестибюль. Постояв несколько секунд, он вынул из кармана пару отмычек. Вторая сдвинула с места засов.

Войдя в вестибюль, оглядел пустую конторку с табличкой «Администратор» и звонком. Позади стола висел шкафчик с пронумерованными ячейками. Зайдя за конторку, вынул из стола регистрационную книгу в кожаном переплете. Перевернув несколько страниц, он нашел запись, сделанную юношеским почерком: «Тони Акоста», а напротив — запись другим почерком — номер комнаты.

Положив книгу на место, он пешком поднялся на четвертый этаж.

В коридоре стояла тишина. Под потолком едва светила единственная слабенькая лампочка. Из щели над предпоследними дверями слева выбивалась полоска света. На двери стоял нужный Молверну номер — 411. Он протянул руку, чтобы постучать, но тут же отдернул ее.

Дверная ручка была выпачкана чем-то, сильно похожим на кровь.

Молверн посмотрел вниз и увидел, что у порога на крашеном полу темнеет красное пятно.

Достав из кармана платок, с его помощью повернул ручку и приоткрыл дверь. Она оказалась незапертой.

Заглянув в комнату, он тихо позвал:

— Тони!.. Эй, Тони!

Не получив ответа, все еще держа в руках платок, вошел в номер и запер за собой дверь на ключ.

Номер освещала круглая люстра, подвешенная на трех бронзовых цепочках. Свет падал на застеленную кровать, темно-зеленый ковер и письменный стол из эвкалиптового дерева.

Тони Акоста сидел за столом. Голова его лежала на вытянутой левой руке. Под стулом, между ножками и ногами Тони, отсвечивала темная лужа.

Пока пересекал комнату, мышцы ног затвердели от напряжения. Подойдя к столу, толкнул в плечо Тони.

— Тони,— хрипло проговорил он. — Боже, Тони!

Парень не пошевелился. Молверн сделал еще шаг и посмотрел на него сбоку. Пропитанное кровью вафельное полотенце чернело под животом парня. Его правая ладонь упиралась в крышку стола, словно он хотел оттолкнуться и подняться на ноги. Рядом с его лицом на столе лежал надписанный каракулями конверт.

Молверн осторожно поднял его непослушными пальцами и прочел неровные строчки:

«Выследил его в Итальянском квартале Корт-стрит 28 над гаражом. Он попал в меня. Я в него, похоже, тоже. Ваша машина...».

На этом месте строчка уперлась в край конверта и расплылась кляксой. Ручка валялась на ковре. На конверте стоял кровавый отпечаток большого пальца.

Молверн бережно свернул конверт написанным внутрь и спрятал его в карман. Приподняв голову Тони, заглянул ему в лицо. Шея была еще теплой, но уже начала остывать. Бархатистые глаза Тони были раскрыты и еще сохранили хищный кошачий блеск. Эти раскрытые мертвые глаза, казалось, смотрели не только на Молверна, но на что-то еще за его спиной.

Молверн осторожно опустил голову Тони на его вытянутую левую руку, постоял какое-то время потупившись, а потом решительно вскинул голову.

Скинув плащ и пиджак, он засучил рукава рубашки, нашел еще одно полотенце, намочил его в раковине, подошел к двери, вытер полотенцем обе ручки, наклонился и вытер кровавый отпечаток по ту сторону порога.

Сполоснув и отжав полотенце, он повесил его сушиться. Старательно помыл и вытер руки. Только после этого надел пиджак и плащ. Снова вынул из кармана платок, обернув им руку, вышел из номера, за-

пер дверь на ключ и подтолкнул его обратно в номер через щель под дверью.

Когда Молверн спустился вниз и вышел из отеля, дождь все еще лил. Дойдя до угла, он окинул взглядом затененную деревьями улицу. Его машина стояла в десяти шагах от перекрестка, припаркованная по всем правилам, с выключенными фарами, с ключом в замке зажигания. Он вынул ключ, ощупал сиденье под рулем. Оно было мокрым и липким. Молверн вытер руку, поднял оконное стекло и запер дверцу, оставив машину стоять на том же месте.

Возвращаясь в «Каронделета», он не повстречал ни единой души. Частый косой дождь все еще поливал безлюдные тротуары.

7

От дверей номера 914 тянулась светлая полоска. Молверн легонько постучал пальцем в перчатке и стал ждать, время от времени поглядывая в коридор, побаиваясь встречи с каким-нибудь полуночником. Ждать ему пришлось долго. Наконец, из-за двери послышался сонный голос:

— Кто там?

— Тэд Молверн, дорогая. Мне нужно поговорить с вами. Разговор будет сугубо деловым.

Замок щелкнул, и дверь отворилась. Он увидел перед собой бледное утомленное лицо, темные глаза — не сиренево-синие, а почти черные,— и темные, как не снятый грим, круги под глазами. Маленькая сильная рука девицы нервно сжимала дверной косяк.

— Это вы,— вздохнула она.— Я так и знала, что вы придете. Что ж, вам придется погулять. Я должна сначала принять душ... От меня и на расстоянии, наверно, пахнет полицейским участком.

— Пятнадцать минут? — голос Молверна звучал небрежно, но во взгляде была требовательность.

Она нерешительно пожала плечами, а потом кивнула. Двери, закрываясь, как бы подтолкнули Молверна, и ему ничего не оставалось, как пройти к себе в номер.

Сняв шляпу и плащ, налил в стакан немного виски, прошел в ванную, долил в стакан ледяной воды из крана над умывальником.

Потягивая виски, он глядел в окно на темный бульвар. Время от времени по улице проносились автомашины — два светлых луча вдруг возникали ниоткуда, словно рождаясь из небытия.

Когда стакан опустел, Молверн разделся и принял душ. Надев все свежее, он наполнил свою фляжку и опустил во внутренний карман. Достав из чемодана тупоносый пистолет, с минуту взвешивал его на ладони, потом снова бросил в чемодан, сердито сжав губы.

Надев сухую шляпу и твидовое пальто, он вернулся к комнате с номером 914. Двери были приоткрыты — то ли зазывающе, то ли в качестве западни. Он тихо постучал, вошел, закрыл за собой дверь и прошел в гостиную.

Джин Эдрин, свежая и порозовевшая после душа, сидела на диване, накинув на темно-синюю пижаму китайский халат. Завиток мокрых волос падал на висок. Ее красивые черты поразили Молверна той утонченностью, которую юным лицам придает момент отдохновения.

— Выпьете? — спросил Молверн.

Она пожала плечами.

— Ну что ж...

Он достал стаканы, смешал в них виски с водой из-под крана и вернулся к дивану.

— Тарго они задержали?

Девица чуть заметно кивнула, разглядывая свой стакан.

— Он там снова завелся, чуть не проломил стену двумя полицейскими. Теперь они его так полюбили, что вовек не выпустят.

— Ему давно следовало бы усвоить, что с полицией шутки плохи,— сказал Молверн. — Представляю себе, что будет утром: сначала толпа репортеров, а потом — соответствующие заголовки! К примеру, такой: «Известный боксер стреляет первым! Дьюк Тарго угощает свинцом наемного убийцу!»

Девица пригубила виски.

— Я устала,— сказала она. — Давайте ближе к делу, которое привело вас сюда.

— Хорошо. — Он раскрыл свой портсигар и протянул его девице. Она молча нащупала сигарету, и тут он сказал: — Прикурив, вы объясните мне, почему вы его застрелили.

Джин Эдрин сунула сигарету в рот, склонилась над

огнем спички, затянулась и откинула голову назад. Синие огоньки снова зажглись в ее глазах, едва заметная усмешка скользнула по стиснутым губам. Она промолчала.

Молвери с минуту смотрел на нее, держа в руках стакан с виски. А потом, опустив глаза, заговорил снова:

— Это был ваш пистолет — тот самый, который я подобрал тогда в вашей прихожей. Тарго сказал, что выхватил пистолет из заднего кармана брюк. Уверяю вас — это самый медленный способ из всех возможных вариантов. А тут получается, что он успел выхватить пистолет, дважды выстрелить, да еще так удачно — в самое сердце, тогда как нападавший за все это время сумел всего лишь выхватить револьвер из наплечной кобуры. Ну кто в это поверит? А вот вы, имея сумочку на коленях, вполне могли это сделать. Бандит, которого вы сразу узнали, вероятно, не сводил глаз с Тарго.

— Я слышала, что вы — частный детектив,— глухо проговорила девица.— Ваш отец был в этом городе большим боссом. О вас вспоминали в управлении полиции. И было видно, что там побаиваются вас и ваших связей. Кто науськал вас на меня?

— Они вовсе не боятся меня, дорогая. Вели же они эти разговоры только для того, чтобы выяснить, как вы на это прореагируете, установить, не замешан ли я в этом деле и так далее. Они же не знают, вокруг чего все это закрутилось.

— Мы все им подробно объяснили.

Молверн покачал головой.

— Полиция никогда не принимает на веру то, что ей рассказывают, по крайней мере, с первого раза. Они просто привыкли, что им врут. Догадываюсь, что Макчесни понял, что стреляли вы. А теперь он имеет подтверждение экспертизы, что в кармане, где лежал носовой платок, пистолета никогда не было.

Она раздавила в пепельнице недокуренную сигарету. Порыв ветра колыхнул штору, и пепел закружился в пепельнице. Девица устало проговорила:

— Хорошо. Это я его застрелила. И не жалею — после того, что он сделал со мной.

Молверн потеребил себя за мочку уха.

— Похоже, что я взял легковесный тон,— негромко проговорил он.— Вы не знаете, что творится у меня

на душе. Случилось что-то страшное и ужасное. Вы подумали, что тот бандит решил убить Тарго?

— Конечно. Иначе я бы не стреляла.

— А мне кажется, что он хотел только еще раз постращать вашего приятеля. Точно так же, как перед этим напал на вас. Наконец, ресторан — не самое лучшее место для того, кто намерен совершить убийство и скрыться.

— Что-то я не слышала, чтобы в подобные игры пускались с кольтом сорок пятого калибра в руках,— быстро отозвалась девица. — И скрыться он сумел бы — такие, как он — умеют. Он пришел, чтобы убить, поверьте мне. Поверьте также, что я вовсе не рассчитывала на то, что Дьюк начнет меня выгораживать. Он просто выхватил пистолет у меня из рук и принялся ломать эту комедию. Никакого смысла в этом не было, поскольку все шито белыми нитками.

Она еще раз прижала пальцем продолжавший дымить окурок сигареты в пепельнице и, не поднимая глаз на Молверна, спросила шепотом:

— Это все?

Не поворачивая головы, он скосил на нее глаза, остановил взгляд на плавном изгибе ее подбородка, на четкой линии шеи и глухо проговорил:

— В этом деле замешан Шенвер. Парень, с которым я был в ресторане, следил за ним. Шенвер смертельно ранил его возле дома, где, видимо, собирается их банда. Парень умер. Он умер, дорогая, совсем еще мальчик, работал тут же, в нашем отеле. Старший посыльный Тони... Полиция еще не знает об этом.

Приглушенно хлопнули двери лифта — и в глубокой тишине коридора этот звук раскатился подобно удару грома. Из дождливой темноты бульвара донесся пронзительный вой клаксона. Девица вдруг подалась вперед и боком упала Молверну на колени. Падая, она повернулась лицом вверх. Ее закрытые веки трепетали, на нежной кожице проступали синие прожилки.

Он обхватил ее руками, сначала растерянно, машинально, а потом, опомнившись, прижал ее к себе, склонился и поцеловал в уголок рта.

Она раскрыла глаза, но взгляд был отсутствующий, бессмысленный. Молверн снова поцеловал ее, теперь уже крепко, и пересадил со своих колен на диван, спокойно спросив:

— Догадываюсь, что это была всего лишь игра?

Она вскочила на ноги, повернулась к нему спиной.

— Вы... вы ужасный человек,— со злостью, едва сдерживая слезы, проговорила она.— Вы приходите и рассказываете, что только что убили вашего знакомого. А через минуту целуете меня... Это же просто не по-людски!

Молверн беспомощно развел руками:

— Если по самые уши влюбишься в девушку, а она принадлежит другому, то поневоле станешь ужасным!

— Я не принадлежу никому! — отрубила она.— Больше того, он мне вовсе не нравится. И вы тоже!

Молверн пожал плечами. Какое-то время они молча стояли, вызывающе разглядывая друг друга, наконец, девица процедила сквозь зубы с ненавистью:

— Идите вон! Нам больше не о чем разговаривать. Мне на вас противно смотреть. Идите вон, слышите?

— Хорошо, ухожу.

Молверн надел шляпу и пальто.

Девица громко всхлипнула, стремительно прошла к окну и замерла перед ним.

Он постоял, разглядывая ее спину, потом подошел и, обращаясь к шелковистым завиткам ее волос, спросил:

— И все же, какого дьявола вы отказываетесь от моей помощи? Почему отталкиваете меня? Ведь ничего плохого я вам не сделаю.

— Убирайтесь! — со злостью выкрикнула она, глядя на штору окна.— Не нужно мне вашей помощи! Убирайтесь, и чтобы ноги вашей здесь больше не было!

— По-моему, помочь вам все же нужно,— возразил Молверн.— Хотите вы этого или нет. Похоже, что я знаю, кто этот человек на фотографии, что стоит на столе. Я знаю, что он до сих пор жив и здоров, если это действительно он.

Девица повернулась к нему лицом, которое было чуть ли не белее снега, и впилась в него глазами. Обретя, наконец, голос, она хрипло и прерывисто проговорила:

— Я пропала... Пропала. И вы ничем не сможете мне помочь.

Молверн поднял руку и провел ладонью по ее щеке и вздрагивающему подбородку. Его взгляд затвердел, хотя в уголках губ затаилась усмешка.

— Я ошибся, дорогая,— сказал он.— Мне этот человек не знаком. Спокойной ночи.

Он вышел из гостиной в прихожую и открыл дверь. Когда она скрипнула, девица потерлась лицом о зажатую в руке штору.

Молверн, открыв дверь, замер на месте, недоуменно разглядывая двух мужчин, стоявших перед дверью с пистолетами в руках. Один был полный, смуглый и хмурый. Второй — альбинос с пронзительным взглядом красных глаз. Из-под намокшей под дождем шляпы выбивались снежно-белые волосы. Незнакомец скалил мелкие острые зубы в злорадной усмешке.

Молверн хотел было закрыть за собой дверь, но альбинос запротестовал:

— Не закрывай, котик. Мы намерены войти в номер.

Толстяк сделал шаг вперед, левой рукой тщательно ощупал Молверна и, отступив назад, сказал:

— Пугача нет, но за пазухой спрятана фляжка.

Альбинос помахал пистолетом:

— Возвращайся назад, котик. Дама нам тоже будет нужна.

— Можно было обойтись и без этих штучек, Критце,— спокойно проговорил Молверн.— Я знаю тебя и знаком с твоим шефом. Если бы он сказал, что хочет поговорить со мной, я был бы рад встретиться с ним.

Повернувшись, он вошел в номер, а следом за ним и оба гангстера.

Джин Эдрин все еще стояла у окна с закрытыми глазами, прижимая к лицу штору. Похоже, она не слышала разговора в коридоре. Но, заслышав шаги в прихожей, она повернулась и раскрыла глаза. Перед ней был все тот же Молверн, а за его спиной — двое вооруженных гангстеров.

Альбинос шагнул на середину комнаты, окинул ее взглядом, заглянул в спальню, потом в ванную. Слышно было, как он открывает и закрывает двери. Ступая тихо, словно крадущийся кот, он вернулся в гостиную, расстегнул плащ и сбил на затылок шляпу.

— Одевайся, сестричка. Пройдемся под дождем. Ты же не против, не так ли?

Джин посмотрела в глаза Молверну. Тот пожал плечами, усмехнулся и развел руками.

— Ничего не поделаешь, дорогая. Подчиняйтесь.

На ее лице появилась пренебрежительная улыбка.

— Вы... вы...— Она не в силах была сказать ни сло-

ва. Стараясь ступать как можно тверже, она пересекла гостиную и скрылась в спальне.

Альбинос стиснул губами сигарету и засмеялся булькающим смехом:

— Я вижу, ты не больно-то ей нравишься, котик.

Молверн неторопливо подошел к столу, сел на его край и, уставившись в пол, вздохнул:

— Она, видимо, решила, что я ее продал.

— Может и продал, котик,— весело продолжал альбинос.

— Не спускайте с нее глаз,— предупредил Молверн.— С пистолетом в руках она любому даст фору.

Заложив руки за спину, он с безразличным видом принялся барабанить пальцами по столу и, выбрав момент, незаметно свалил кожаную рамку на стол и подсунул ее под пресс-папье.

8

Заднее сиденье было разделено обитым кожей подлокотником. Опершись на него и обхватив пальцами подбородок, Молверн смотрел сквозь запотевшее стекло. Свет автомобильных фар застревал в густой завесе дождя, и перестук капель по крыше машины походил на далекий рокот барабанов.

Джин Эдрин сидела по другую сторону подлокотника, забившись в угол. На ней была черная шляпка и серая каракулевая шубка. Она даже не смотрела на Молверна и не отзывалась на его попытки заговорить.

Вел машину толстяк, а альбинос сидел рядом. Машина мчалась безлюдными улицами мимо зданий, деревьев и ночных фонарей. Неоновые огни реклам едва просвечивались сквозь потоки дождя.

Дорога начала подниматься в гору, и в тусклом свете фонаря на перекрестке Молверн успел прочесть надпись «Корт-стрит».

— Это же Итальянский квартал, Критце,— негромко проговорил он.— Неужели твой шеф так обеднел, что переселился сюда?

Альбинос обернулся, блеснув глазами:

— Это уж не твоя забота, котик.

Машина снизила скорость перед деревянным зданием с решетчатым крыльцом и темными, неосвещенными окнами. Трафаретная надпись на кирпичной стене по другую сторону улицы уведомляла: «Похоронное бюро Паоло Перруджини».

Машина свернула на посыпанную песком подъездную аллею. Свет фар уперся в распахнутые двери гаража. Они въехали туда и остановились перед громадным блестящим катафалком.

— Вылезайте,— потребовал альбинос.

— О, да вы уже и транспорт приготовили для нашего следующего путешествия,— заметил Молверн.

— Не паясничай! — вдруг разъярился альбинос.— Тоже мне весельчак нашелся!

— Уж кто-кто, а ты бы должен ценить юмор висельника,— возразил Молверн.

Толстяк заглушил мотор, выключил фары и, вывалившись из машины, по деревянному узкому настилу прошел в угол гаража.

— Прошу и тебя пройти туда же, котик,— потребовал альбинос.— Даму пропусти вперед. Я буду сзади, и ты будешь у меня на мушке.

Даже не взглянув в сторону Молверна, Джин прошла вперед.

Лестница вела к двери. Джин нажала на ручку, толкнула дверь, и на мгновение всех ослепил яркий свет. Перед ними был чердак с покатыми низкими стенами и некрашеными стропилами, с двумя квадратными окнами в торцах, плотно прикрытыми и закрашенными черной краской. Яркая лампа без абажура висела над кухонным столом, за которым сидел тучный мужчина. Блюдце возле его локтя было полно сигаретных окурков, два из которых еще дымили.

На кровати у стены сидел костлявый губастый парень. Возле его левой руки лежал парабеллум. Меблировку дополняли несколько стульев и шкаф, пол прикрывал потертый ковер. Из-за неплотно прикрытых фанерных дверей в углу выглядывал унитаз и виднелся краешек старомодной ванны на чугунных ножках.

Внешность толстяка, который сидел за кухонным столом, симпатии не вызывала: морковного цвета волосы, более темные брови, грубое квадратное лицо с выпирающим подбородком. Грубость и наглость чувствовались уже в том, как он держал сигарету в зубах.

Его костюм стоил, вероятно, дорого, но выглядел так, словно в нем спали.

Оглядев Джин Эдрин с головы до ног, толстяк, не вынимая сигареты изо рта, процедил:

— Проходи и устраивайся, сестричка. Кого я вижу — Молверн! Вы, парни, спускайтесь вниз, только пусть Левша оставит мне свой пугач.

Джин молча прошла мимо него и села на один из стульев. Губастый парень поднялся с кровати, переложил парабеллум на кухонный стол и вместе с остальными бандитами вышел из чердачной комнаты, закрыв за собой дверь.

Толстяк придвинул к себе парабеллум, посмотрел на Молверна и насмешливо сказал:

— Меня зовут Долл Конент. Припоминаешь такого?

Молверн стоял возле кухонного стола, широко расставив ноги, держа руки в карманах, и смотрел на Конента сверху вниз полуприщуренными, какими-то заспанными, но очень холодными глазами.

— Ну, как же, — отозвался он. — С моей помощью мой отец добился, чтобы вам припаяли срок — тот единственный срок, от которого вы не смогли отвертеться.

— Добился, голубок, добился. Ты забыл, что существует апелляционный суд.

— Конечно, — равнодушно кивнул Молверн. — Но на этот раз вам это не удастся. От срока за похищение человека в нашем штате еще никто не откручивался.

Конент усмехнулся, не разжимая губ. Выражение лица его было легкомысленно-добродушным.

— Не будем пререкаться, — сказал он. — Разговор пойдет о деле серьезном и не делай вид, будто сам веришь в то, что сказал. Садись. Хотя, лучше посмотри на доказательство номер один. В ванной, за твоей спиной. Иди-иди, посмотри. А потом перейдем к делу.

Молверн повернулся, прошел к полуоткрытым фанерным дверям и толкнул их. Из патрона в стене торчала лампочка. Он нажал на выключатель под лампочкой и склонился над ванной.

На какой-то миг у него перехватило дух. Медленно выпустив воздух из легких, он левой рукой нащупал позади себя дверь и дернул ее. Дверь закрылась, и он еще ниже склонился над чугунной ванной.

Длина ванны была такой, что в ней свободно мог вытянуться во весь рост даже рослый мужчина. В данном случае в ней лежал навытяжку мужчина лицом

10 Зак. 1316

вверх в костюме, пальто и шляпе, хотя было видно, что шляпу на голову ему натянул кто-то посторонний. Из-под шляпы выбивались каштановые с проседью волосы. Все лицо было залито кровью, а около внутреннего уголка глаза темнела круглая дырка.

Это был Шенвер. А точнее, уже затвердевший труп Шенвера.

Молверн глотнул воздуха, медленно разогнулся, но тут же наклонился снова, еще ниже, и заглянул в промежуток между ванной и стеной. Что-то отсвечивало там металлическим блеском.

Молверн закусил губу. Это был вороненый револьвер, тот самый, что был у Шенвера.

Молверн внимательно осмотрелся. За неплотно притворенными дверьми ему был виден уголок чердака, выход на лестницу, одна нога Долла Конента на ковре под кухонным столом. Он осторожно запустил руку за край ванны и вытащил из щели револьвер. В барабане было четыре неиспользованных патрона.

Молверн расстегнул пальто, сунул револьвер за пояс брюк, потуже затянул ремень и снова застегнул пальто. Только после этого он вышел из ванной и осторожно притворил за собой дверь.

Долл Конент кивнул на стул перед своим столом:

— Садись.

Молверн бросил взгляд на Джин Эдрин. Она смотрела на него с каким-то отчужденным интересом. Под черной шляпкой ее глаза казались тоже черными на белом, словно мраморном лице.

Он развел руками, вяло усмехнулся и сказал:

— Там лежит мистер Шенвер, дорогая. С ним приключился несчастный случай. Он мертв.

В первый момент выражение ее лица нисколько не изменилось. Но потом она вдруг вздрогнула всем телом и снова уставилась на него широко распахнутыми глазами. Только и после этого она не вымолвила ни слова.

Молверн опустился на стул напротив Конента.

Конент повел на него глазами, бросил еще один окурок в кучу на белом блюдце и закурил новую сигарету, чиркнув спичкой от края до края кухонного стола.

Выпустив в потолок дым, он спокойно сказал:

— Итак, он мертв. А застрелил его ты.

Молверн едва заметно покачал головой, усмехаясь:

— Нет, не я.

— Не нужно округлять глаза, дружище. Застрелил

...о ты. Чтобы ты знал, этот дом принадлежит Перру-джини, итальянцу, похоронных дел мастеру, что живет через улицу. Время от времени он сдает его за наличные надежным парням. Кстати, он мой давний приятель и знает всю здешнюю шатию-братию. На этот раз он сдавал это здание Шенверу. До этого они не были знакомы, но за Шенвера поручились свои люди. И вот сегодня вечером Перруджини услышал стрельбу, выглянул в окно и увидел, что отъезжает чья-то машина. Он успел записать номер. Это была твоя машина.

Молверн снова покачал головой.

— Но застрелил его не я, Конент.

— А ты попробуй доказать... Перруджини выскочил из дома и увидел на ступеньках лестницы мертвого Шенвера. Он затащил его сюда и уложил в ванну. Почему — не знаю. Похоже, ему пришло в голову, что так будет меньше крови. Естественно, он обыскал Шенвера, обнаружил полицейскую карточку, удостоверение частного детектива и запаниковал. После этого он позвонил мне. Узнав, о ком идет речь, я примчался сюда.

Конент замолк, не сводя изучающего взгляда с Молверна. Тот спокойно спросил:

— Вы слышали, что сегодня произошло у Сирано?

Конент кивнул.

— Я был там с одним своим приятелем, — продолжал Молверн, — парнишкой, что служит в моем отеле. Перед тем, как там открылась стрельба, этот Шенвер затеял со мной драку. Парень решил выследить его. Возле этого дома у них завязалась перестрелка. Шенвер был пьян и напуган, могу поспорить, что он первый открыл стрельбу. Я даже и не подозревал, что у парнишки есть пистолет. Шенвер ранил его в живот. Но парень все же добрался до дома и там умер, оставив мне записку. Эта записка у меня.

Помолчав, Конент сказал:

— Нет, Шенвера убил ты. Или нанял для этой цели того парня. И я скажу тебе, почему. Шенвер решил повести двойную игру и нагреть на этом руки. Он продал вас, рассказав Кортуэю, кто его шантажирует.

Молверн даже вздрогнул от удивления и, резко повернувшись, кинул взгляд на Джин Эдрин. Девица покраснела, ее глаза сияли.

— Извини... дорогой... я напрасно подозревала тебя, — прошептала она.

10*

Молверн чуть заметно усмехнулся, повернулся к Конету и объяснил:

— Она считала, что это я продал их. А кто такой этот Кортуэй? Ваш покровитель, сенатор штата?

Лицо Конента заметно побледнело. Он очень осторожно положил сигарету на блюдце, перегнулся через стол и ударил Молверна кулаком в зубы. Тот опрокинулся навзничь вместе с колченогим стулом и ударился затылком об пол.

Джин Эдрин вскочила, скрипнула зубами, но так и осталась стоять.

Молверн перекатился на бок, поднялся, поставил стул, вынул из кармана платок, прижал к губам и проверил не идет ли кровь.

На лестнице послышались шаги, и в дверях появилась голова альбиноса и его рука с пистолетом.

— Помочь тебе, босс?

Конент ответил, не поворачивая головы в его сторону:

— Исчезни и закрой дверь!

Дверь захлопнулась. Шаги альбиноса затихли внизу. Молверн положил руку на спинку стула и покачал его на задних ножках. В правой руке он все еще продолжал держать носовой платок. Его губы распухали на глазах и темнели. Прищуренным взглядом он смотрел на парабеллум, лежавший возле локтя Конента.

Конент взял с блюдечка сигарету и сунул в зубы.

— Может, ты думаешь, что я решил урвать куш, примкнув к вашей банде? Нет, братец, наоборот. Я всю вашу банду в порошок сотру. Я вам покажу — шантаж! Развязывай язык и не тяни резину, а то те парни внизу засиделись, только и ждут моего сигнала. Рассказывай все, как на исповеди!

— Так-так, — протянул Молверн. — Значит, те трое парней — внизу, а мы с вами — здесь. — Он спрятал платок во внутренний карман пальто, а когда вынул руку, то в ней тускло блеснул вороненый револьвер. — Возьми парабеллум за ствол, — приказал он, — и подтолкни сюда, к краю стола.

Конент замер. Его глаза превратились в щелки, сигарета намертво зажалась в стиснутых зубах. Но до парабеллума он даже не дотронулся.

— Уверен, ты догадываешься, что тебе за это будет, — проговорил он наконец.

Молверн покачал головой.

— А мне, представь себе, плевать. Ну, а если что-то и будет, то вы об этом никогда не узнаете.

Конент, опасаясь шевельнуться, продолжал смотреть на него, переводя взгляд с лица на черный зрачок вороненого револьвера.

— Откуда он у тебя? Неужели те ублюдки тебя не обыскали?

— Обыскали. Только это револьвер Шенвера. Твой приятель — итальянец, наверное, бросил его за ванну. Может быть, спрятал зачем-то?

Двумя толстыми пальцами Конент повернул парабеллум стволом к себе и толкнул через стол. Вздохнув, он кивнул головой и сказал:

— Так, эту партию я проиграл. Сам виноват — не догадался лично проверить. Что ж, теперь твой ход.

Джин Эдрин шагнула к столу. Молверн поспешил взять парабеллум левой рукой и опустить в карман пальто. Правую руку с револьвером он положил на спинку стула.

— Кто этот человек? — спросила Джин Эдрин.

— Долл Конент, босс здешних гангстеров. Сенатор Джон Маерсон Кортуэй — его рука в сенате штата. А сенатор Кортуэй — это тот самый человек, дорогая, который изображен на фотографии, которая стоит на твоем столике. Человек, о котором ты сказала, что он твой отец и уже давно умер.

— Он на самом деле мой отец, — тихо проговорила Джин. — И я знала, что он жив. Я шантажирую его — намерена получить сто тысяч. То есть, до сих пор мы шантажировали его втроем: я, Тарго и Шенвер. Он не состоял в браке с моей матерью, поэтому я незаконнорожденная. И все же я его дочь. Я имею определенные права, но он их не признает. С моей матерью он обошелся ужасно, оставив ее без цента в кармане. Последние несколько лет он нанимал детективов, чтобы следить за мной. Шенвер был когда-то одним из них. Когда я приехала сюда и познакомилась с Тарго, Шенвер узнал меня. Съездив в Сан-Франциско, он снял копию с моей метрики. Вот она.

Она рывком раскрыла сумочку, пошарила в ней, дернула замок-змейку в подкладке и вынула свернутую бумажку, которую швырнула на стол.

Конент заглянул ей в глаза, взял бумагу, развернул и внимательно прочитал.

— Какое же это доказательство? — медленно проговорил он.

Молверн вынул из кармана левую руку. Конент подтолкнул к нему документ.

Это была нотариальная копия метрики. В ней свидетельствовалось рождение Адрианы Джанны Маерсон, родителями которой были Джон и Антонина Джанна Маерсон. Молверн положил документ на стол.

— Все ясно, — сказал он. — Адриана Джанна — Джин Эдрин. Уверен, по этому поводу и поднялся переполох, а, Конент?

Конент кивнул головой.

— Шенвера одолел страх. Он кинулся к Кортуэю и все ему рассказал. Только после этого стал бояться еще больше. Поэтому и арендовал себе этот тайник. Я думал, что его пришили за предательство. Тарго не мог убить его, потому что до сих пор находится в полиции. Что ж, может, в отношении тебя я ошибался, Молверн.

Молверн молча смотрел на него из-под насупленных бровей.

— Во всем виновата только я, одна я, — заволновалась Джин Эдрин, — и вот чем все это обернулось. Знаете что? Я согласна пойти к этому Кортуэю, извиниться и пообещать, что оставлю его в покое отныне и навсегда. Пусть только он пообещает не трогать Дюка Тарго. Разрешите мне пойти на это!

— Делай все, что тебе захочется, дорогая, — кивнул Молверн. — Два моих пистолета предоставляют тебе это право. Но почему ты так долго ждала? Почему не обратилась в суд? Тебе, актрисе, процесс принес бы отличную рекламу, даже если бы выиграл его Кортуэй.

Покусав нижнюю губу, Джин тихо проговорила:

— Моя мать не знала, чем он занимается, не знала даже его фамилии. Для нее он был только Джон Маерсон. И я не знала, пока не приехала сюда и не увидела его фотографию в газете. Он изменился, но я узнала его. Да к тому же еще и имя — Джон Маерсон...

Конент насмешливо улыбнулся.

— Ты не пошла против него в открытую, ибо отлично знала, что не он твой отец. Твоя мать просто науськала тебя на него. Каждая шлюшка придумывает что-нибудь подобное, когда остается на бобах. Кортуэй утверждает, что докажет свою непричастность и привлечет тебя к ответственности за ложные показания. И по-

верь мне, малышка, этот пройдоха слов на ветер не бросает: он даже согласен поставить крест на своей политической карьере, лишь бы доказать, что не виновен в этом скандале двадцатилетней давности. — Конент со злостью выплюнул окурок и продолжил: — Я выбросил черт знает сколько денег, чтобы пропихнуть его в сенат, и мне нужно, чтобы он там остался. Только поэтому я и взялся за это дело. Ты не думай, красотка, что тебе удастся отделаться легким испугом. Если уж я берусь за метлу, то подметаю добросовестно. Ты у меня вылетишь из нашего штата с такой скоростью, что приземлишься где-то на Аляске. Что же касается твоего приятеля с двумя пугачами — может, он и на самом деле не знал ничего, но теперь знает, и выходит, что он с вами в одной упряжке.

Конент стукнул кулаком по столу и откинулся назад, спокойно посматривая на револьвер в руке Молверна.

Тот заглянул ему в глаза и тихо спросил:

— А тот бандит в ресторане — не был ли он твоей метлой, Конент?

Конент осклабился и покачал головой.

Дверь с лестницы беззвучно отворилась. Молверн не видел этого, разглядывая Конента, но Джин заметила, отпрянула назад и испуганно вскрикнула. Молверн удивленно повернулся в ее сторону.

Альбинос неслышно переступил порог комнаты с пистолетом в руке. Глаза его блестели, а губы растягивались в хищной усмешке.

— Эти двери тонкие, босс, вот я и решил послушать... Не сердитесь! Кидай свой пугач, котик, пока я не превратил вас обоих в решето.

Молверн полуобернулся, разжал пальцы, и вороненый револьвер упал на потертый ковер. Пожав плечами, избегая взгляда Джин, он широко развел руки.

Альбинос отошел от двери, осторожно подкрался к Молверну и ткнул ему в спину свой пистолет.

Конент поднялся, обошел стол, вытащил парабеллум из кармана Молверна и, не говоря ни слова, не меняя выражения лица, с размаху ударил Молверна рукоятью в челюсть.

Молверн пьяно покачался и боком свалился на пол.

Джин Эдрин заверещала и вцепилась ногтями в лицо Конента. Тот оттолкнул ее, переложил парабеллум в левую руку и правой закатил ей звонкую оплеуху.

— Цыц, красотка!

Альбинос вышел на лестничную площадку и что-то крикнул вниз. Двое его подручных поднялись на чердак и остановились, улыбаясь, возле дверей.

Молверн неподвижно лежал на полу. Подождав немного, Конент закурил очередную сигарету и постучал согнутым пальцем по копии метрики, лежавшей на столе.

— Она хочет встретиться со стариком,— сказал он хмуро.— Что ж, устроим ей эту встречу. Да и сами заодно с ним встретимся. Что-то в этом деле все же не совсем чисто.— Он остановил взгляд на толстяке.— Бери Левшу и отправляйся в полицию. Забери оттуда Тарго и сразу же доставь к старику. Не тяни время: одна нога тут — другая там.

Двое гангстеров спустились вниз.

Конент встал над Молверном, слегка пнул его ногой под ребра, потом еще раз, еще... пока тот не шевельнулся и не раскрыл глаза.

9

Машина остановилась на вершине холма перед решетчатыми, чугунными воротами, за которыми виднелась сторожка. Двери сторожки отворились и на пороге, вырисовываясь в желтоватом свете электрической лампочки, появилась темная фигура здоровяка в плаще и низко надвинутой на глаза шляпе. Держа руки в карманах, он медленно под дождем зашагал к воротам.

Пока он приближался, разбрызгивая ногами лужи, альбинос стоял, привалившись плечом к ограде.

— Что тебе нужно? — спросил здоровяк.

— Пошевеливайся, котик! Мистер Конент хочет переговорить с твоим боссом.

Охранник смачно плюнул в мокрую темноту.

— А еще чего ему хочется? Тебе известно, который сейчас час?

Конент резко открыл дверцу машины и шагнул к воротам. Дождь пошел еще сильнее, и за его шумом трудно было разобрать голоса.

Молверн медленно повернул голову и похлопал по руке Джин. Она оттолкнула его руку, прошептав:

— Ох, и болван же ты...

— А я не жалею, дорогая. Честное слово, не жалею!

Охранник достал ключи на длинной цепочке, отомкнул ворота и раскрыл их до упора. Конент с альбиносом вернулись к машине.

Конент поставил ногу на ступеньку, оставаясь под дождем. Молверн вынул из кармана свою заветную фляжку, ощупал ее, проверяя, не прибавилось ли на ней новых вмятин, открутил крышку и протянул фляжку Джин.

— Выпей, это придаст тебе смелости.

Она не ответила, даже не повешелилась. Молверн сделал глоток, убрал фляжку и стал смотреть на мокрые деревья сада, на гроздь освещенных окон, словно повисших в небе за широким плечом Конента.

Какая-то машина приближалась к ним снизу, разрезая дождливую темень кинжалами фар. Подъехав к их лимузину, машина остановилась. Конент шагнул к ней, сунул голову в окно и что-то сказал. Машина дала задний ход, выехала на подъездную аллею, свет ее фар скользнул по стене, тут же пропал, а потом снова появился перед домом, освещая двумя овалами мокрый портал.

Конент сел в лимузин, альбинос вырулил на аллею и тоже подъехал к особняку. На круглой, обсаженной кипарисами, цементированной стоянке все вышли из машин.

Высокие входные двери были распахнуты, на пороге стоял мужчина в купальном халате. Тарго с двумя гангстерами по бокам, которые держали его за руки, первым шагнул на ступеньки лестницы. Он был без шляпы и пальто, только в своем светлом костюме. По сравнению с гангстерами, Тарго выглядел настоящим великаном.

Остальная группа прибывших тоже поднялась по ступенькам и следом за дворецким прошла через холл, стены которого были увешаны портретами чьих-то предков, потом миновала пышно декорированный овальный зал, потом еще один холл и добралась до обшитого панелями кабинета со спрятанными светильниками, тяжелыми шторами на окнах и глубокими кожаными креслами.

За обширным темным письменным столом в нише, обставленной книжными шкафами, стоял на удивление худой мужчина. У него были густые седые волосы, морщинистое лицо с узкими и недовольно сжатыми губами и тусклыми черными глазами. Он немного сутулился,

и голубой вельветовый халат с шелковыми отворотами только подчеркивал его удивительную худобу.

Дворецкий закрыл двери, но Конент толкнул их и подбородком показал на них двум гангстерам, которые привели Тарго.

Те молча вышли. Альбинос зашел боксеру за спину и, нажав на плечи, усадил его в кресло. Одна щека у Тарго была испачкана, а глаза были какими-то остекленевшими, как у человека, наглотавшегося снотворного.

Джин подбежала к нему и выкрикнула:

— Ой, Дьюк, да что они с тобой сделали?!

Тарго повел на нее глазом и криво усмехнулся.

— Выдала нас, шкура? За меня можешь не беспокоиться. — Говорил он явно через силу, необычным для него голосом.

Джин отошла от него, села и обхватила себя руками за плечи, словно ей вдруг стало холодно.

Кортуэй обвел всех неприязненным взглядом и бесцветным голосом спросил:

— Насколько я понимаю, это — шантажисты, но зачем было привозить их сюда среди ночи?

Конент скинул плащ и бросил его на пол за торшером. Закурив сигарету, он вышел на середину комнаты и остановился, широко расставив ноги. Он и тут оставался самим собой — самоуверенным, властным, наглым гангстерским боссом.

— Девчонка сама захотела встретиться с вами, чтобы попросить прощения и дать обещание больше не делать глупостей. А пижон в пиджаке цвета грязного снега — это Тарго, боксер. Он устроил фейерверк в ночном ресторане, а потом поднял бучу в полиции. Там его напичкали снотворным, чтобы успокоился. Ну, а это — Тэд Молвери, сын старого Маркуса. Что он из себя представляет, я еще не понял.

— Я частный детектив, сенатор, — холодно объяснил Молвери. — И представляю здесь интересы своей клиентки, мисс Эдрин.

Джин коротко взглянула на него и тут же опустила глаза.

Конент продолжал:

— Известного вам Шенвера кто-то отправил на тот свет. Без нашего участия. Это дело мы еще выясним.

Сенатор кивнул, сел за стол и, взяв в руки белое гусиное перо, почесал им за ухом.

— А как бы вы поступили на моем месте с этой

компанией, Конент? — спросил он дребезжащим голосом.

Конент пожал плечами.

— Вообще-то я нянчиться не привык, но в данном случае я пошел бы законным путем. Поговорил бы с окружным прокурором, добился, чтобы их взяли под стражу по подозрению в шантаже. Придумал бы какую-нибудь историю для газет, потом подождал пока шум поутихнет, после чего вытурил бы этих бездельников за пределы штата, предупредив: попробуете еще раз — сотру в порошок.

Сенатор почесал пером за другим ухом и ледяным голосом объяснил:

— Для них расстояние — не помеха, они могут снова прицепиться ко мне. Нет, если уж делать все по закону, то нужно обратиться в суд. Пусть им дадут срок и отправят, куда следует. Эту банду следует уничтожить раз и навсегда.

— Вы не можете судиться с ними, Кортуэй. Это поставит крест на вашей политической карьере.

— К черту карьеру, Конент. Я с удовольствием пошел бы на отдых. — Губы сенатора скривились в усмешке.

— Дудки! — выкрикнул Конент. Обернувшись, он приказал: — Подойди-ка сюда, красотка.

Джин Эдрин поднялась, медленно пересекла комнату и остановилась перед столом.

— Вы узнаете ее? — прохрипел Конент.

Какое-то время Кортуэй молча всматривался в напряженное лицо девушки. Потом положил перо на стол, выдвинул ящик стола и достал из него какую-то фотографию. Переводя взгляд с фотографии на девушку, а с нее — снова на фотографию, он пробормотал:

— Эта фотография была сделана много лет тому назад, но сходство есть. Я бы не колеблясь сказал, что это одно и то же лицо.

Он бросил фотографию на стол и таким же небрежным жестом вынул из ящика пистолет, опустил его на стол рядом с фотографией.

Увидев пистолет, Конент скривился и хрипло сказал:

— Зачем он вам, сенатор? Послушайте, ваша затея с судом — чистый бред. Я заставлю этих бездельников написать подробное признание, и если они снова возьмутся за свое, тогда мы их накажем по-настоящему.

Улыбающийся Молверн подошел к письменному столу.

— Позвольте мне взглянуть, — сказал он и, наклонившись, взял фотографию.

Сухая рука Кортуэя схватилась было за рукоятку пистолета, но тут же выпустила ее. Откинувшись на спинку стула, Кортуэй уперся испытующим взглядом в Молверна.

А Молверн внимательно вглядывался в фотографию и через минуту негромко сказал Джин:

— Сядь на место.

Джин вернулась к своему креслу и со вздохом опустилась в него. Молверн заговорил снова:

— Мне нравится ваша идея в отношении судебного процесса, сенатор. В своей основе она логична, а осуществление ее было бы новым словом в практике мистера Конента. Но, к сожалению, осуществить ее невозможно. — Он постучал ногтем по фотографии. — Сходство между этим портретом и мисс Эдрин только поверхностное. Лично я считаю, что на фотографии изображена другая девушка. Ее уши имеют другую форму и расположены ниже. Расстояние между глазами меньше, нежели у мисс Эдрин, линия подбородка более длинная. Известно, что эти индивидуальные особенности внешности с годами не меняются. Так что же у вас остается? Письмо, в котором от вас требуют деньги? Но вы же не можете конкретно указать пальцем на человека, который писал письмо, иначе давно бы обратились в суд. Имя девушки? Случайное совпадение. Так что же остается?

Лицо Конента было невозмутимо, но голос сорвался, когда он спросил:

— А что ты скажешь о копии метрики, которую эта красотка достала из своей сумочки?

Молверн слегка усмехнулся, потер щеку кончиками пальцев.

— Разве она получила эту копию не от Шенвера? Я считаю, что от него. А Шенвер уже на том свете.

Конент скрипнул зубами. Сжав кулаки, он шагнул к Молверну.

— Ах, ты, сукин сын...

Джин Эдрин, подавшись вперед, с удивлением смотрела на Молверна. Тарго тоже вытаращил на него свои мутноватые глаза, презрительно улыбаясь. Кортуэй при-

шел к Молверну взглядом, хотя лицо оставалось по-прежнему холодным и спокойно-отчужденным.

Конент вдруг громко расхохотался и хлопнул в ладоши.

— Ладно! Давай дальше!

— Ну что ж, — все так же спокойно продолжал Молверн. — Я назову вам еще одну причину, которая препятствует судебному процессу. Это — выстрелы в ресторане Сирано. А до этого — угрозы с вымогательством, чтобы Тарго проиграл какую-то вовсе второстепенную встречу по боксу. А еще раньше — нападение на мисс Эдрин в отеле, когда бандит оглушил ее и бросил на пороге номера. Раскиньте мозгами, Конент! Неужели вы не можете связать все это в одно целое? Я уже связал.

Кортуэй вдруг подался вперед, положил руку на рукоятку пистолета и стиснул пальцы. Его черные глаза превратились в две круглые дырки на бледном застывшем лице.

Конент ни словом, ни жестом не показал своего отношения к услышанному. Молверн продолжал:

— Почему Тарго угрожали расправой, и почему после того, как он все же выиграл бой, наемный убийца пришел к нему в ночной ресторан, место, явно непригодное для подобного акта? Потому что в том ресторане Тарго был со своей девушкой, потому что Сирано, владелец этого ресторана, протежирует ему. То есть: если бы в ресторане что-нибудь случилось, полиции прожужжали бы все уши этой историей с угрозами — и следствие пошло бы неверным путем. Теперь вам ясно? Те угрозы должны были служить оправданием убийства. Убийца получил приказ стрелять, когда Тарго с девушкой будут вместе. Убийца должен был застрелить девушку, но выглядеть это должно было так, как будто он охотился только за Тарго. Конечно, Тарго он мог тоже застрелить, но первой должна была умереть девушка. Ибо в этом шантаже, в этой бомбе замедленного действия, динамитом была она. Без нее шантаж превратился бы в мыльный пузырь, а живая мисс Эдрин была бы для вас вечной угрозой вымогательства и скандального судебного процесса. Вы знали про нее и Тарго, так как Шенвер испугался и продал их. Шенвер знал о наемном убийце и о том, что мне знакомо его лицо, поскольку слышал, как я расспрашивал о нем Тарго. Поэтому, когда убийца появился в ресторане, и

я увидел его, Шенвер поспешил затеять со мной пьяную драку, чтобы не дать мне возможности остановить его.

Молверн замолчал и снова тронул кончиками пальцев щеку, продолжая следить за Конентом из-под насупленных бровей.

Конент отозвался нехотя, совершенно охрипшим голосом:

— Это не моих рук дело, приятель. Хочешь верь, хочешь нет — не моих.

— Слушайте дальше, — продолжал Молверн. — Тот бандит мог убить девушку еще в отеле. Но он не убил ее, поскольку Тарго в тот момент рядом не было, да и бой на ринге еще не состоялся, поэтому все намеченные способы сбить полицию со следа пошли бы коту под хвост. Бандит пришел в отель только для того, чтобы посмотреть, как мисс Эдрин выглядит без грима. Но она, чем-то напуганная, встретила его с пистолетом в руке. Поэтому он всего лишь оглушил ее и сбежал. А приходил он только для того, чтобы посмотреть.

— Это не моих рук дело, приятель, — повторил Конент.

Вынув из кармана парабеллум, он держал его в опущенной руке стволом вниз.

Молверн пожал плечами.

— Значит, не ваших. — Он повернулся и впился взглядом в сенатора Кортуэя. — Это дело его рук. Только он был заинтересован в убийстве девушки. И он же подумал о том, как отвести подозрение от себя. Он договорился с Шенвером: в том случае, если бы что-то пошло не по плану, Шенвер мог сбежать, а отвечать перед законом пришлось бы тому, против кого свидетельствовали все доказательства — всемогущему боссу Доллу Коненту.

Кортуэй криво усмехнулся и сказал вовсе безжизненным тоном:

— У этого парня богатая фантазия, но он же...

Тарго поднялся и заговорил, едва шевеля непослушными губами:

— А, по-моему, это правда, мистер Кортуэй, и за ваши дела я сейчас сверну вам шею.

— А ну, сядь, пижон! — приказал альбинос и наставил на Тарго пистолет.

Тарго чуть повернулся и врезал альбиносу кулаком в челюсть. Тот отлетел назад, ударился головой о стену. пистолет выпал из его руки и скользнул по полу.

Тарго ринулся через комнату.

Конент искоса следил за ним, но не тронулся с места. Тарго по дороге чуть не задел его, на лице Конента не дрогнул ни один мускул. Оно словно окаменело — только превратившиеся в щелки глаза сверкали из-под нахмуренных бровей.

Когда Тарго был уже в одном шаге от стола, Кортуэй поднял пистолет, побелевшими пальцами нажал на спусковой крючок и выстрелил.

Молверн кинулся через комнату и прикрыл собой Джин Эдрин — закрыл от всех, кто находился в кабинете.

Тарго посмотрел на свои ладони. Рот его скривила бессмысленная улыбка. Он опустился на пол и прижал обе руки к груди.

Кортуэй снова поднял пистолет, но тут заговорил парабеллум Конента. Прогремели два выстрела, и руку сенатора залила кровь. Его пистолет упал под стол. Он наклонился, чтобы поднять оружие. Его длинное тело согнулось в дугу, над столом возвышался только его острый хребет.

— Встань и получи свое, продажная тварь! — выкрикнул Конент.

Под столом прогремел выстрел. Спина Кортуэя пропала из виду.

Конент обошел стол, наклонился и тут же выпрямился.

— Он выстрелил себе в рот, — спокойно констатировал он. — Вот и нет у меня больше чистой и честной руки в сенате...

Тарго завалился набок и замер на полу.

Двери кабинета распахнулись. Взлохмаченный дворецкий заглянул с порога, разинул рот, но, увидев пистолет в руке Конента, тело Тарго на полу, так и не проронил ни слова.

Альбинос поднялся на ноги, пощупал челюсть, проверил зубы, покачал головой. Держась за стенку, добрался до своего пистолета и поднял его.

— Хорошо же ты меня охраняешь! — ощерился на него Конент. — А ну, садись на телефон. Вызови из управления полиции старшего ночного капитана Меллоя — пусть немедленно приезжает сюда.

Молверн обернулся, протянул руку, приподнял холодный подбородок Джин Эдрин.

— Уже рассветает, дорогая. Да и дождь, похоже, перестал, — неторопливо проговорил он, вытягивая из кармана свою неразлучную фляжку. — Выпей. Выпей за упокой души мистера Тарго.

Девушка покачала головой и закрыла лицо руками. Прошло порядочно времени прежде, чем послышался вой полицейской сирены.

10

Худенький, измученный на вид парнишка в голубой униформе с серебряными галунами и пуговицами придержал двери лифта рукой в белой перчатке и сказал:

— Сменщик уже поправляется, но на работу еще не вышел, мистер Молверн. Старший посыльный Тони тоже еще не появлялся. Одни вкалывают, а другие вылеживаются.

Молверн отозвался из угла кабины, где стоял рядом с Джин.

— Это ты так считаешь.

Парнишка покраснел. Молверн похлопал его по плечу.

— Не обижайся на меня, сынок. Я целую ночь не спал — навещал больного приятеля. Вот держи, купишь себе чего-нибудь на завтрак.

— Да что вы, мистер Молверн, я же не хотел...

Двери открылись на девятом этаже. Молверн и девушка прошли до номера 914. Молверн взял из ее рук ключ, отпер двери, открыл их, вставил ключ с обратной стороны и сказал:

— Ложись спать и не просыпайся до вечера. Вот, возьми мою фляжку, глотни на сон грядущий. Он будет крепче.

Девица прошла в номер и бросила через плечо:

— Я не хочу виски. Зайди на минутку. Я тебе расскажу кое-что.

Он вошел, закрыл за собой дверь. Светящийся прямоугольник солнечного света лежал на ковре, захватывая уголок дивана. Молверн закурил сигарету, разглядывая рисунок ковра.

Джин Эдрин села, сняла шляпку, взъерошила волосы. После минутного молчания сказала, словно взвешивая каждое слово:

— Я очень благодарна тебе за все, что ты для меня сделал. Но я не понимаю, зачем тебе все это.

— Я мог бы назвать несколько причин, — отозвался Молверн, — но так или этак — Тарго погиб, и я, в какой-то мере, виновен в его смерти. И все же, если подумать, то я не просил его нападать на Кортуэя с целью открутить ему голову.

— Ты, конечно, считаешь себя героем, — продолжала девица, — но на самом-то деле ты просто идиот, готовый лезть на рожон ради первой встречной босячки, попавшей в неприятную историю. Забудь обо всем этом. Забудь Тарго, забудь меня. Ни он, ни я не заслужили твоего внимания. Я хочу сказать тебе об этом сейчас, поскольку уеду отсюда, как только получу разрешение. Собственно, я прощаюсь с тобой, больше мы не увидимся.

Молверн кивнул, продолжая рассматривать солнечный прямоугольник. Джин продолжала:

— О таких вещах говорить нелегко. Я вовсе не ищу сочувствия, называя себя босячкой. Я задыхалась во стольких ночлежках, раздевалась во стольких ночных забегаловках, так часто ходила голодной, так часто врала людям, что иначе меня и не назовешь. Поэтому-то я и хочу, чтобы ты не связывался со мной.

— А знаешь, тебя приятно слушать, — усмехнулся Молверн. — Продолжай дальше.

Она бросила на него испытующий взгляд, но тут же снова опустила глаза.

— Как ты уже и сам догадался, никакая я не Джанни. Но мы с Джанни были приятельницами, выступали в одном номере — «сестры-близнецы», когда еще модно было изображать сестер-близнецов. Мы переиначили ее имя, поделили его на двоих: Ада и Джин Эдрин. Конечно же, все кончилось тем, что наш номер освистали. Тогда мы прибились к странствующей труппе. Но в Новом Орлеане труппа распалась. Для Ады это была последняя соломинка. Она отравилась снотворным. Я оставила себе ее фотографии, потому что она рассказала мне все о своей жизни. Разглядывая фотографию того худосочного пижона с холодными глазами, пробовала представить, как он бросил ее на произвол судьбы, и с каждым разом все больше и больше ненавидела его. Ада была его дочерью — это точно, можешь не сомневаться. Я даже писала ему, просила помочь ей, хоть немножко помочь, и подписывала письма ее именем.

11 Зак. 1316

Но он ни разу не ответил. И вот когда она отрава... [illegible] ...за нее
[illegible] заметила, что сцепив пальцы.

— Страус познакомил меня с Тарго, — немного помолчав, продолжала она. — А Тарго — с Шенвером. Шенвер узнал фотографии. В Сан-Франциско он был когда-то агентом сыскного бюро, которое по контракту с Кортуэсм следило за Адой. Ну, а что было дальше — ты знаешь...

— Отлично! — воскликнул Молвери. — Заслушаться можно! Меня только удивляет, почему ты вспомнила о благородных мотивах только теперь, а не раньше. Неужели ты хочешь убедить меня, что делала все это не ради денег?

— Нет, от денег я бы тоже не отказалась. Но дело было не только в деньгах. Говорю же тебе: я — обыкновенная шалава и босячка.

Чуть заметно усмехаясь, Молвери сказал:

— Да что тебе известно о шалавах и босячках? Да и вообще о преступниках, дорогая? Ты всего один раз попробовала обмануть закон и тут же попалась. А если бы и не попалась, то те деньги все равно не принесли бы тебе счастья. Это были грязные деньги, а они счастья не приносят. Уж поверь мне — я знаю.

Она удивленно, недоверчиво посмотрела на него. Он пощупал щеку, болезненно поморщился и продолжал:

— Я знаю, потому что сам живу за счет грязных денег. Мой отец разбогател на строительных махинациях. Кроме того, он брал взятки и не брезговал прибылью от тотализатора и ночных клубов для свиданий. Вся его политическая деятельность была только способом для обогащения. Ради денег он не останавливался ни перед чем. А когда его богатство разрослось настолько, что ему оставалось только сидеть и дивиться на него, старик взял и умер. Но и мне его деньги счастья не принесли. И, похоже, никогда не принесут. Ибо я рос в одном с ним лесу и усвоил его волчьи повадки. Я хуже босяка, дорогая. Я тот паразит, который роскошествует, не крадя, поскольку за него достаточно накрал кто-то другой. — Он стряхнул пепел на ковер, надвинул шляпу на глаза и добавил: — Поразмысли над этим и не удирай далеко, ибо у меня свободного времени сколько угодно, и я тебя все равно догоню. Подумай: не лучше ли нам сбежать вместе?

Он шагнул к двери, остановился, еще раз взглянул

на солнечный прямоугольник на ковре, потом на девицу — и вышел.

Когда дверь за ним закрылась, девица поднялась, прошла в спальню и, как была, в шубке, упала на кровать.

Она долго лежала, устремив взгляд в потолок. Потом усмехнулась. И, усмехаясь, заснула.

Эд Макбейн
ТОРГОВЦЫ НАРКОТИКАМИ

1

Зима напала на город внезапно, как гангстер. Ветер завывал вдоль улиц, срывая с прохожих шляпы, задирая юбки и хватая холодными, как лед, руками. Люди натягивали перчатки, поднимали воротники пальто и прятали носы в шерстяные шарфы. А с мутного неба сыпал снег, таял под ногами и колесами машин, покрывал тротуары и мостовые предательским слоем льда. Зима в этом году обещала быть свирепой.

Полицейского звали Дик Дженеро. Он не любил зиму. Его не соблазняли ни коньки, ни лыжи, ни санки, ни прочие прелести веселого Рождества. Он посылал все это к черту. Он любил лето: горячее солнце и голубое небо. Любил летние грозы. Любил яркие цветы. Любил ласковое море и теплый песок на пляже.

А сейчас у него мерзли уши. «Если уши мерзнут, значит весь замерз», — говаривала его мать, а она знала, что говорила.

Дженеро совершал обход своего участка, думая о матери, затем вспомнил о жене, и ему захотелось оказаться рядом с ней под теплым одеялом. Было два часа ночи, и только идиот или полицейский мог вышагивать в это время по улицам, да еще в двадцатиградусный мороз.

Дженеро томился и думал о своих онемевших ушах, о том, что от прикосновения они могут отвалиться. Так утверждала мать. Несколько раз он едва не нарушил ее наказ. Он понимал, что уши останутся на месте, но тогда прощай его сыновья вера... Нагнув голову, он думал о Флориде, о Пуэрто-Рико и мысленно продвигался все дальше на юг, пока не сообразил, что достиг

...полюса, а там было так же холодно, как и здесь.

Брр... Ну и мороз... А может быть, они впрямь отвалятся, если я их потру!..

Улицы были пустынны. Еще бы! Только сумасшедшие и полицейские не сидят такой ночью дома. Он подошел к кондитерской лавочке и машинально потрогал дверь, обругав хозяина за то, что закрывает свое заведение на ночь и лишает возможности согреться чашечкой кофе.

Он зашагал дальше. Может быть, у Терри еще открыто? Он зайдет в бар, проверит, все ли там спокойно, и пропустит стаканчик. Ничего страшного не случится, если он выпьет стаканчик.

Подняв голову, Дженеро увидел свет.

Свет шел с другой стороны улицы. Дженеро замер на месте. Портняжная мастерская. Неужели этот болван Коэн утюжит одежду в такое время? Нужно его отругать. Он войдет и скажет: «Макс, ты хороший малый, но если собрался работать всю ночь, позвони и предупреди нас, несчастных!» Макс улыбнется в ответ и угостит его наливкой, которую держит под прилавком. И Макс показался Дженеро не таким уж болваном. «Доставай свою бутылочку, Макс, — подумал он. — Я иду!»

Однако, когда он пересек улицу, то увидел, что свет идет не из портняжной мастерской. Свет шел из зарешеченного подвального окошка жилого дома. Это озадачило Дженеро. Если свет горит не у Макса...

Полицейский прибавил шагу. Безотчетно стянул перчатку и вынул пистолет. Дверь в подвал была открыта. Приблизившись, Дженеро остановился. Несколько ступенек вели вниз.

Вдоль узкого коридора были свалены мусорные бачки. Дженеро оглядел коридор с единственной дверью и прислушался. Ни звука. Толкнул дверь. Она приоткрылась.

Дженеро отступил на шаг и, ничего не услышав, вошел. Слабо светила голая лампочка. Деревянный ящик из-под апельсинов. На ящике четыре пузырька. Дженеро достал карманный фонарик и провел лучом по помещению. Противоположная сторона была пустой. В дальнем углу, под зарешеченным окном — койка.

Дженеро посветил левее и невольно отшатнулся. На койке сидел юноша. Он наклонился вперед, и Дженеро

удивился, почему юноша не падает. Но когда вгляделся, увидел веревку.

Один ее конец был привязан к решетке окна. Другой затянут на шее юноши. Глаза и рот его были раскрыты. Лицо синеватого оттенка, а руки свисали по сторонам. Рядом на койке валялся шприц.

Дженеро приблизился и при свете фонарика рассмотрел посиневшее лицо. Затем поспешил из подвала к ближайшей телефонной будке.

2

Пятеро полицейских неловко толклись на тротуаре. Из-за угла вывернула машина «скорой помощи». Однако двое мужчин, вылезших из машины, были не докторами, а детективами. Звали их Кэрелл и Клинг.

Кэрелл проворно подошел к полицейским. Высокий, одетый в коричневую кожанку, он двигался с легкостью спортсмена.

— Кто обнаружил? — коротко спросил он.

— Дик, — ответил один из полицейских.

— Где он?

— Внизу.

— Пошли, Берт, — бросил Кэрелл через плечо, и Клинг, второй детектив, молча последовал за ним.

Дик Дженеро стоял под лампочкой.

— Привет, Дик! — сказал Кэрелл.

— Привет, Стив! Привет, Берт! — отозвался Дженеро.

— Когда ты обнаружил его? — кивая на труп, спросил Кэрелл.

— За пять минут до того, как позвонил.

— Что-нибудь здесь трогал?

— Конечно, нет!

— Больше тут никого не было?

— Нет. Послушай, Стив, можно мне пойти наверх? Тут... тут нечем дышать...

— Обожди минуту, — ответил Кэрелл. — Лампочка горела?

— Что? О, да, горела. Потому я и спустился. Подумал, может быть, вор.

Кэрелл подошел к трупу.

— Сколько ему может быть лет? — спросил он, не обращаясь ни к кому. — Пятнадцать? Шестнадцать?

— Никто не отозвался.

— Похоже... похоже, что он повесился, не так ли? — спросил Дженеро.

— Похоже на то, — согласился Кэрелл, покачивая головой. Он обернулся к Клингу. — Пожалуй, нужно подождать ребят из Отдела убийств. Они вечно поднимают шум, когда им приходится работать после нас. Который час, Берт?

Клинг взглянул на часы.

— Два часа одиннадцать минут.

— Будешь вести запись, Дик?

— Ладно, — отозвался Дженеро, доставая из кармана блокнот.

— Пойдем, глотнем свежего воздуха, — сказал он.

Сотрудники Отдела убийств выглядели так, будто их только что вытащили из постели. Ссутулившиеся, руки в карманах, шляпы надвинуты на самые уши.

— Тут немного теплее, — сказал первый, потирая руки. — Вряд ли кто-нибудь догадался прихватить фляжку.

— Постовой Дик Дженеро обнаружил тело около четырех минут третьего, — доложил Кэрелл.

Инспектор Отдела убийств хмыкнул и вздохнул.

— Что ж, лучше поскорее приняться за дело... — произнес он без воодушевления.

Второй разглядывал труп.

— Дурак, — пробормотал он, — хоть бы дождался утра... — Он перевел взгляд на Клинга. — А вы кто?

— Берт Клинг, — представился тот и, словно в раздумье, проговорил: — А мне казалось, что тело повесившегося должно висеть...

Сыщик из Отдела убийств уставился на Клинга, затем обернулся к Кэреллу и спросил:

— Этот парень из полиции?

— Конечно, — подтвердил Кэрелл.

— А я было подумал, что вы привели с собой кого-нибудь родственника, любителя острых ощущений! — инспектор обернулся к Клингу. — Нет, сынок. Висеть вовсе не обязательно. Вот тебе доказательство. Парень хотя и повесился, а не висит, правда?

— Правда.

— Видно, вы дока в этих делах, — без улыбки заметил Кэрелл.

— Как-нибудь, — ухмыльнулся тот. — Ведь я не из 87-го участка. Служу уже двадцать два года и за это время навидался трупов.

— Такие люди, как вы, делают честь полиции, — серьезно проговорил Кэрелл.

Инспектор подозрительно посмотрел на него.

— Я только хотел объяснить...

— Конечно, конечно, — закивал Кэрелл. — Мой молодой коллега не знает, что тело не обязательно должно висеть и раскачиваться. Вы правы, мы видели их стоящими, сидящими и лежащими.

— Конечно, во всех положениях.

— А что вы скажете о цвете его лица? — спросил Кэрелл.

— Что? — переспросил инспектор.

— Цвет лица, говорю, синий. Интересно, не правда ли?

— Недостаток воздуха, вот кожа и посинела, — ответил тот. — Очень просто.

— Еще бы, — усмехнулся Кэрелл. — Совсем просто. А что скажете об узле?

— Что?

— Об узле на веревке. Он сбоку.

Инспектор присмотрелся к телу.

— Ну и что? — спросил он.

— Просто я подумал, что такой специалист, как вы, должен был бы обратить на это внимание, — произнес Кэрелл.

— Обратил. Ну и что?

— Мне подумалось, что вам захочется объяснить моему молодому коллеге, почему у повесившихся иногда бывает такая окраска кожи.

— Послушайте, Кэрелл! — вмешался второй инспектор, но Кэрелл перебил его:

— Пусть говорит ваш приятель, Фред. Разве можно пропустить возможность выслушать заключение эксперта!

— Черт побери, что вы мелете?

— Он насмехается над тобой, Джо, — сказал Фред.

— Насмехается? — обернулся тот к Кэреллу.

— И не думаю, — возразил Кэрелл. — Объясните нам значение узла.

— Узел, узел, — заморгал Джо. — Дался вам этот узел!

— Вам, конечно, известно, — не унимался Кэрелл, — что боковой узел зажимает артерии и вены только с одной стороны.

— Конечно, известно!

— И вы, конечно, знаете, что лицо обычно багровеет, когда узел бывает сбоку, и белеет, если узел затянут на затылке?

— Конечно! — вызывающе отозвался Джо. — Ну и что, черт побери, вы хотите этим сказать? Я десятки раз видел синее лицо у повесившихся.

— А вы видели, что при отравлении цианидами лицо тоже синеет?

— Ну и что из того?

— А почему вы решили, что смерть этого парня наступила в результате удушения?

— Что?

— Вы видели пузырьки на ящике из-под апельсинов? И шприц?

— Конечно, видел.

— Не считаете ли вы, что он наркоман?

— Конечно, считаю. На все сто процентов.

— И, возможно, парень сначала набрался наркотиков, а затем повесился? — предложил Кэрелл.

— Возможно, — глубокомысленно изрек Джо.

— Во всяком случае, мы не можем утверждать, что это самоубийство, пока не познакомимся с результатами вскрытия. Что скажете, Джо?

— Нужно взвесить все факты, — отозвался тот.

— Тонкое наблюдение, — отметил Кэрелл.

— Куда, к черту, запропастился фотограф? — воскликнул Фред, которому надоела эта перепалка. — Пора приниматься за дело! Узнать, по крайней мере, кто этот парень.

— Которому уже некуда спешить, — вздохнул Кэрелл.

3

Кэрелл и Клинг поднялись на шестой этаж и постучали в квартиру пятьдесят пять. Дверь отворилась, словно их прихода ждали. Мать Анибала, крупная женщина с пышной грудью и прямыми черными волосами, была в простеньком платье. В глазах ее стояли слезы.

— Вы из полиции? — спросила она.
— Да, — ответил Кэрелл.
— Заходите.
В квартире стояла тишина. В кухне горела маленькая лампочка.
— Заходите, — повторила миссис Эрнандес. — Прошу в гостиную.
Она зажгла свет. В небольшой комнатке было чисто, но штукатурка на потолке потрескалась, а из-под радиатора натекла лужа воды. Детективы сели.
— Мы относительно вашего сына... — нарушил молчание Кэрелл.
— Да, — сказала миссис Эрнандес. — Анибал не мог убить себя.
— Миссис Эрнандес...
— Что бы ни говорили, он не мог убить себя. Я уверена в этом... Кто угодно, только не Анибал. Мой сын не мог лишить себя жизни.
— Почему вы так утверждаете, миссис Эрнандес?
— Я знаю. Знаю!
— Но почему?
— Потому что я знаю своего сына. Он был такой жизнерадостный! Даже в Пуэрто-Рико был жизнерадостным. Такие люди не убивают себя.
— Вы давно приехали в штаты, миссис Эрнандес?
— Уже четыре года. Сперва приехал мой муж, а когда устроился на работу, то выписал меня и нашу дочь. Я оставила Анибала в Катано у бабушки. Вы бывали в Катано?
— Нет, — покачал головой Кэрелл.
— Это через залив от Сан-Хуана. Из Катано весь город виден. Даже Ла Перла. Мы жили в Ла Перла перед тем, как переехать в Катано.
— Что за Ла Перла?
— Ну, как это вы называете... Трущобы. — Миссис Эрнандес сделала паузу. — Даже там, даже голодный, мой сын всегда был жизнерадостным. Жизнерадостного человека сразу видно, сеньор. Сразу. Когда мы переехали в Катано, жить нам стало лучше. А сюда мы приехали четыре года назад. А потом выписали Анибала.
— Когда?
— Шесть месяцев назад, — миссис Эрнандес закрыла глаза. — Мы встретили его в аэропорту. Он привез свою гитару. Он очень хорошо играл на гитаре.

— Вы знали, что ваш сын употребляет наркотики? — спросил Кэрелл.

Миссис Эрнандес долго не отвечала. Затем сказала: — Да, — и стиснула пальцы.

— Как давно он пристрастился к ним? — спросил Клинг.

— Давно.

— А точнее?

— Месяца четыре, мне кажется.

— А пробыл он здесь всего шесть месяцев, — проговорил Кэрелл. — Может быть, он начал еще в Пуэрто-Рико?

— Нет, нет, нет, — затрясла головой миссис Эрнандес. — Сеньор, этой отравы нет на нашем острове. Ведь для наркотиков нужно много денег, ведь так? А Пуэрто-Рико бедная страна. Нет, нет, мой сын научился этому здесь, в этом городе.

— Знаете, как он начал?

Миссис Эрнандес вздохнула. Ей трудно все это объяснить. Она родилась и выросла на солнечном острове. Ее отец рубил сахарный тростник и в свободное время занимался рыболовством; временами он ходил босой и голодный, но там всегда было горячее солнце и буйная тропическая растительность. Она вышла замуж, и муж увез ее в Сан Хуан, далеко от родного селения Комерио. Сан Хуан был первый большой город, который она видела в жизни, и она стала жить там в непривычном убыстренном темпе. Солнце светило, как и в родном местечке, но она больше не была босоногой девчонкой, которая бегала в деревенскую лавочку и обменивалась шутками с хозяином. Ее первый ребенок, Мария, родился, когда ей было восемнадцать. К несчастью, в это же время ее муж потерял работу, и они перебрались в Ла Перла, трущобы у стен форта. Ла Перла по-испански означает жемчужина. Так иронически прозвали трущобы их нищие обитатели. Их можно было лишить всего, сорвать с них последнее тряпье, затолкать в грязные лачуги, но лишить их чувства юмора было невозможно...

Трущобы Ла Перла, девочка Мария, два мертворожденных ребенка, рождение второй дочери, которую назвали Хуанитой, и затем переезд в Катано, где отец семейства устроился работать в небольшую пошивочную мастерскую...

Когда миссис Эрнандес ждала Анибала, семья по

воскресеньям отправлялась в Национальный парк. Однажды Хуанита, которой уже исполнилось два года, подошла к краю глубокого оврага и... в тот день семейство вернулось домой с телом Хуаниты...

Миссис Эрнандес испугалась, что потеряет и ребенка, которого носила под сердцем. Этого не случилось. Родился Анибал, и его крестили сразу же после похорон Хуаниты. Вскоре мастерская в Катано закрылась, и мистер Эрнандес опять оказался без работы и вновь был вынужден вернуться с семьей в Ла Перла. Там и провел свои детские годы Анибал. Его матери тогда было двадцать три года. Солнце светило по-прежнему, но не от солнца появились в уголках ее глаз морщины... Ее мужу, наконец, повезло, и он вновь нашел работу. Семья отправилась со своим скудным скарбом обратно в Катано, надеясь, что теперь уж навсегда. Им казалось, что работа у мужа будет постоянной, и так оно продолжалось несколько лет. Наступили хорошие времена, и миссис Эрнандес радовалась, ее муж твердил, что она самая красивая женщина на свете, и она принимала его любовь со страстью, а их дети — Мария и Анибал — росли.

Когда муж снова остался без работы, миссис Эрнандес предложила уехать в Штаты. Экономя на всем, они скопили денег на один авиационный билет. Она сварила курицу, чтобы муж поел в самолете. Он оделся в старую армейскую шинель, потому что слышал, будто в Штатах очень холодно. Не так как в Пуэрто-Рико, где солнце греет круглый год.

Со временем он устроился на работу в доках. Он вызвал к себе жену и одного ребенка, и она остановила свой выбор на Марии — не следовало оставлять девочку без присмотра. Анибал был поручен попечению бабушки. Через три с половиной года он должен был соединиться с родителями, а через четыре расстаться с жизнью...

Миссис Эрнандес тяжело вздохнула, и слезы потекли у нее по щекам. Оба детектива молчали, мечтая как можно скорее выбраться из этого дома скорби.

— Это Мария, — проговорила женщина, сдерживая рыдания. — Это Мария научила его...

— Ваша дочь? — недоверчиво спросил Клинг.

— Моя дочь, да... Моя дочь. Оба моих ребенка наркоманы... Оба... Они... — миссис Эрнандес умолкла на мгновение. — Не знаю, ничего не знаю. Мой муж очень

хороший человек. Всю свою жизнь он трудился. Вот и сейчас он на работе. А я? Разве я дурно воспитала своих детей? Я учила их уважать родителей. Мои дети говорят по-английски лучше всех в нашем квартале. Город много дал им. Работу мужу, сносное жилье. Но город одной рукой даст, а другой отбирает. И лучше бы, сеньоры, я не видела ни водопровода, ни телевизора — лишь бы дети были счастливы. — Она прикусила губу и замолчала. Наконец, снова заговорила: — Город принял нас. Не совсем как равных, но это я могу понять. Мы новички, мы посторонние. Но это тоже можно стерпеть, потому что тут есть и друзья, и родственники, и по вечерам в субботу чувствуешь себя, как дома, в Пуэрто-Рико. Гитара, песни, смех, веселье... А в воскресенье идешь в церковь и здороваешься на улице с прохожими, и тогда многое прощаешь... Но разве можно простить городу то, что он сделал с твоими детьми? Разве можно простить его за наркотики? Ты еще помнишь, помнишь свою дочь со сверкающими от радости глазами, пока эти выродки не увели ее от меня. А теперь мой сын... Умер... Умер, умер, умер...

— Миссис Эрнандес, — сказал Кэрелл, касаясь ее руки. — Мы...

— Будет ли иметь значение, что мы пуэрториканцы? — вдруг спросила она. — Вы найдете, кто убил его?

— Если он убит, мы найдем, кто это сделал, — пообещал Кэрелл.

— Спасибо, — сказала миссис Эрнандес. — Я... Я знаю, что вы должны думать. Мои дети употребляли наркотики, моя дочь стала проституткой... Но поверьте мне, мы...

— Ваша дочь?

— Да, да, ведь наркотики стоят дорого. — Женщина вздохнула, сдерживая рыдания, но не смогла сдержаться и застонала. Этот стон резанул Кэрелла по сердцу.

— Можно ли поговорить с вашей дочкой? — спросил он.

— Вы найдете ее в «Эль сентро». Вам знаком этот бар?

— Да.

— Вы найдете ее там. Она... Возможно, она поможет вам. Если только захочет с вами говорить.

— Мы попытаемся. — Кэрелл поднялся.

Встал и Клинг.

— Большое вам спасибо, миссис Эрнандес.

Детективы спустились по лестнице молча.

4

Бар «Эль сентро» находился на боковой улочке, в одном из тридцати пяти кварталов 87-го полицейского участка. В этом районе жили люди многих национальностей, но «Эль сентро» располагался в квартале, целиком заселенном пуэрториканцами. Владелец бара жил за рекой, в другом штате. Он редко посещал свое заведение, перепоручив его здоровенному ирландцу Терри Донохью. За свою жизнь Донохью работал во многих забегаловках по всему свету и любил повторять, что «Эль сентро» — худшая из всех. Однако ему здесь нравилось. Нравился ему и Стив Кэрелл, и он радушно приветствовал детектива, когда тот появился в баре.

— Здорово, Стив! — крикнул он из-за стойки. — Говорят, ты женился?

— Да, — отозвался Кэрелл.

— Бедняжка, должно быть, свихнулась, — ухмыльнулся Терри. — Передай ей мои соболезнования.

— Девочка в своем уме, — отпарировал Кэрелл. — Она выбрала лучшего жениха в городе.

— Послушайте-ка его! — захохотал Терри. — А как ее зовут?

— Тедди. Сокращенно от Теодоры.

— Так, так... А фамилия, если не секрет?

— Была Франклин.

Бармен склонил голову набок.

— Ирландка?

— Так бы я и женился на ирландке, — усмехнулся Кэрелл.

— Такой гусь, как ты, и не заслуживает жены — ирландки!

— Она шотландка.

— Так, так! — воскликнул Терри. — Я сам на четыре пятых ирландец, а на одну — шотландец, если учесть, сколько шотландского виски я выпил.

— Ишь ты! — рассмеялся Кэрелл.

— Обычно все хохочут над этой шуткой, — самодовольно заметил Терри. — Что будешь пить, Стив?

12 Зак. 1316

Ничего. Я по делу.

— Ни одному делу, клянусь Богом, никогда не мешал глоток спиртного.

— Мария Эрнандес сегодня заходила?

— Эй, Стиви, — прищурился бармен. — Зачем она тебе?

— Дело, — сказал Кэрелл.

— По поводу ее братца?

— Да.

— Наверное, такой же наркоман.

Кэрелл кивнул.

— Что меня огорчает, так это наркомания, — вздохнул Терри. — Скажи, Стиви, ты хоть раз встречал у меня торговца наркотиками?

— Нет, но вдоволь видел их у входа.

— Еще бы! Но ты никогда не видел ни одного из этих мерзавцев в моем баре и никогда не увидишь, клянусь Богом!

— Когда она сюда приходит?

— Раньше двух обычно не бывает. Если, конечно, приходит вообще. Заранее не угадаешь.

Кэрелл взглянул на часы. Было двадцать пять третьего.

— Вернусь попозже, — сказал он. — Пойду пообедаю.

— Ты меня обижаешь! — возмутился Терри.

— Вот как!

— А как же? Разве ты не прочел объявление у входа? Бар и закусочная. Видишь тот стол? Там ты получишь лучший обед в городе.

— Что ж, я травился и в худших заведениях, — покорно вздохнул Кэрелл.

Мария Эрнандес явилась в три часа. Кэрелл по знаку Терри повернул голову и увидел изящную девушку лет восемнадцати с черными волосами и карими глазами, в зеленом пальто поверх белого свитера и прямой черной юбки.

Мария села у дальнего конца стойки. Она поздоровалась с Терри, бросила быстрый взгляд в сторону Кэрелла, а затем принялась разглядывать улицу через стекло витрины. Кэрелл подошел к ней.

— Мисс Эрнандес?

— Да, — повернувшись на табурете, ответила она. — Меня зовут Мария.

— Я из полиции, — сказал Кэрелл.

— Я ничего не знаю о самоубийстве моего брата, хмуро отрезала Мария. — Есть еще вопросы?

— Есть. Может быть, пройдем поговорить в кабину?

— Мне и здесь нравится.

— А мне нет. Или кабина, или полицейский участок. Выбирайте.

Мария сползла с табурета. В кабине она сняла пальто и опустилась на стул напротив Кэрелла.

— Я слушаю.

— Давно ли вы пристрастились к наркотикам?

— Какое отношение это имеет к моему брату?

— Давно ли?

— Около трех лет.

— Почему вы приучили его?

— Он сам напросился.

— Не верю.

— А зачем мне врать? Как-то вечером зашел в ванную, где я делала укол. Даже не постучал, сопляк. Спросил, что я делаю. Вот я и дала ему испробовать.

— А дальше?

— Ему понравилось. Он снова стал приставать. Ну, сами знаете, как это бывает...

— Расскажите.

— Через неделю-другую он втянулся. Вот и конец рассказа.

— Понятно. А кто снабжает вас наркотиками?

— Узнавайте сами.

— А вашего брата?

Мария молчала.

— Ваш брат умер! — резко произнес Кэрелл.

— Знаю. Что вам от меня нужно? Он всегда был паршивцем и если вздумал покончить с собой...

— А если он не покончил с собой?

— Как?! — удивленно спросила она.

— Кто снабжал его наркотиками?

— Какая разница?..

— Возможно, большая.

— Я, во всяком случае, не знаю.

— Вы сказали, что это вы научили его колоться.

— Ну и что?

— И познакомили с торговцем? С кем именно?

— Ни с кем я его не знакомила. Он всегда был самостоятельным.

— Мария...

13*

— Что вы ко мне пристали?! — вскричала он...
Я ничего не знаю о брате. Даже о его смерти узна...
от посторонних. Уже почти год, как я не живу дома,
откуда мне знать, кто снабжал его героином? Мож...
быть, он сам торговал им?

— Он?!

— Ничего не знаю. И его почти забыла, поймите в...
это! Если бы встретила его на улице — не узнала.

— Трудно поверить, — усомнился Кэрелл. — Вы что-
то скрываете, Мария.

— Ничего не скрываю!

Их взгляды встретились.

— Что ж, ладно, — заключил Кэрелл.

Доктор Сомс был занят и встретил Клинга недру-
желюбно.

— Разве нельзя подождать заключения? К чему
спешка?

— Кэрелл велел мне обратиться к вам, доктор, —
сказал Клинг.

— Не понимаю, — нахмурился врач. — Все ждут, а
Кэрелл не может!

— Он был бы весьма благодарен...

— Неужели вы думаете, что мы здесь сидим без
дела? Знаете, сколько трупов ждут вскрытия?

— Много?

— Много, — отрезал Сомс.

— Сожалею, что побеспокоил вас, но...

— Если сожалеете, то не мешайте работать. Лучше
подождите официального заключения.

— Но...

— Господи! — воскликнул Сомс. — Столько шума
из-за одного наркомана! Кэрелл считает, что это само-
убийство?

— Он... Он ждет вашего заключения, вот почему...

— Вы хотите сказать, что у него имеются сомнения?

— Ну... по внешним признакам... он не уверен, что
парень умер от удушья. Эта синюха... Посинение кожи...

— А что думаете вы, мистер Клинг?

— Я?

— Да, вы лично, — вскинул голову доктор.

— Я... я не знаю, что и думать... Я недавно работаю
в полиции...

— Вам знакомы симптомы удушения?

— Более или менее...

— Может быть, вы ждете, что я прочту вам курс судебной медицины?

— Это... это было бы очень интересно, — робко проговорил Клинг.

— Вы находите? Эти познания обошлись моим родителям в двадцать тысяч долларов. Ваше медицинское образование стоит вам значительно дешевле. Вы тратите на него только время, и притом м о е...

— Мне очень жаль, если я...

— Вообще-то, синюха при асфиксии, или удушении, не редкость. Однако, она сопутствует и различным видам отравления.

— Вот как?

— Да. И в данном случае мы подозреваем как раз алкалоидное отравление.

— Алкалоидное отравление?

— Излишнюю дозу героина, чтобы быть точным. Смертельную дозу, равную двум десятым грамма. Покойник получил дозу наркотиков, достаточную, чтобы свалить с ног быка. И только потом на него была наброшена веревка. Но все же вам придется подождать официального заключения...

5

Лейтенант Питер Бирнс возглавлял отряд полицейских, которые называли 87-й участок своим домом, и твердил про себя, что более проклятой службы, чем служба в полиции, нет на всем белом свете.

87-й полицейский участок занимал старое кирпичное здание, выходящее фасадом на Гровер-парк. Сразу у входа — квадратная комната, где за барьером — канцелярский стол дежурного. На первом этаже находились и камеры для задержанных. За окнами второго этажа, зарешеченными из-за любви окрестных мальчишек швырять камни во все, что имело отношение к власти, располагались кабинеты начальника участка, раздевалка, комната детективов, а также другие служебные помещения, в том числе и мужской туалет.

Лейтенант Бирнс любил свой кабинет. Он занимал его уже много лет и уважал, как садовник уважает поношенные рукавицы, которыми пользуется при прополке. А на территории 87-го участка сорняки росли

...вольно густо. И лейтенант Бирнс нередко мечтал иметь в подчинении побольше людей.

День благодарения подвалил много работы, а приближающиеся рождественские праздники еще более усложняли обстановку. Когда наступали праздники, в полицейском участке объявлялся аврал.

Только за последнюю неделю в парке было зарезано шестнадцать человек. Укрытие краденого — тоже не редкость. Здесь можно купить все, были бы только деньги. И это несмотря на закон, определяющий сокрытие, скупку и продажу краденого, как уголовное преступление. Но это ничуть не страшило профессиональных воров. Не пугало и наркоманов. Не тревожило и скупщиков краденого. Калвер-авеню являлось, по их мнению, лучшим торговым центром города.

Это тревожило только полицию. Особенно в праздничные дни.

Универсальные магазины были переполнены, и воры радовались толчее, тому, что покупателей, как сельдей в бочке, и у каждого имеется длинный список покупок к Рождеству. К тому же, все спешат. Лучшие условия трудно придумать.

У Бирнса и его людей работы по горло.

Не оставались без дела и девицы. Пьяных тоже хватало. «КАКОГО ЧЕРТА, МУЖЧИНА ДОЛЖЕН ПРОМОЧИТЬ ГЛОТКУ НА ПРАЗДНИКИ, НЕ ТАК ЛИ?» Конечно, так. Но пьянство вело к вспышкам страстей, а страсти — к проявлениям самых низменных инстинктов.

«КАКОГО ЧЕРТА, МУЖЧИНА ДОЛЖЕН ПРОМОЧИТЬ ГЛОТКУ НА ПРАЗДНИКИ, НЕ ТАК ЛИ?» Так-то оно так, но если это ведет к поножовщине — приходится вмешиваться полиции. И глубоко верующий Бирнс искренне радовался тому, что Рождество бывает раз в году.

Зазвонил телефон на столе.

— Вас просит жена, лейтенант.

— Соедини, — хмуро отозвался Бирнс, недовольный тем, что его отвлекают от работы.

— Питер? — послышался голос Гарриет. — Ты очень занят?

— Чертовски, — ответил он. — Что ты хотела?

— Относительно мяса для жаркого.

— Что именно?

— Я заказала заднюю ножку на пять кило...

— Ну и что?
— Помнишь, мы подсчитывали, сколько понадобится мяса, и остановились на пяти кило?
— Ну, помню. А в чем дело?
— Мясник прислал ножку всего на три кило.
— Так верни ее обратно!
— Не могу. Я ему позвонила, а он говорит, что очень занят.
— Очень занят?— недоверчиво переспросил Бирнс.— Мясник?
— Да.
— А что ему еще делать, черт побери, как не рубить мясо!
— Он готов обменять ножку, но у него нет свободных рассыльных.
— Так поезжай сама, Гарриет! В чем проблема?
— Я не могу уйти из дома. Я жду бакалейщика.
— Пошли Ларри, — терпеливо посоветовал Бирнс.
— Он еще не вернулся из школы.
— Будь я проклят, если этот парень не самый усердный ученик, какого мы когда-либо...
— Питер, ты же знаешь, он...
— ...имели в нашем роду! Днюет и ночует в школе!
— ...репетирует в школьном спектакле, — заключила Гарриет.
— Выберу как-нибудь время, заеду в школу и скажу пару теплых слов директору!..
— Глупости! — отозвалась Гарриет.
— Глупости или нет, но я желаю, чтобы мой сын являлся домой хотя бы к ужину! — разозлился Бирнс.
— Питер, я не хочу вступать в дискуссию по поводу Ларри, право, не хочу. Хочу только спросить, как мне быть с мясом?
— Не знаю, черт возьми! Или ты хочешь, чтобы я послал к твоему мяснику дежурную машину?
— Не говори глупостей, Питер.
— Что же тогда я должен делать? Мясник, как мне известно, не совершил никакого преступления.
— Он совершил ошибку, — спокойно отпарировала Гарриет.
Бирнс помимо воли рассмеялся.
— А разве трех кило не хватит?
— Ты же пригласил Луиса! — воскликнула Гарриет.
— Ах, да! — вспомнил Бирнс и мысленно представил своего здоровенного братца с женой. — Да, тут тре-

... кило не обойдешься. — Он задумался. — Почему бы тебе не позвонить бакалейщику, чтобы он доставил заказ попозже? Тем временем успеешь съездить к мяснику и устроишь ему головомойку. Что скажешь?

— Звучит неплохо. Ты умнее, чем кажешься.

— В школе я получил медаль за сообразительность, — сказал Бирнс.

— Знаю. До сих пор ношу ее я.

— Значит, вопрос с мясом решен?

— Да, спасибо.

— Не за что. А что касается Ларри...

— Мне нужно спешить, Питер. Ты поздно придешь?

— Не знаю, возможно. Я завален делами, дорогая.

— Не буду тебя задерживать. До свидания.

— До свидания, — положил трубку Бирнс.

Иногда Гарриет, которая была весьма смышленой женщиной, удивляла его. Она могла искусно составлять семейный бюджет и строго придерживаться его. Она содержала в порядке дом и почти самостоятельно вырастила Ларри. Да, Гарриет была умелой, знающей, толковой хозяйкой. Но ее вдруг поставил в тупик вопрос с мясом. Ох, уж эти женщины! Бирнс никогда не мог их понять.

Вздохнув, лейтенант вернулся к делам. Он углубился в рапорт Кэрелла о смерти Эрнандеса, когда вновь раздался звонок.

— В чем дело? — поднял трубку Бирнс.

— Звонит какой-то человек и желает разговаривать только с вами, — доложил дежурный снизу.

— Кто такой?

— Не знаю. Не желает назвать себя.

— Пошли его ко всем чертям! — вскипел лейтенант.

— Он говорит, что это связано с делом Эрнандеса.

— Да?

— Вот именно.

— Ладно, — нахмурился Бирнс. — Соедини.

6

Анибал Эрнандес был обнаружен мертвым ночью 18 декабря, в понедельник, а в среду вечером Стиву Кэреллу ситуация все еще оставалась неясной.

По заключению судебно-медицинской экспертизы,

Анибал умер от отравления героином, что было делом обычным. Шприц, лежавший под рукой Эрнандеса, и пузырьки были тщательно исследованы на отпечатки пальцев и теперь сличались с отпечатками покойного. Кэрелл был твердо убежден, что отпечатки не совпадут. Он был уверен, что кто-то накинул петлю на шею Эрнандесу уже после его смерти, и был готов побиться об заклад, что тот же человек ввел ему смертельную дозу героина.

Это породило новые проблемы.

Если некто, желая убить Эрнандеса, воспользовался героином в качестве средства для убийства, почему шприц был оставлен на месте преступления? Если Эрнандес умер, потому что сам ввел себе чрезмерную дозу наркотика, откуда попытка инсценировать самоубийство?

Тут что-то отдавало фальшью.

У Кэрелла было острое чутье на подобные дела. Он бродил по улицам и думал, с чего начать, но ни на миг не забывал, что является полицейским.

Увидев стоявшую у ограды Гровер-парка машину, он бросил на нее мимолетный взгляд. Рядовой горожанин прошел бы мимо, но Кэрелл остановился и взглянул на машину вторично. Машина была марки «плимут», номерной знак 12Р-1731. Передний бампер помят, точнее, вдавлен внутрь. На заднем сидении было двое молодых людей, по-видимому, ожидавших водителя. Почему машина стоит у парка? Кого они ожидают?..

Молодые люди, сидевшие в машине, проводили Кэрелла внимательным взглядом. Кэрелл прошел мимо, не оглядываясь. Завернув за угол, он зашел в портняжную мастерскую Макса Коэна.

Макс был круглолицым человеком с бахромой седых волос, обрамлявших лысую макушку. Он взглянул на детектива и улыбнулся.

— Привет, Стиви! Что нового?

— Какие могут быть новости, — отозвался Кэрелл, стягивая с себя форменное пальто.

Макс удивленно наблюдал за ним.

— Тебе нужно что-нибудь зашить? — спросил он.

— Нет. Я хочу одолжить у тебя пальто. Это будет мне впору?

— Ты хочешь одолжить...

— Я очень спешу, Макс. Присматриваю кое за кем. Я быстро верну.

Мейс отложил иглу и подошел к вешалке.

— Только не испачкай. Я его отутюжил.

— Не беспокойся, — пообещал Кэрелл.

Машина стояла на том же месте, у ограды парка. Молодые люди по-прежнему сидели сзади. Кэрелл остановился на противоположной стороне улицы за фонарем, чтобы его нельзя было видеть через заднее стекло, и терпеливо принялся ждать.

Минут через пять из парка появился парень. Быстро шагая, он направился к машине. Кэрелл тут же начал пересекать улицу. Парень открыл дверцу машины и сел за баранку. В тот же миг Кэрелл распахнул противоположную дверцу.

— Эй, послушайте!.. — воскликнул парень.

Кэрелл наклонился, сунул голову внутрь. Пальто у него распахнулось, и рукоятка пистолета оказалась в нескольких дюймах от правой руки.

— Сидеть спокойно! — приказал он.

Двое на заднем сидении испуганно переглянулись.

— Послушайте, вы не имете права... — начал было парень за рулем.

— Молчать! — перебил его Кэрелл. — Что ты делал в парке?

— Где?

— В парке. С кем встречался?

— Я? Ни с кем. Просто гулял.

— Где гулял?

— Вокруг.

— Зачем?

— Захотелось прогуляться.

— Почему дружки не пошли с тобой?

— Не захотели.

— А почему ты отвечаешь на мои вопросы? — неожиданно спросил Кэрелл.

— Что?

— Почему ты отвечаешь, черт возьми? Знаешь, что я из полиции?

— Мне показалось...

— Рыльце в пуху, вот и показалось!

— Вынь все из карманов!

— Зачем?

— Затем, что я приказываю!

— Вот и влипли, — сказал один из сидящих сзади.

— Заткнись! — не оборачиваясь, прикрикнул парень за баранкой.

— Я жду, — напомнил Кэрелл.

Парень сунул руку в карман, достал пачку сигарет, аккуратно положил ее на сиденье, затем прикрыл расческой и связкой ключей.

Кэрелл отбросил в сторону пачку сигарет. Под ней лежал небольшой пакетик. Полицейский разорвал его и, высыпав немного белого порошка на ладонь, внимательно его обнюхал. Молодые люди молча наблюдали за ним.

— Героин, — заключил Кэрелл. — Где достал?

Парень не отвечал.

— Купил в парке?

— Нашел.

— Не морочь мне голову. Где купил? У кого?

— Я же сказал, что нашел!

— Нашел или получил по наследству — тебя все равно обвинят в хранении героина. Тебе же будет лучше, если скажешь, кто продал.

— Отпустите нас, — взмолился парень, сидевший позади. — У нас ничего нет. Можете обыскать.

— Вы задержаны. Все трое. Ну, говори, кто продал тебе героин?

— Нашел, — упрямо твердил парень.

— Что ж, нашел так нашел, — пожал плечами Кэрелл. — У тебя есть права на вождение машины?

— Конечно.

— Ну, так воспользуйся ими. Поехали.

— Куда?

— Сам догадайся, — ответил Кэрелл, усаживаясь рядом.

Роджер Хэвиленд любил допрашивать задержанных, особенно если мог вести допрос в одиночку. Он был, пожалуй, самым здоровенным полицейским 87-го участка. Однажды он попытался прекратить уличную драку, и ему сломали руку в четырех местах. Переломы были сложные. Кости срослись неправильно и их пришлось заново ломать и вправлять. После этого Хэвиленд решил, что никогда больше не позволит застать себя врасплох. Сперва сам нанесет удар, а уж затем станет задавать вопросы.

Итак, для него не было большего удовольствия, чем допрашивать задержанных, особенно если он мог это делать без свидетелей. В среду 20 декабря в камере для допросов вместе с ним находился Кэрелл.

Парень, задержанный с пакетиком героина, сидел на стуле, вызывающе глядя на обоих полицейских. Друзей допрашивали по отдельности Мейер и Вилли. Цель допросов была одна — выяснить, у кого эти парни приобрели героин. Задержать наркомана с героином было не трудно. При желании детективы 87-го участка могли бы задержать хоть по сотне каждый день. Для этого нужно было только пройтись по территории участка. Владение даже минимальным количеством наркотических средств являлось нарушением закона об общественном здравоохранении и считалось судебно наказуемым преступлением. Наркоман отсиживал свой срок на острове Бейли, а выйдя на волю, вновь принимался за свое. Куда важнее было поймать торговца наркотиками. Законы штата гласили, что продажа наркотических средств является тяжким уголовным преступлением, наказуемым в зависимости от количества обнаруженного наркотика. За хранение четверти унции героина, морфия или кокаина, или двух унций прочих наркотических средств предусматривалось заключение сроком от одного года до десяти лет.

Парень, задержанный Кэреллом, купил одну шестнадцатую унции героина. Он был мелкой сошкой. Полиция интересовалась тем, кто продал ему героин.

— Имя? — спросил Хэвиленд.

— Эрнест.

— Эрнест, а дальше?

— Эрнест Хемингуэй.

Хэвиленд взглянул на Кэрелла, затем вновь обернулся к парню.

— Что ж, остряк, попробуем еще раз. Как тебя зовут?

— Эрнест Хемингуэй.

— Мне некогда тратить время на всякого паршивца! — заорал Хэвиленд.

— А в чем дело? — удивленно спросил парень. — Вы спросили, как меня зовут, и я отве...

— Если ты не хочешь через минуту подбирать свои зубы с пола, советую отвечать толком! Как тебя зовут?

— Эрнест Хемингуэй. Послушайте, в чем дело?

Хэвиленд молниеносно нанес удар. Голова парня откинулась назад, и Хэвиленд размахнулся для второго удара.

— Оставь его, Роджер, — вмешался Кэрелл. — Это его имя. Так записано в призывной карточке.

— Ну и что такого? — спросил парень. — Послушайте, объясните мне, в чем дело?

— Есть такой писатель, — сказал Кэрелл. — Эрнест Хемингуэй.

— Да? — удивился парень. — Никогда не слышал... Могу я предъявить ему иск за использование моего имени?

— Сомневаюсь, — сухо отозвался Кэрелл. — Кто продал тебе героин?

— Ваш друг, писатель, — ухмыльнулся парень.

— Обожаю, когда они острят, — заметил Хэвиленд. — Ты скоро пожалеешь, что родился на свет, подонок!

— Послушай, парень, — перебил Кэрелл, — ты только себе делаешь хуже. Можешь получить всего тридцать суток, а можешь и девяносто, в зависимости от того, как будешь себя вести. А можешь получить и условно, кто знает?

— Обещаете?

— Я не могу ничего обещать. Это дело судьи. Но если он узнает, что ты помог нам изловить торговца наркотиками, то, я уверен, сочтет это смягчающим вину обстоятельством.

— Разве я похож на лягавого?

— Нет, конечно, — вмешался Хэвиленд. — Они выглядят куда лучше.

— Ну, так как, сынок? — продолжал допрос Кэрелл.

— Меня на «сынок» не проведешь, — отозвался парень. — Даже если я расскажу, кто толкнул мне героин, все равно получу максимальный срок.

— Может быть, хочешь, чтобы мы занесли в протокол, будто поймали тебя не с одной шестнадцатой унции, а с четвертушкой? — спросил Хэвиленд.

— Вы этого не посмеете! — огрызнулся парень.

— Мы сегодня отобрали столько наркотиков, что пароход можно загрузить, — заметил Хэвиленд. — Кто узнает, твой это героин или нет?

— Вы же знаете, что у меня была одна шестнадцатая унции, — растерянно пробормотал парень.

— Конечно, но кто об этом знает, кроме нас? Можешь схлопотать десять лет за четверть унции, дрянь ты этакая! За желание сбыть товар твоим дружкам, которые поджидали тебя в машине.

— Это я-то хотел сбыть? Черт возьми, я сам только что купил! И всего одну шестнадцатую унции, а не четвертушку!

— Так-то так, — развел руками Хэвиленд, — но, к сожалению, только мы одни знаем об этом. Ну, как зовут торгаша?

Парень задумался.

— Хранение четверти унции героина с намерением продать, — резюмировал Хэвиленд, обращаясь к Кэреллу. — Записывай. Пора кончать, Стив.

— Эй, послушайте! — воскликнул парень. — Вы же обштопаете меня так, а, ребята?

— Почему бы нет? — отозвался Хэвиленд. — Ты мне родня, что ли?

— Послушайте, а нельзя ли... — парень осекся. — Нельзя ли...

— Имя? — потребовал Кэрелл.

— Его зовут Гонзо.

— Это имя или фамилия?

— Не знаю.

— Как ты познакомился с ним?

— Сегодня я в первый раз имел с ним дело.

— Так мы тебе и поверили, — усмехнулся Хэвиленд.

— Я не вру. Прежде я покупал у другого. Условное место было в парке, недалеко от клетки со львами. Прежде там был другой, а сегодня пришел, гляжу — новый. Говорит, что его зовут Гонзо и что у него первосортный товар. Ну, я и взял.

— А твои дружки в машине?

— Они тут ни при чем...

— Это твой первый привод? — спросил Кэрелл.

— Да.

— Давно принялся за наркотики?

— Несколько лет назад.

— Колешься?

— Есть и другие способы, — поднял голову парень.

— Значит, говоришь, Гонзо? — переспросил Хэвиленд.

— Да. Послушайте, можно мне принять дозу? Я начинаю плохо себя чувствовать... Дадите?

— Сэр, — склонил голову Хэвиленд, — считайте себя исцелившимся.

— Что?

— Там, куда тебя сунут, нет клетки со львами.

— Вы же сказали, что я могу получить условное наказание?!

— Может быть. Значит, ты думаешь, что мы будем делать тебе уколы?

— Нет, но... Господи, у вас тут есть врач?

— У кого ты покупал раньше? — спросил Кэрелл.

— Не понимаю...

— С кем встречался у клетки со львами? Ты сказал, что Гонзо новичок. А кто был раньше?

— Послушайте, ради Бога, позовите доктора! Пусть он сделает мне укол. Иначе меня вырвет прямо здесь, на пол...

— Дадим тебе тряпку, — успокоил его Хэвиленд.

— Ну, кто был первый торгаш? — настаивал Кэрелл.

Парень заерзал на стуле.

— Анибал.

— Анибал? — насторожился Кэрелл.

— Да.

— Анибал... А дальше?

— Фернандес, Эрнандес, Гомес... Разве запомнишь? Все на одно лицо.

— Анибал Эрнандес?

— Может быть... Да, вроде бы так. Послушайте, нельзя ли мне сделать укол?.. Меня сейчас вырвет...

— Давай, приступай, — сказал Хэвиленд.

Парень тяжело вздохнул, нахмурился и спросил:

— А правда есть такой писатель Эрнест Хемингуэй?

7

Судебно-медицинское заключение и справка дактилоскопического бюро пришли к вечеру. Он не удивился, что исследование веревки, снятой с шеи Эрнандеса, исключало вероятность самоубийства. Если бы Эрнандес повесился, то, конечно, сперва привязал бы один конец к решетке окна, другой набросил бы петлей на шею и затем рванулся вперед. Однако характер расплющенных веревочных волокон указывал на то, что тело было подтянуто кверху. Короче говоря, веревка сперва была закреплена на шее Эрнандеса, а уж затем свободный конец ее пропущен за решетку и натянут. Эрнандес мог сам ввести себе смертельную дозу героина, но не мог сам повесить себя.

Отпечатки пальцев на шприце тоже исключали возможность самоубийства. И это удивило Кэрелла. Ни один из отпечатков не принадлежал Эрнандесу. Если он и воспользовался шприцем, то тщательно вытер его перед тем, как передать кому-то другому.

Именно этот кто-то и заинтересовал Кэрелла. В картотеке дактилоскопического бюро сходных отпечатков не нашлось. Тот, кто пользовался шприцем и, возможно, ввел смертельную дозу героина Эрнандесу, не был зарегистрирован. Правда, еще не поступили сведения из ФБР, но все равно Кэрелл был смущен. В глубине души он надеялся, что отпечатки пальцев, оставленные на шприце, найдутся в картотеке.

Он как раз ломал голову над этим, когда лейтенант Бирнс приоткрыл дверь.

— Можно тебя на минутку, Стив?

— Конечно, сэр, — ответил Кэрелл.

— У тебя имеется копия отпечатков пальцев?

— Да.

— Можно мне взглянуть?

— Конечно. Но мы не обнаружили их в картотеке...

— Знаю. У меня появилась идея... Занеси ко мне отпечатки, когда будешь уходить.

— Обязательно. Это все?

— Да. Ты, наверное торопишься домой — лейтенант сделал паузу. — Как жена?

— Спасибо, все в порядке, — ответил Кэрелл.

— Хорошо. Это очень хорошо, когда... — Бирнс не закончил фразу. — Иди, иди, Стив. Не стану тебя задерживать.

Кэрелл вернулся домой в задумчивости. Тедди встретила его в дверях. Он рассеянно поцеловал ее, и она встревоженно посмотрела на мужа.

— Что с тобой, Стив? Ты нездоров?

— Нет, нет, все в порядке.

Она недоверчиво смотрела на него.

— Да, да, все еще то дело, — хмуро признался Кэрелл. — Ну, скажи, кто оставит орудие убийства со следами пальцев там, где даже слепой его обнаружит? И зачем инсценировать самоубийство? Неужели убийца считает нас олухами, черт возьми?

Тедди обняла и снова поцеловала его.

— Перестань! — взмолился он. — Ты мешаешь мне думать.

Тедди отстранилась, обиженная, но Кэрелл не заметил этого, он задумался над тем, зачем Бирнсу понадобились отпечатки пальцев.

Бирнс хотел узнать правду.

Ему казалось, что если он спросит, то сразу все прояснится. Но вот как задать этот вопрос? Он сидел в своей машине, которую остановил у обочины тротуара, и думал...

Может быть, прямо спросить: «Правда ли, что ты?..»

Или это следует проделать иначе? Но как? Каким образом он, честно проживший всю жизнь, вдруг оказался замешанным в такое?! Нет, черт побери, это ложь! Мерзкая ложь...

А вдруг?.. Вдруг это правда?.. Тогда... тогда нужно что-то предпринимать... Но что? Как я справлюсь с этим?.. Нет, нет, не может быть!..

Но если это правда, то страшно подумать, какую беду она может причинить... Не только ему, Бирнсу, но и Гарриет... О Боже, почему должна страдать Гарриет?.. А как на это посмотрит начальство? Господи, пусть это окажется неправдой, клеветой, злостной, грязной клеветой!..

Он сидел в машине и ждал, когда Ларри выйдет из школы Калм-Пойнта, района, где жили Бирнсы. Он протер рукой в перчатке затуманившееся стекло и увидел юношу и девушку, выбежавших из школы.

Юноша слепил снежок и запустил им подругу. Та побежала, радостно завизжав. Юноша бросился вдогонку, и оба исчезли в темноте. Молодежь веселой гурьбой хлынула на улицу. Бирнс искал взглядом знакомую фигуру. Возможно, он пропустил сына? Бирнс торопливо вылез из машины. Морозный воздух обжег лицо. Мимо пробегали ребята.

— Здравствуйте, мистер Бирнс! — приветствовал его один из них.

Затем улица опустела. Бирнс посмотрел вслед удалявшимся фигурам и, глубоко вздохнув, начал подниматься по ступенькам, ведущим к подъезду школы.

Он не появлялся здесь очень давно.. Когда это было? Сколько лет назад? Бирнс покачал головой. Где ему было найти время?.. А приходить сюда, по-видимому, было необходимо... Но разве мог он предполагать!.. Гарриет, Гарриет должна была следить за этим, если только это было правдой... Если это было правдой...

В здании стояли тишина, и он слышал глухой топот своих шагов по каменному полу. Он отыскал большую аудиторию и открыл дверь. В дальнем углу, возле пианино, женщина собирала ноты. Бирнс расправил плечи и направился к ней вдоль длинного ряда скамеек. Она встретила его вопросительным взглядом.

— Чем могу быть полезной?

— Здесь проходят репетиции? — спросил Бирнс с вымученной улыбкой.

— Да, — ответила учительница. — Я как раз руковожу постановкой. Я мисс Керри.

— Очень рад познакомиться с вами, мисс Керри, — неожиданно он почувствовал робость. — Я ехал мимо и решил захватить сына домой. Дома только и разговоров об этом...

Польщенная мисс Керри улыбнулась.

— Но, кажется, я проглядел его. Я хотел спросить, может быть, вы... — он запнулся, — задержали его?.. Из-за декораций... Или еще там чего...

— Вы действительно проглядели вашего мальчика, — сказала мисс Керри. — Все ребята уже ушли несколько минут назад.

— Все? — переспросил Бирнс. — И мой Ларри тоже?

— Ларри? Конечно. Он ушел вместе со всеми.

Бирнс почувствовал облегчение. Значит, его сын не врал о том, где он проводит вечера. Улыбка заиграла на его лице.

— Спасибо. Извините, что побеспокоил вас.

— Что вы, что вы! Нисколько. Это я должна извиниться, что так поздно задерживаю ребят. Должна сказать, что у Ларри все прекрасно получается.

— Очень приятно слышать, — сказал Бирнс.

— Да, да, можете гордиться своим сыном, мистер Шварц.

— Да, конечно... — Бирнс вдруг замолчал. Похолодев, он уставился на учительницу.

— Моего сына зовут Ларри Бирнс, — прошептал он.

Мисс Керри нахмурилась.

— Ларри Бирнс?.. О, простите...Но ваш сын не участвует в постановке... Он... он даже не изъявил желания...

— Понимаю, — тихо отозвался Бирнс.

— Мне очень неприятно... Но, возможно, у мальчика были уважительные причины... Вы должны понимать, мистер Бирнс, что нельзя серьезно относиться к их сло-

Дети в этом возрасте... Я убеждена, что у мальчика были уважительные причины...

— Да, да, — закивал Бирнс. — Конечно, вы правы...

Он еще раз поблагодарил учительницу и поспешно вышел.

8

Сидя в темной гостиной, Бирнс прислушивался к мерному тиканью старинных часов с маятником. Еще мальчишкой он мечтал о таких часах. Он не смог бы объяснить, почему хотел иметь именно такие часы, но он этого хотел и однажды вместе с Гарриет отправился на окраину города в лавку, над входом в которую красовалась вывеска: «АНТИКВАРИАТ».

Хозяин, тощий человек в жилете и спортивной куртке с замшевыми заплатами на локтях, словно плавал среди фарфора, фаянса и хрусталя, трепеща всякий раз, когда Гарриет брала в руки какие-либо из его сокровищ. В дальнем углу лавки они приметили старинные напольные часы, стоимостью в пятьсот семьдесят долларов, сделанные в Англии. Часы находились в отличном состоянии, величавая, горделивая машина, отсчитывающая время. С тех пор они стояли в прихожей, гулко и монотонно отбивая секунды, и сейчас их кованые стрелки показывали два часа без десяти минут.

В эту ночь часы не приносили Бирнсу обычного успокоения. Он ощущал чувство беспокойства и нетерпения, словно распалась связь времен, и минуты казались ему часами. Пробило два раза, а Бирнс все еще ожидал своего сына.

Но вот послышался посторонний звук, тот самый, которого ждал целый вечер,— звук поворачиваемого ключа в замке парадной двери. Бирнс напрягся в кресле. Дверь открылась, слегка скрипнув, он услышал свист ветра на улице, затем дверь затворилась и заскрипел пол в прихожей.

— Ларри! — позвал он.

Мгновение стояла полная тишина, а затем Бирнс вновь услышал тиканье часов, стоявших у стены в прихожей, словно бездельник, облокотившийся о стойку бара и наблюдавший, как мимо пробегает жизнь.

— Отец? — голос был молодой и удивленный.

13*

— Пойди сюда, Ларри, — сказал Бирнс.

— Сейчас, — отозвался Ларри, и Бирнс услышал, как скрипнула вешалка под тяжестью его пальто. Затем Ларри прошел через прихожую и открыл дверь в гостиную.

— Можно зажечь свет? — спросил он.

— Зажги.

Ларри вошел, двигаясь в темноте с привычной уверенностью человека, прожившего здесь много лет, и включил свет.

Это был высокий мальчик, значительно выше своего отца. Волосы у него были рыжие, лицо худое и длинное с серыми материнскими глазами. Одет он был в свитер, джинсы и спортивную куртку.

— Ты чего так поздно не спишь? — спросил Ларри. Голос у него был глубокий и звучный, неожиданный для юноши, которому не исполнилось и семнадцати лет.

— Ждал тебя, — ответил Бирнс.

— Да?

Бирнс наблюдал за сыном, прислушиваясь к его словам и дивясь тому, сколько интонаций может нести в себе это коротенькое «да».

— Где ты был так поздно, Ларри?

Бирнс смотрел сыну в лицо, надеясь, что сын не солжет ему, и страшась лжи.

— В школе.

В течение секунды Питер Бирнс превратился в полицейского, ведущего допрос.

— В своей школе?

— Конечно, отец.

— Калм-Пойнтской школе, так, кажется? Ты же там учишься?

— Разве ты не знаешь?!

— Я спрашиваю тебя.

— Да, в Калм-Пойнтской школе, а что?

— Ты довольно поздно возвращаешься домой.

— Вот ты о чем, — протянул Ларри.

— Почему ты так задержался?

— Мы репетируем, ты же знаешь.

— Что именно?

— Боже мой, отец, я же рассказывал об этом сто раз!

— Кто еще репетирует с тобой?

— Много ребят.

— А кто руководит постановкой?

— Мисс Керри.
— Когда у вас начинаются репетиции?
— Послушай, в чем дело?
— Когда вы разошлись сегодня?
— Около часа ночи. Мы с ребятами еще немного задержались.
— Репетиция закончилась в половине одиннадцатого, — отчетливо проговорил Бирнс.. — Тебя там не было. Ты не принимаешь участия в постановке. И никогда не принимал. Где ты болтался до двух часов ночи?
— Черт побери! — воскликнул юноша.
— Не ругайся в моем доме, — строго потребовал Бирнс.
— Бог мой, ты ведешь себя как прокурор!
— Где ты был, Ларри?
— Ладно, я не участвую в постановке, понятно? Я не хотел говорить маме, но меня забраковали после первых же репетиций. По-видимому, актер я никудышный. Наверное...
— Ты отвратительный актер, Ларри. Но ты еще и не умеешь слушать. Ты **никогда** не принимал участия в этой постановке. Я сказал об этом всего несколько секунд назад.
— Ну...
— Почему ты врешь? Где ты был? Что делал?
— А что я мог делать? — сказал Ларри. — Послушай, отец, я хочу спать. Если ты не против... — и он направился к двери.
— Вернись! — крикнул ему вслед Бирнс.
Ларри медлено обернулся к отцу.
— Это тебе не камера в твоем участке, отец! Не кричи на меня!
— Не смей разговаривать со мной в таком тоне! — резко потребовал Бирнс. — Иначе я тебя выпорю!
Ларри опешил от удивления.
— Послушай, отец, мне это начинает...
Бирнс вскочил с кресла и подошел к сыну.
— Выверни карманы!
— Что?
— Выверни карманы, я говорю!
— Послушай, объясни, в чем дело? — воскликнул Ларри... — Какого черта тебе нужно? Неужели тебе не надоедает быть полицейским целый день, что ты и дома...
— Перестань, Ларри! Предупреждаю тебя!

— Сам перестань! Черт возьми, я не потреплю...

Бирнс с размаху ударил сына по лицу открытой, жесткой ладонью, привыкшей к труду с тех пор, как ее владельцу исполнилось двенадцать лет. Ларри полетел на пол.

— Встань! — приказал Бирнс.

— Только попробуй еще раз... — пробормотал Ларри.

— Встань, тебе говорят! — Бирнс нагнулся и схватил сына за ворот куртки. Рванув, он поставил его на ноги, затем притянул к себе и проговорил сквозь зубы: — Принимаешь наркотики?

Тишина повисла в комнате.

— Что, что?.. — растерялся Ларри.

— Наркоманом хочешь стать? — повторил Бирнс шепотом.

— Кто... Кто тебе сказал? — пролепетал Ларри.

— Принимаешь?

— Я... Я... Иногда балуюсь...

— Сядь, — утомленно проговорил Бирнс. — Пожалуйста.

Ларри сел в кресло отца. Бирнс некоторое время мерил шагами комнату, затем остановился перед сыном и спросил:

— Втянулся?

— Не очень.

— Героин?

— Да.

— Давно?

— Месяца четыре.

— Нюхаешь?

— Нет.

— Колешься?

— Отец, я...

— Значит, колешься?

— Да.

— Как ты начал?

— В школе. Ребята угощали сигаретами с марихуаной. Мы зовем их травкой...

— Я знаю, как их называют, — перебил Бирнс.

— Вот так я и начал. Ну, а потом кто-то дал нюхнуть коку, а потом геро и... А потом я начал колоться.

— Давно колешься?

— Недели две.

— Значит, втянулся как следует, — отметил Бирнс.

— Могу в любой момент бросить, — вызывающе отозвался Ларри.

— Конечно, — усмехнулся Бирнс. — Где достаешь наркотики?

— Послушай...

— Я спрашиваю тебя, как отец, а не полицейский!

— В этом...Как его... В парке, в Гровер-парке.

— У кого?

— Какая разница? Послушай, папа, я... я брошу это... Правда, брошу. Только давай кончим этот разговор. Он только смущает...

— Даже более, чем ты предполагаешь. Ты знал парня по имени Анибал Эрнандес?

Лари не отвечал.

— Послушай, сынок, ты покупал героин на территории моего участка, в Гровер-парке. Ты знал Анибала Эрнандеса?

— Ну, знал, — признался Ларри.

— Хорошо?

— Я покупал у него пару раз...

— Сколько раз, точно? — терпеливо продолжал Бирнс.

— Пару раз, я же сказал.

— Дважды, ты имеешь в виду?

— Ну, больше, конечно.

— Три раза?

— Нет.

— Четыре? Боже мой, Ларри, скажи же сколько?

— Ну, вродое бы... Сказать по правде, я почти всегда покупал у него. Ты же знаешь, познакомишься с толкачом, и если у него хороший товар, ну и связываешься с ним. А он к тому же был мировой парень. Несколько раз мы... мы вместе кололись. Бесплатно. Я имею ввиду, что он ничего не брал с меня за это. Угощал вроде. Хороший был парень.

— Ты все время говоришь «был». Знаешь, что он умер?

— Да. Повесился, мне говорили.

— А теперь слушай меня внимательно, Ларри. Вчера мне позвонили по телефону. Звонивший...

— Кто звонил?

— Это был анонимный звонок. Я взял трубку только потому, что мне передали, будто разговор касается смерти Эрнандеса. Это было еще до того, как мы получили заключение судебно-медицинской экспертизы.

— Ну и что?
— По телефону мне кое-что рассказали про тебя.
— Про меня? Что, например? Что я колюсь?
— Не только это.
— Что же еще?
— Мне сказали, где ты был и что делал с семнадцатого на восемнадцатое декабря.
— Ну и что?
— Ты считаешь, что ничего?
— Так где же я был?
— В подвале вместе с Анибалом Эрнандесом.
— Да?
— Так мне сказал тот человек.
— Ну и что?
— Это правда?
— Может быть.
— Ларри, отвечай! Иначе, да поможет мне Бог, я...
— Ладно, ладно. Да, я был с Анибалом!
— С какого и по какое время?
— Начиная... Дай-ка вспомнить... Ну, приблизительно с девяти часов. Да, с девяти до полуночи. Кажется, так... Да, точно. Я ушел около двенадцати.
— Вы провели весь вечер вместе?
— Нет. Мы встретились в парке около девяти, а потом пошли в подвал.
— Оттуда ты отправился прямо домой?
— Нет. Анибал уже балдел на койке, а я не хотел оставаться там и пошел немного прогуляться.
— Когда ты вернулся домой?
— Не знаю. Очень поздно.
— Что значит «очень поздно»?
— В три, в четыре.
— А до полуночи был с Эрнандесом один?
— Да.
— Он спал, когда ты уходил?
— Ну, дремал. Знаешь...
— Сколько Эрнандес ввел себе героина? — перебил его Бирнс.
— Мы разделили пополам одну шестнадцатую унции.
— Ты в этом уверен?
— Конечно. Так сказал Анибал. Знаешь, папа, я был рад, что мы кололись вместе. Не люблю в одиночку. Всегда боюсь переборщить и всадить большую дозу.

— Ты говоришь, что кололись вместе? Одним шприцем?

— Нет. У Анибала был свой, а у меня свой.

— Где твой шприц?

— У меня. А что?

— Он и сейчас у тебя?

— Конечно.

— Расскажи мне подробно, как все было.

— Не понимаю.

— Что было после того, как Эрнандес показал тебе пакетик?

— Я достал шприц, он тоже, мы открыли склянки и...

— ... оставили их на ящике из-под апельсинов?

— Да, кажется, так. Да, да, там был ящик из-под апельсинов.

— Шприц был при тебе, когда ты подошел к ящику?

— Не помню. Кажется, мы оставили шприцы на койке.

— Ну, а что дальше?

— Ну, мы укололись...

— Кто первым? Анибал?

— Кажется, он.

— Могло ли случиться, что он взял не свой шприц?

— Что?

— Могло ли случиться, что он воспользовался твоим шприцем?

— Нет, это невозможно... Я кололся своим шприцем.

— Могли ли случиться, что уходя, ты захватил шприц Анибала, а свой оставил?

— Вряд ли. Сразу после укола Анибал... А ну, подожди, подожди, ты совсем запутал меня...

— Расскажи все подробно.

— Ну, мы укололись и, кажется, отложили шприцы. Да, да. Затем Анибала стало клонить в сон, он взял свой шприц и сунул себе в карман.

— Ты это видел?

— Нет. Помню только, что он сморкался, от героина всегда случается насморк, затем взял шприц и сунул в карман.

— Он не мог перепутать шприцы?

Ларри пожал плечами.

— Значит, ты мог взять не свой шприц? Тот самый, которым Анибал сделал себе укол. А свой оставить?

— Возможно, но я...

— Где твой шприц?

— У меня.

— А ну, проверь.

Ларри достал из карман шприц и принялся его разглядывать.

— Вроде бы мой, — сказал он.

— А точнее?

— Боюсь сказать. А в чем дело, не понимаю?

— Тебе следует кое-что знать, Ларри. Во-первых, Эрнандес не повесился.. Он умер от смертельной дозы героина.

— Что? Что ты сказал?

— Во-вторых, в подвале, где был обнаружен его труп, найден только один-единственный шприц...

— Так и должны быть... Не понимаю...

— Человек, который звонил мне сегодня, чего-то добивается. Не знаю чего. Он сказал, что снова позвонит мне после того, как я поговорю с тобой. Он сказал, это в тот день вы с Эрнандесом поссорились. Он сказал, что у него есть свидетель, который подтвердит это под присягой. Он сказал, что в тот вечер вы оставались наедине...

— Но, черт возьми, не ссорился я с Анибалом! Он же угостил меня, не так ли? Разве это похоже на то, что мы поссорились? Да и откуда этот тип знает? Черт возьми, отец...

— Ларри!

— Кто этот тип?

— Не знаю. Он не назвал себя.

— Что ж, пусть представит своего свидетеля! Хотел бы я посмотреть на него! Я не ссорился с Анибалом, отец. Мы с ним были приятели. И что он хочет этим доказать? Что я вколол Анибалу излишнюю дозу героина? Это? Пусть приводит своего свидетеля, пусть приводит!

— Он не нуждается в свидетеле, сынок...

— Как так?

— Он сказал, что мы обнаружим на шприце, найденном в подвале, отпечатки т в о и х пальцев...

9

В три часа ночи у Марии Эрнандес в сумочке было тридцать пять долларов. Она устала, за-

мерзла и хотела только одного — сделать себе укол и уснуть.

Мария знала, что существуют более достойные способы заработка, но ей было необходимо иметь сорок долларов в день, чтобы жить и удовлетворять свое пристрастие к наркотикам, а девушки ее возраста, если только они не кинозвезды, не имеют возможности иным путем зарабатывать такие деньги. И она радовалась, что на нее был спрос.

Итак, в три часа ночи у нее в сумочке лежали тридцать пять долларов, а восьмушка героина была припрятана в комнате, которую она снимала. Было слишком поздно, чтобы надеяться на клиентуру, но сорока долларов у нее все же не было, и это заботило ее. Мысль о недостающих пяти долларах мешала ей вернуться домой.

Она шагала по улице, уткнувшись в воротник пальто. Одета она была в свое лучшее платье, так как вечером ее пригласил к себе один из ее дружков, у которого она расчитывала получить сразу же все сорок долларов, но у него не оказалось денег, и он пообещал рассчитаться в следующий раз. Такое случалось и раньше, и он никогда не подводил ее. Поэтому Мария только улыбнулась: «Конечно! Что за вопрос!» Потом ей все же удалось заработать тридцать пять долларов и теперь, в три часа ночи, она шла по улице, не зная, возвращаться ли ей домой или еще попытать счастья.

Услышав позади себя шаги, она насторожилась. Грабежи на улицах были обычным явлением, и она не хотела лишиться своих денег, доставшихся с таким трудом. Страх покинул ее, когда она услышала позади себя тихий оклик: «Мария!»

Она обернулась.

К ней приблизился мужчина.

— Привет, Мария, — улыбнулся он.

— Ах, это ты, — отозвалась она. — Привет.

— Ты куда?

— Домой.

— Уже? Так рано?

Хотя этот человек никогда не вызывал у нее симпатии, и она уже настроилась идти домой, мысль о недостающих пяти долларах вновь овладела ею.

— Не так уж рано. Это зависит от того, чем занимаешься, — ответила она.

— Так, может быть, займемся чем-нибудь? Уделишь мне часок?

Она кинула на него взгляд.

— Стоит ли?

— Ну если ты считаешь, что двадцать долларов ничего не стоят...

— Что ж, ладно, — сразу согласилась Мария. — Только нужно достать комнату.

— Не теряй времени.

Было слишком поздно, и она знала, что ей вряд ли удастся найти комнату за обычную цену в три доллара. Но из обещанных двадцати она могла позволить себе заплатить за комнату и пятерку. О, ей просто повезло! По крутой лестнице она поднялась на второй этаж жилого дома и постучала. Никто не отозвался. Мария принялась стучать громче. Наконец за дверью послышался голос: «Иду! Иду!» Она узнала голос старой Долорес, и улыбка появилась у нее на лице. Мгновение спустя за дверью послышалось шарканье шагов.

— Кто там?

— Я, — ответила Мария. — Это я, тетушка Долорес, Мария Эрнандес.

Дверь растворилась.

— Шлюха! — закричала Долорес. — Ломиться в такой час!

— Послушай, тетушка Долорес, мне нужна комната.

Долорес стояла в проеме двери, маленькая, сухонькая старушка в вылинявшем халате, с растрепанными седыми волосами.

— Мне нужна комната, — настойчиво повторила Мария. — Та, что внизу, свободна? Я дам вам пять долларов.

— Пять? — переспросила старуха. — Ты сказала пять?

— Да.

— Свободна, свободна. Сейчас я принесу ключ. Ах ты, глупая девка, почему сразу не сказала, что заплатишь пять долларов? Заходи, заходи, а то простудишься.

Мария вошла. Стоя на кухне, она слышала, как Долорес ругалась, выдвигая ящики комода в поисках ключа. Наконец, старуха вернулась.

— Деньги, — потребовала она.

Мария открыла сумочку и достала пятерку. Долорес протянула ключ.

Мария спустилась вниз. Мужчина ждал ее на улице.

— Пойдем, — поманила она, показывая ключ, и пошла по коридору первого этажа. Она отперла одну из дверей, зажгла свет и заперла дверь на ключ.

Он попытался обнять ее, но она увернулась.

— Я что-то слышала про двадцать долларов...

С усмешкой он вынул из кармана деньги. Она наблюдала, как он не спеша отсчитывал двадцать долларов и протянул ей. Она сунула бумажки в сумочку и сняла пальто.

— В последний раз, что мы виделись, — проговорила она, — ты не слишком интересовался мной. Тебя больше волновали карты.

— То было тогда, — отозвался он, — а сегодня я искал тебя весь вечер.

— Правда? — она подошла к нему. — Вот и нашел.

— Я хотел поговорить с тобой, Мария.

— Поговорить? Так я тебе и поверила!

— Относительно Гонзо, — сказал он.

— Гонзо? — удивленно переспросила она. — Ты все еще повторяешь эту дурацкую кличку?

— Она мне нравится, — сказал он. — Так вот, относительно твоей договоренности с Гонзо...

— У меня с ним нет никакой договоренности, — заметила она, расстегивая блузку.

— Как это нет?

— Послушай, это все, что тебе от меня нужно? Потрепать языком? За беседу незачем было тратить двадцать долларов.

Она сняла блузку и перебросила через спинку стула. Стул, кровать и шкаф составляли всю обстановку комнаты.

Мужчина оглядел ее и сказал:

— А ты миленькая.

— Я хоть и не Джейн Рассел, но хорошо сложена. За двадцать долларов кинозвезду не получишь.

— А я и не стремлюсь.

— Почему ты мешкаешь?

— Давай сперва поговорим.

— Раздеваться или нет? — вздохнула Мария.

— Успеется.

— Тут не слишком тепло. Я не хочу мерзнуть.

— Так вот, относительно Гонзо... — начал он.

— Гонзо, Гонзо, дался тебе этот Гонзо!

— Дался, потому что это я просил Гонзо договориться с тобой.

— Что? — изумленно переспорсила она. — Ты? Ты его просил?

— Да, я, — улыбнулся он.

— А о чем ты его просил? — подозрительно спросила она.

— Относительно твоего брата.

— Продолжай. Я слушаю.

— Ты обещала Гонзо, что под присягой подтвердишь, будто видела, как ссорились твой брат и мальчишка Бирнс.

— Да? — спросила она недоверчиво.

— Да, — кивнул он. — Гонзо действовал по моей просьбе. Он дал тебе двадцать пять долларов, не так ли?

— Дал, — отозвалась Мария.

— И обещал дать еще двадцать пять, если ты расскажешь, что видела, как они ссорятся.

— Да, — подтвердила Мария. — Я озябла.. — Она сбросила юбку, кинулась в постель и натянула на себя одеяло.

— Гонзо рассказал тебе, в чем дело?

— Только то, что дело выгодное, и мой брат заинтересован в нем.

— А после того, как твой брат умер, Гонзо ничего не говорил?

— Сказал, что мой брат испортил все дело. Послушай, иди сюда, мне холодно.

— Твое обещание не изменилось после смерти Анибала? — Идя к постели, он снял пальто и положил его на стул.

— Нет, — сказала она. — Почему бы? Он покончил с собой, так почему же я...

Мужчина улыбнулся.

— Умница, — сказал он.

— Конечно, — отозвалась она удивленно. — Дело ведь не имеет никакого отношения к смерти Анибала?

— Нет, конечно, — подтвердил он. — Но только забудь вообще, что было какое-то дело, понимаешь? Ты знаешь только одно — твой брат и этот мальчишка Бирнс поссорились, вот и все. Понимаешь? Кто бы ни спросили тебя — полиция, репортеры, — ты знаешь только это.

— А кто такой этот Бирнс, между прочим?

Мужчина присел на край кровати.

— Это неважно. Он поссорился с твоим братом.

— Ладно, ладно.

Наступила тишина. Он лег и обнял ее.

— Запомни, — снова повторил он. — Кто бы тебя ни спросил, кто бы то ни был!..

— Я уже имела разговор с полицией, — сказала она.

— С кем?

— Не знаю. Такой симпатичный на вид.

— И что ты ему сказала?

— Ничего.

— А о ссоре?

— Нет. Гонзо велел ждать, пока он подаст мне знак... До тех пор велел помалкивать. Этот полицейский...

— Она вздрогнула.

— Что?

— Он сказал... он сказал, что Анибал, возможно, не покончил с собой.

— А ты что сказала?

— Сказала, что покончил. — Мария пожала плечами. — А разве не так?

— Конечно, так, — сказал мужчина, крепко обнимая ее. — Мария...

— Нет, нет, обожди... Мой брат... Ведь он умер не из-за этого дела, а? Это не имеет к нему отношения?.. Обожди!

— Да, да, черт возьми, он покончил с собой...

— Почему же мне нужно врать о ссоре? Может быть, Анибала убили?

— Замолчи, какое имеет значение, как он умер!

— Значит, его убили? — вскинулась она. — Кто? Ты?

— Нет.

— Кто же?

— Заткнись! Заткнись, говорят тебе!

— Ты убил Анибала! Из-за своих делишек... Тогда сама пойду в полицию. Пусть он был дрянью, но он мой брат...

Вдруг она почувствовала острую боль. Мария схватилась рукой за шею, взглянула на липкие пальцы, и зрачки ее расширились от ужаса, когда она увидела кровь. «Он зарезал меня, — мелькнуло у нее в голове. — О, Боже, он зарезал меня...» И только тут она увидела в его руке нож.

Он ударил ее ножом в грудь. Она вскочила с постели и бросилась к двери, но он оттащил ее, ударил еще раз, и еще, и еще, и она упала...

Чудом ей удалось доползти до двери. У нее не было сил кричать, но она выползла в коридор и, оставляя на деревянном полу кровавую полосу, добралась до двери на улицу. Она сумела дотянуться до ручки и, открывая дверь, упала лицом вниз на тротуар, истекая кровью.

Полчаса спустя, совершая обход участка, патрульный Эльф Ливайн обнаружил ее и немедленно вызвал «Скорую помощь».

10

В ту ночь, когда была зарезана Мария Эрнандес, четыре полицейских находились в дежурке 87-го участка.

Детективы Мейер и Виллис пили кофе. Детектив Бонджорно отстукивал на машинке свой рапорт, а детектив Темпль скучал у телефона.

— Не люблю кофе в банках, — заметил Мейер, обращаясь к Виллису. — И вкуса кофе нет.

— Какой же он на вкус, по-твоему? — спросил Виллис, потягивая кофе.

— Как у картона, если хочешь знать. Между прочим, я привык к вкусу картона. Моя жена часто подает к столу картон. У нее много замечательных рецептов различных блюд из картона.

— Наверное, узнала у моей жены, — подал голос Темпль.

— Возможно, — согласился Мейер. — наши жены вечно обмениваются рецептами. Но, уверяю, у меня нет предубеждения к картону. Ни в коей мере! Ведь в наш век цивилизации и холодильников все продукты имеют вкус картона.

— А что же тогда парная телятина? — улыбнулся Виллис.

— Мечта, — вздохнул Мейер. — Когда моя жена подает обед, я всегда ожидаю ощутить вкус картона. Вот уже двенадцать лет, как мы женаты, и она ни разу не обманула моих ожиданий. Что я жду, то и получаю. Но если я заказываю кофе в соседней закусочной, то

ожидаю почувствовать во рту вкус кофе. Говоря по правде, я начинаю забывать вкус настоящего кофе. Всякие суррогаты и быстрорастворяющиеся порошки — все пахнет картоном. Теперь все пахнет картоном. Печальная истина.

— Я просто рыдаю, — заметил Темпль.

— Однако бывает и разнообразие, — продолжал Мейер.

— Какое? — по-прежнему улыбаясь, поинтересовался Виллис.

— Жена моего приятеля умеет придавать всем продуктам вкус древесных опилок.

Виллис громко расхохотался. Мейер усмехнулся и пожал плечами.

Но мне кажется, что опилки вкуснее картона, — заключил он.

— Нужно тебе с твоим приятелем время от времени меняться женами, — предложил Темпль, — Чтобы хоть изредка нарушать однообразие.

— Ты хочешь сказать — однообразие в пище?

— Конечно. А в чем же еще? — невозмутимо отозвался Темпль.

— Зная твои грязные мысли... — начал Мейер, но зазвонил телефон, и Темпль поднял трубку.

— 87-ой участок, дежурный Темпль слушает. Так-так, понятно. Высылаю людей. — Он положил трубку. — На Четырнадцатой улице зарезана женщина. Ливайн вызвал «Скорую». Пострадавшая в больнице. Мейер, Виллис, за дело!

Мейер подошел к вешалке и снял форменное пальто.

— И не лень в такой мороз... — буркнул он.

Мейер не терпел запаха больничных палат. Его мать умерла в больнице от рака, и он навсегда запомнил запахи больницы, болезней и смерти. Не любил он и врачей. Может быть, потому, что доктор не распознал у его матери застарелую злокачественную опухоль...

С неприязнью смотрел он на врача, в чьи руки попала Мария Эрнандес, молодого человека, почти юношу, с испуганными глазами. Возможно, что доктор знал о ножевых ранениях только по учебникам, и Мария Эрнандес была его первым таким пациентом... Нервно куря, он разговаривал в коридоре с Мейером и Виллисом.

— Как ее состояние? — спросил Виллис.

14 Зак. 1316

— Критическое, — ответил врач.

— Насколько? Много ли ей еще осталось?

— Это трудно сказать... Она... она очень сильно ранена. Мы... нам удалось остановить кровотечение, но ее доставили с большой потерей крови. Трудно сказать что-либо определенное.

— Можно нам поговорить с ней, доктор? — спросил Мейер.

— Нет, не думаю.

— А она в состоянии разговаривать?

— Не знаю.

— Боже мой, доктор, возьмите себя в руки! — раздраженно заметил Мейер.

— Простите? — переспросил врач.

— Ладно, выслушайте меня, — хмуро продолжал Мейер. — Случилось так, что эту девушки ранили, и наша задача узнать, кто это сделал, чтобы предотвратить такие случаи и в дальнейшем избавить вас от подобных неудобств. Ее показания могут оказаться весьма важными. Так вот, будет она жить или нет? Если нет — тем более необходимо нам поговорить с ней.

— Не могу сказать ничего определенного. Положение тяжелое.

— Следовательно, мы можем поговорить с ней?

— Я должен это согласовать.

— Тогда поспешите, ради Бога, идите и согласуйте!

— Да, да. Сейчас. Вы понимаете, ответственность лежит не только на мне. Я не могу разрешить допрос больной без согласования...

— Так идите же, идите, — нетерпеливо проговорил Мейер. — Поторапливайтесь.

— Иду, — доктор зашагал по коридору.

— Знаешь, какие вопросы следует задавать, чтобы ее показания были приемлемы с юридической точки зрения? — спросил Виллис.

— Думаю, что да. Наверное, нам требуется стенографист?

— Смотря, сколько времени будет в нашем распоряжении. Может быть, тут есть какая-нибудь болтающаяся без дела секретарша? Пока приедет наш стенографист, пройдет вечность.

— Да, на это у нас времени нет. Спросим доктора, не владеет ли кто-нибудь здесь стенографией.

— Обязательно. Итак, какие вопросы мы зададим?

— Сперва имя и адрес. Затем...

— Боже, как я ненавижу все это! — вздохнул Мейер.

— Затем, очевидно, такой вопрос: «Вы желаете дать показания, кто покушался на вас?» Пожалуй, так, да?

— Да, пожалуй, — кивнул Мейер. — Боже, как я все это ненавижу!..

Они замолчали, вслушиваясь в неясный больничный шум. Вскоре до них донеслись шаги.

— Вот и доктор, — сказал Виллис.

— Ну, как? — спросил Мейер, когда подошел врач. — Согласовали?

— Теперь это уже не имеет значения... — произнес доктор.

— Почему?

— Она скончалась.

11

Полицейские детективы тщательно обыскали комнату, в которой состоялось последнее свидание Марии Эрнандес. И прежде всего они искали отпечатки пальцев. Разумеется, они не знали, что среди них не было следов убийцы, потому что он снял перчатки только перед тем как лечь с Марией в постель. Все отпечатки были проверены в дактилоскопической картотеке, но это ничего не дало, так как отпечатков пальцев здесь было обнаружено множество. Которые из них принадлежали убийце?

Учитывая профессию убитой, детективы особое внимание обратили на постель. На окровавленных простынях нашли несколько волосков. Затем с помощью пылесоса вычистили одеяло и в результате нашли нечто такое, что могло представить определенную ценность. Это было небольшое перышко.

И на основе этого скудного материала надо было вывести заключение о возможном убийстве Марии Эрнандес.

Питер Бирнс не мог примириться с тем, что он узнал. Да, его сын стал наркоманом. Тот, кто позвонил ему, не лгал. Правдой оказалось и другое его сообщение. Бирнс сличил отпечатки пальцев сына с отпечатками на шприце, и они оказались идентичными. Он

не сложил об этом в полиции, отчего чувствовал себя виноватым. Итак, все оказалось правдой...

Ну, а ссорился ли Ларри с Эрнандесом? Если ссорился, то вывод очевиден. Разве не следует из этого, что Ларри Бирнс убил Аннбала Эрнандеса?

И все же Питер Бирнс не мог поверить, что его сын стал убийцей. И в четверг 21 декабря он с нетерпением ждал звонка неизвестного, как тот обещал. Однако Бирнс напрасно прождал его весь день. Звонка так и не последовало, и он отправился домой, страшась того, что предстояло пережить.

Гарриет встретила его в прихожей и с рыданиями бросилась на шею. Прижимая ее к себе, Бирнс пытался вспомнить, когда она еще так рыдала.

— Ну, как он? — спросил Бирнс.

— Плохо.

— А что сказал Джонни?

— Дал ему какой-то заменитель. Но сказал, что он всего лишь врач, а Ларри, для того чтобы отучиться от наркотиков, должен сам захотеть этого. Питер, как он стал наркоманом?.. Боже мой, как могло это случиться?..

— Не знаю, — ответил Бирнс, мысленно кляня себя и свою работу, не оставлявшую ему времени для единственного сына. Однако ведь многие работают не меньше его, но их дети не стали наркоманами...

Поднимаясь в комнату сына, он испытывал вину. Да, его сын наркоман. В голове, подобно неоновой рекламе, беспрестанно вспыхивало одно и то же слово: НАРКОМАН, НАРКОМАН, НАРКОМАН.

Бирнс постучал.

— Ларри?

— Отопри дверь! Ради Бога, отопри!

Бирнс вынул из кармана ключи. Насколько он мог припомнить, ему пришлось лишь однажды запереть сына в комнате, когда тот разбил мячом зеркальную витрину магазина и отказался заплатить за нее из своих карманных денег. Бирнс тогда заявил, что вычтет убыток из стоимости его питания и до того времени не выпустит его из комнаты. В тот же вечер, вскоре после ужина, Ларри сдался. Тогда этот случай не казался достаточно серьезным, поскольку был лишь формой наказания и воспитания одновременно, и если бы Ларри продолжал упорствовать, Бирнс, конечно, пошел бы на попятный. Он верил, что наказы-

зя подобным образом сына, тем самым внушает ему уважение к чужому имуществу. Но сейчас, вспоминая, Бирнс задавал себе вопрос — правильно ли он поступил, не вооружил ли сына против себя, не заставил ли его думать, что здесь, в родном доме, его никто не любит? Да, но что нужно делать в подобных случаях? Заглядывать сперва в учебник психологии? И сколько в течение всех прошлых лет было разных мелких случаев, которые, однако, накапливались и, в конце концов, возможно, толкнули парня на путь наркомании. Сколько их было, и за какие можно винить отца? Но разве не любил ли он сына искренне, разве не старался воспитать его честным человеком? Чего же он не сделал, что упустил?..

Бирнс отпер дверь и вошел в комнату. Ларри стоял возле кровати, сжав кулаки.

— Почему я стал арестантом? — крикнул он.

— Ты не арестант, — спокойно ответил Бирнс.

— Да? Почему же ты запер комнату на ключ? Черт возьми, что я — преступник?

— Говоря формально — да, ты преступник.

— Послушай, отец, не морочь мне голову. Мне не до шуток.

— Мне тоже не до шуток, Ларри.

— Что за дрянь дал мне твой дружок?

— Что, что?

— Твой дружок — доктор, который никогда в жизни, наверное, не видел наркомана. Зачем ты его пригласил? Почему ты думаешь, что он мне нужен? Я же сказал тебе, что в любое время могу перестать употреблять наркотики! Зачем ты позвал его? Я ненавижу этого сукина сына!

— А именно он принимал тебя, когда ты появился на свет.

— Ну и что я теперь должен делать? Наградить его медалью?

— Он друг нашего дома, Ларри!

— Почему же он велел меня запереть?

— Он не хотел,чтобы ты ушел из дома. Ты болен.

— Болен? Ну, хорошо, болен. Я наркоман, наркоман. Вы что — заучили эти слова вместе со своим дружком доктором? И почему моим отцом оказался такой обыватель?

— Извини, пожалуйста, что я не оправдал твоих надежд.

— Ну вот, начинаются стенания отца-страдальца! С восьмилетнего возраста я видел все это в кино. Перестань, все равно меня это не трогает.

— Я стремлюсь не растрогать тебя, а вылечить.

— С помощью той дряни, которую мне подсунули? Кстати, что это?

— Не знаю.

— Да? Так вот, он мне ничем не помог. Мог бы и не тратиться на эту отраву. Послушай, ты хочешь по-настоящему помочь мне? Ты действительно хочешь вылечить меня?

— Ты это знаешь.

— Тогда верни героин, который ты взял у меня в столе.

— Нет!

— Но почему? Ты же сказал, что хочешь помочь мне! Так помоги!

— Это не помощь.

— Тогда уходи! — крикнул Ларри, и на глазах у него появились слезы. — Почему ты не хочешь помочь мне?! Уйди от меня! Уйди... — он разрыдался.

— Но, Ларри...

— Уходи! — снова выкрикнул юноша.

— Сынок...

— Не смей называть меня своим сыном! Разве ты беспокоишься обо мне? Ты беспокоишься только о том, чтобы не потерять теплое местечко в полиции из-за того, что я наркоман, вот и все!

— Неправда, Ларри.

— Нет, правда! Ты боишься, что кто-нибудь узнает обо мне и об отпечатках пальцев на шприце. Ну, подожди, подожди! Дай мне только добраться до телефона!

— Ты не будешь никуда звонить, Ларри, пока не вылечишься.

— Ты так думаешь? А я все равно позвоню в редакции газет и все расскажу. Ну, что ты скажешь на это? Что ты теперь скажешь? Ты вернешь мне героин?

— Не верну, и ты никуда не будешь звонить. А сейчас успокойся.

— Не хочу я успокаиваться! Я не могу успокоиться! Мне нужен этот героин, слышишь? Верни мне его сейчас же!

— Героина ты не получишь. Если хочешь, я опять приглашу Джона.

— Не нужен мне твой паршивый доктор!

— Он будет заниматься тобой, пока не вылечит
— Вылечит? От чего? Разве ты не можешь понять, что я не болен? От чего он хочет вылечить меня?
— Если ты не болен, зачем тебе героин?
— Чтобы взять себя в руки.
— Но ты утверждаешь, что не болен.
— Да, не болен, но все равно я должен прийти в нормальное состояние. Ну, прошу тебя, отец, отдай героин... В последний раз... Клянусь, в последний раз...
— Все же придется вызвать Джонни, — сказал Бирис, направляясь к двери.
— Нет! — закричал Ларри. — Я не хочу его видеть! Не хочу!..
— Но он тебе поможет...
— Чем он мне может помочь! Ах, какой же ты ловкач! Ты же пытаешься заставить меня признать, что я болен! Я не болен! Не болен!..
— Ничего я не пытаюсь...
— Заставь меня признать это кулаками, как на твоем 87-м участке вы делаете... Тебе не трудно будет справиться со мной. — Ларри внезапно умолк и схватился за грудь.

Чувствуя себя беспомощным, Бирис не сводил глаз с сына.

— Ларри.. — вновь заговорил он.

Все еще держась за грудь, Ларри стоял, покачиваясь на месте. Затем с искаженным гримасой лицом, он обернулся к отцу и с трудом произнес:

— Папа, я болен, я очень болен...

Бирис обнял сына. Ему хотелось сказать что-нибудь ласковое, успокаивающее, но не находил слов.

— Папа, я прошу тебя... Папа, ты не дашь мне что-нибудь, пожалуйста, папа... Я очень болен и мне необходим укол... Умоляю, дай мне героин... Прошу тебя, хоть немножко, чтобы успокоиться... Я никогда, никогда больше не буду тебя просить...
— Я позову Джонни.
— Нет, не нужно... Прошу тебя, не нужно... То, что он дал мне, совсем не помогает.
— Он даст тебе что-нибудь другое.
— Нет... прошу тебя, прошу...
— Ларри, сынок...
— Папа, если ты любишь меня...
— Я люблю тебя, Ларри, — еще крепче прижимая к себе сына, прошептал Бирис.

— Меня тошнит, папа... Мне нужно в туалет... Папа помоги же мне... помоги...

Бирис провел сына в туалет. Внизу, у лестницы, стояла Гарриет. Спустя некоторое время ее муж и сын вернулись в комнату Ларри, затем Бирис вышел оттуда, заперев дверь на ключ.

— Позвони Джонни, — сказал он. — Попроси его приехать сейчас же.

Гарриет заколебалась, и Бирис добавил:

— Ларри очень болен, Гарриет...

Теперь уже львы заволновались по-настоящему.

«Наверное, голодны, — подумал Кэрелл. — Может быть, им хотелось бы сожрать на обед аппетитного детектива? Жаль, что я не такой жирный, но если они непривередливы, то сойдет и тощий? Я торчу возле павильона с их клетками с двух часов дня в ожидании какого-то Гонзо, которого я и в глаза не видел. Уже половина пятого, а он не появляется. Если и появится, может оказаться мелкой сошкой, хотя, конечно, никогда не мешает задержать еще одного торговца наркотиками. Однако, для расследования дела Эрнандеса этот тип может и не пригодиться, хотя он, по-видимому, унаследовал клиентуру Анибала.

Что же это такое? Что скрывается за этим дурно инсценированным убийством? Тот, кто убил Анибала Эрнандеса, хотел, чтобы мы поняли, — это умышленное убийство! Но почему, с какой целью? Чьи отпечатки пальцев на шприце? Не принадлежат ли они самому Гонзо, которого я тут поджидаю? Не он ли убил и Марию, или ее убийство есть нечто отдельное, связанное с неизбежным риском женщин подобной профессии?

Не может ли Гонзо ответить на все эти вопросы? И если, мистер Гонзо, вам известны ответы, то должен признать, что вы хорошо скрываетесь от нас...

Но где же ты сейчас, Гонзо, и где ты действовал раньше? Может быть, просто унаследовал прибыльное дельце в ту ночь, когда расправился с Анибалом Эрнандесом? Может быть, ради этого ты и убил его? Но насколько прибыльно могло быть «дело» этого парня? Кем мог быть Эрнандес? Мелким толкачом, торговавшим только для того, чтобы самому иметь деньги на героин? Могло ли такое мизерное дело явиться причиной убийства?

Да, но объем дела Эрнандеса не был заметен, и если

его убили, чтобы перехватить клиентуру, почему в та-
том случае убийца так старался показать, что произо-
шло именно убийство? Убийца, конечно, не мог не знать,
что смерть от большой дозы героина могла быть квали-
фицирована как самоубийство. Если бы он оставил
на кровати труп и шприц, следователи и эксперты ско-
рее всего вынесли бы решение о смерти в результате
превышения дозы наркотических средств. Однако убий-
ца уже после смерти Анибала накинул ему на шею
петлю, зная, что это будет очень легко и быстро выяс-
нено. Следовательно, убийца сделал это умышленно,
желая показать следствию, что произошло убийство...
Да, но зачем ему это? И где же, наконец, Гонзо?..»

Кэрелл вынул из кармана кулек с арахисовыми орешками. Одет он был в серые вельветовые брюки и меховую куртку из серой замши, черные ботинки типа мокасинов и ярко-красные носки. Конечно, их не следовало одевать, однако Кэрелл сообразил это слишком поздно, уже выйдя из дому... Они выглядели на нем, как горящие лампочки на рождественской елке... Кстати, что же он подарит Тедди к Рождеству? Кэрелл вспомнил, что где-то, в каком-то магазине видел чудесную пижаму, но Тедди очень рассердится, если он истратит двадцать пять долларов на такую покупку. И все же пижама будет очень красиво выглядеть на Тедди... Хотя на ней все выглядит красиво. Правда, она дала ему понять, что лучший подарок на Рождество будет он сам, и он в ответ крепко обнял ее, но, черт возьми, пижама была такой прелестной, и, представляя в ней Тедди, Кэрелл решил, что непременно купит ее.

Но где же Гонзо? Может быть, делает покупки к Рождеству? Наверное, у торговцев наркотиками тоже есть жены и матери. И они тоже обмениваются рождественскими подарками, ходят на крестины, вечеринки, свадьбы и похороны, как и все другие. Вовсе не исключено, что Гонзо сейчас ходит по магазинам. И я бы не возражал пройтись по торговым рядам, а не торчать тут, у львов, на морозе...

Гонзо, Гонзо, появись же ты, наконец! Я так хочу познакомиться с тобой! Я так много слышал о тебе, будто мы уже знакомы. Да и в самом деле, разве не так? Ну, иди же, Гонзо... Мне хочется зайти в павильон и погреться у клеток со львами, вместо того, чтобы торчать тут... Кажется, мои красные носки уже посинели здесь от холода... Так как же, Гонзо? Можешь дать

мне передышку? Я мог бы выпить чашечку горячего кофе в ближайшей забегаловке...

Кэрелл разгрыз еще орех и увидел юношу, вышедшего из-за павильона со львами. Бросив взгляд на Кэрелла, юноша прошел дальше. Минуты через три он вернулся. Было ему лет девятнадцать, не больше. Шел он быстро, по-птичьи подпрыгивая на ходу. Одет в спортивную куртку с поднятым воротником и поношенные брюки из серой фланели. Ветер раздувал его светлые волосы. Снова глянув на Кэрелла, он подошел к павильону и остановился. Кэрелл делал вид, что занят исключительно орешками, однако внимательно наблюдал за юношей, который, постояв у павильона, принялся прохаживаться взад и вперед. Спустя некоторе время он взглянул на свое запястье и растерянно пожал плечами, по-видимому, забыв дома часы. Кэрелл продолжал безмятежно крошить орешки.

Постояв в нерешительности некоторое время, юноша подошел к Кэреллу.

— Который час, скажите, пожалуйста? — спросил он.

Кэрелл сунул в рот очищенный орешек, отряхнул шелуху с колен и только после этого ответил:

— Без четверти пять.

— Спасибо, — поблагодарил юноша. — Холодновато сегодня...

— Да уж, — кивнул Кэрелл.

— Не возражаете, если я присяду?

— Пожалуйста.

Не вынимая рук из карманов, парень присел рядом.

— Пришли подышать воздухом? — вдруг спросил он.

— А вам-то что?

— Просто так.

— Послушайте, что вы ко мне пристали? Идите-ка отсюда!

— Почему это я должен уйти? Это ваш парк, что ли?

— Не хами, парень!

— Что вы сердитесь? Я только спросил...

— Нечего спрашивать, лучше помалкивай. Мало ли на кого можешь нарваться.

— Я и не подумал об этом, — улыбнулся юноша и, оглянувшись по сторонам, заметил: — Но ведь никого нет...

Кэрелл молча кивнул в ответ.

— Я только хотел... — начал юноша и осекся, заколебавшись, надо ли продолжать, и, наконец, решился: —

Послушайте, мы же здесь по одному и тому же делу, не так ли?

— Как сказать...

— Будет вам! Я же вижу.

— Я пришел сюда подышать свежим воздухом и погрызть орешки, ясно?

— Конечно, конечно...

— А вот ты зачем здесь?

— Сперва вы скажите.

— Ты тут новичок? — спросил вдруг Кэрелл.

— Что?!

— Послушай, парень, вот тебе мой совет — ни с кем не заговаривай о порошке... — решил пойти напролом Кэрелл. — Даже со мной. Может быть, я лягавый. Откуда ты знаешь?

— Я и не подумал об этом.

— Вот именно. Даже не подумал. Лягавый тут же бы тебя арестовал. Если бы ты занимался делом столько сколько я, то никому бы не доверял.

— Почему же вы доверяете мне? — ухмыльнулся юноша.

— Да потому что ты, как вижу, не лягавый, и к тому же новичок.

— И все же я могу оказаться лягавым...

— Ну, нет, у меня глаз наметан на лягавых, и к тому же ты слишком молод. Лет восемнадцать?

— Почти двадцать.

Кэрелл взглянул на часы.

— Черт возьми, начало шестого! Может, с ним что-нибудь случилось?

— Надеюсь, что нет. Опаздывает. Обещал быть в половине пятого.

— Да, — кивнул Кэрелл. Ему стало ясно, что Гонзо может появиться с минуты на минуту, если придет вообще.

— Вы знакомы с этим Гонзо? — поинтересовался юноша.

— Тише, не называй имен! — шикнул на него Кэрелл, оглядываясь. — Зеленый ты совсем!

— Но нас никто не слышит, — пожал плечами парень. — Только псих будет торчать тут на морозе, если ему ничего не нужно.

— Ох, парень, эти чертовы фараоны могут подкрасться так тихо, что ты узнаешь об их присутствии только, когда на руках уже будут стальные браслеты.

— Чепуха. Никаких фараонов здесь нет. Послушайте, может, пойдем поищем его, а?

— А я даже не знаю, как он выглядит...

— Я тоже. Вы брали у Анибала?

Кэрелл кивнул.

— Я тоже. Хоть и черномазый, а парень был неплохой.

— Да... А ты имеешь представление, как выглядит этот новый?

— Знаю только, что он лысоват.

— Он что — старик?

— Не думаю. Лысоват и все. Многие молодые лысеют, знаете ведь...

— Конечно, конечно, — согласился Кэрелл, глянув на часы. — Пора бы ему подойти...

— А который час?

— Начало шестого.

— Ничего, еще придет... Значит, вы впервые к этому Гонзо? Жаль Анибала, вдруг повесился...

— Да... Но я успел запастись у него большой дозой, и мне хватило на эти дни.

— А я брал у кого попало, и раза два мне всучили дрянь... Нужно знать, с кем имеешь дело...

— А ты думаешь, что этому Гонзо можно верить?

— Кто его знает? Пойду-ка я все-таки посмотрю вокруг павильона. Может быть, он там.

Парень встал, все еще не вынимая рук из карманов, и направился в сторону павильона. Кэрелл увидел, как он, дойдя до угла, остановился и, обернувшись, отрицательно покачал головой и двинулся дальше.

Все дальнейшее произошло очень быстро. Парень только-только скрылся за павильоном, как к Кэреллу подошел полицейский, выросший словно из-под земли.

— Что ты тут делаешь? — спросил он.

— Я? — удивленно воззрился на него Кэрелл, впервые увидев этого блюстителя порядка. Он проклинал себя за то, что не знает его, вернее, за то, что тот не знает Кэрелла, и не может в сложившейся ситуации показать свое служебное удостоверение — парень мог вернуться в любой момент.

— Да, ты. Нас здесь только двое.

— Просто сижу.

— Что-то давненько торчишь тут.

— Люблю посидеть на свежем воздухе, — лихорадочно думая, как быть, отозвался Кэрелл.

Но тут из-за павильона вышел парень и при виде полицейского замер на месте и сразу же исчез за углом, наблюдая, что тут происходит.

— А разве есть закон, запрещающий дышать свежим воздухом в парке? — продолжал Кэрелл. — Я же никому не мешаю...

— Можешь помешать. Знаю я вашего брата. Станешь приставать к школьницам, которые тут проходят после занятий.

— Ни к кому я не собираюсь приставать!

— Встань!

— Зачем?

— Затем, что я должен обыскать тебя!

Кэрелл прекрасно понимал, что при этом полицейский сразу же обнаружит у него пистолет, и тогда ему придется объяснить, кто он такой, предъявить свое удостоверение, а это сорвет задуманную операцию... И парень может это увидеть, да и Гонзо может вот-вот появиться...

Кэрелл вспылил:

— Обыскать? А ордер у вас есть?

— Никакого ордера не требуется, — спокойно ответил полицейский. — Или ты дашь себя обыскать, или я стукну тебя по башке и доставлю в участок, как бродягу. Выбирай!

Не дожидаясь ответа, он схватил Кэрелла за отвороты куртки, которая при этом распахнулась, и полицейский увидел пистолет.

— Ого! — воскликнул он. — Это еще что?!

Искоса Кэрелл увидел парня. Когда полицейский выхватил у него из-за пояса пистолет, тот сразу скрылся.

— Я тебя спрашиваю, что это такое? — схватив Кэрелла за руку, вскричал полицейский.

Юноша все видел и убежал. Гонзо не пришел. Операция была сорвана.

— Отвечай! Что это такое? У тебя есть разрешение?

— Я Стивен Кэрелл, детектив из 87-го участка, — зло прошипел Кэрелл. — А ты только что сорвал мне операцию по задержанию торговца наркотиками!

12

Перышко. Это было не просто перышко, а вещественное доказательство, обнаруженное в комнате, где

...хотя Мария Эрнандес. После тщательного исследования оно оказалось голубиным. Единственная подушка на постели была из утиного пуха и, следовательно, перышко не могло быть из нее. Правда, не исключено, что его оставил в комнате не убийца, а кто-нибудь до него. Но если перышко попало сюда вместе с убийцей, то вполне вероятно, что он был любителем голубей. Нужно было проверить всех голубятников в городе.

— Тебе повезло, — резюмировал мужчина.

— Ты так думаешь? — спросил Гонзо.

— Мог бы и влипнуть. Сколько у тебя было при себе товара?

— Дело не в этом. Всего одна унция. Но я все пытаюсь заставить тебя понять — обстановка становится опасной.

— Нам это на руку.

— Так-то оно так, но одно дело, когда это касается других и совсем иное, когда речь идет о собственной шкуре.

— Но тебя же не схватили!

— Нет, но только потому, что я был очень осторожен, — Гонзо раскурил сигарету и продолжал: — Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Вполне.

— Вот и отлично. Тот тип был лягавый, и я уверен, что поджидал меня. Стало быть, сыщики на меня вышли и, возможно, им уже известно, что на самом деле произошло с Анибалом...

— Это не имеет никакого значения.

— Твердишь все время одно и то же! Делаешь вид, что спокоен. А вот я говорю, что мы основательно влипли и пора с этим кончать. Позвони, наконец!

— Позвоню, когда сочту нужным. Ну, хватит! Мне нужно взглянуть на голубятню, как там мои питомцы... В такую погоду...

— Будь они прокляты, твои голуби, и ты вместе ними! — возмутился Гонзо. — Ладно, лезь, полюбуйся своим сокровищем, но только позвони Бирису, как можно скорее, и помни, что я никакого отношения к этой истории не имею, но...

— Нет, имеешь, и очень большое!

— Ничего подобного! Именно об этом я тебе твержу все время. Ты надавал мне кучу обещаний, но ни

одного не выполнил. Что с твоей затеей? Кто сказал тебе, что парень Бирнса — наркоман?

— Ты, Гонзо, это правда.

— Верно. Ну, а что дальше? Когда ты начнешь выполнять обещанное?

— Но ты же получил клиентуру Анибала, не так ли?

— Мелочь! — выкрикнул Гонзо. — Ты расписал мне это как большое дело. Где оно? Разве я не сделал все, как ты просил? Разве я не рисковал головой с Марией Эрнандес? По-твоему, ее легко было уговорить?

— По-моему, легко. Только помахать у нее перед носом четвертной купюрой.

— Нет, совсем не легко. Парень-то все-таки ее брат, и у нее даже в мыслях не было, что он скоро отправится на тот свет.

— Другого пути не было.

— Будь по-твоему, я не желаю разговаривать об этом. Об убийстве мне ничего не известно, слышишь? Анибал и его сестра — твоя забота. Да, вот еще что... Почему ты пор...

— Заткнись!

— Молчу, молчу. Но вот что я тебе скажу: сыщики из этого проклятого 87-го участка что-то пронюхали, я и должен о себе позаботиться. Отвечать за тебя я не собираюсь, и ничем больше ты меня заниматься не заставишь! Мне нужно лишь то, что ты мне обещал — за наводку и за то, что я сделал для тебя с Марией Эрнандес. Без меня ты бы никогда...

— Ты получишь все, что обещано. Знаешь, Гонзо, в чем твоя слабость?

— Нет. Ну-ка скажи. Сгораю от нетерпения.

— А в том, что ты не видишь дальше собственного носа. Получил возможность заняться действительно крупным делом, но по-прежнему копаешься в дерьме.

— Зато ты порхаешь в облаках, с чем тебя и поздравляю.

— Да пошевели же ты мозгами, болван! Как только я объясню Бирнсу...

— Когда? Когда же ты позвонишь ему, наконец?!

— Проверь голубятников! — крикнул Бирнс в трубку внутреннего телефона. — Если у тебя есть информаторы, черт возьми, почему ты не используешь их?!

Кэрелл на другом конце провода терпеливо вздохнул. Он не мог понять причину раздражительного состояния Бирнса в последние дни.

— Пит, я уже разговаривал с моими людьми, но никто из них не слышал о Гонзо... Даже имени такого не знают. Скоро мне должен позвонить Денни Джимми и как только...

— Не могу поверить, чтобы никто не знал о Гонзо! — вскричал Бирнс. — Не могу поверить, что бригада из шестнадцати детективов не могла найти какого-то мелкого торгаша наркотиками... Извини, Стив, но ты меня в этом не убедишь.

— Видите ли...

— Ты проверял по другим участкам? Не свалился же он с луны? Так не бывает. Если он торгует наркотиками, у него могут быть приводы и, следовательно, он на учете в полиции.

— Возможно, он новичок.

— Значит, должен быть в картотеке несовершеннолетних преступников.

— Проверял. И там его нет. Пит, не исключено, что Гонзо — лишь кличка.

— Для чего же у нас тогда катотека кличек!

— Пит, да не волнуйтесь вы! Повторяю, он может оказаться новым человеком, одним из молодых преступников, только-только начавшим заниматься торговлей наркотиками. Вовсе не обязательно , чтобы он состоял у нас на учете. На улице можно встретить сотни подростков, у которых нет приводов или задержаний...

— Пусть так! — прервал Бирнс. — Но неужели ты не можешь найти этого паршивца? Известно, что клиентуру Эрнандеса перехватил Гонзо, и это, возможно, было поводом для убийства.

— Если бы у Эрнандеса была большая клиентура, то возможно... Но, Пит, послушайте...

— У тебя есть личная версия, Стив?

— Пока нет.

— То-то и оно! Найди мне Гонзо!

— Пит, вы разговариваете со мной так, словно...

— Послушай, Кэрелл, 87-й участок пока что возглавляю я! — сердито крикнул Бирнс.

— Хорошо, хорошо, я это знаю. Вчера я встретил парня, который хотел купить героин у Гонзо. Я знаю его в лицо и сегодня попытаюсь найти. Он может вы-

вести меня на Гонзо. Но сперва позвольте мне узнать, какие новости у Денни Джимпа.

— Ты думаешь, что юнец, которого ты вчера встретил, знает Гонзо?

— Он сказал, что не знает, а при виде полицейского скрылся. Не исключено, что сегодня он встретится с Гонзо и выведет меня на него. Посмотрим по обстановке. А пока я жду звонка от Денни.

Бирнс сидел за столом и смотрел в окно. Он чувствовал усталость и досаду за то, что кричит на подчиненных и скрывает от них сведения, которые могли помочь расследованию. А вдруг такой опытный детектив, как Кэрелл установит, кому принадлежат отпечатки пальцев на шприце и обнаружит, что убийца — его сын Ларри?!

На столе зазвонил телефон. Бирнс торопливо взял взял трубку.

— Слушаю.

— Лейтенант, говорит дежурный Кэссиди.

— Ну что там, Майк?

— Вам звонят.

— Кто?

— Он не назвался. Требует вас.

— Он... он хочет говорить со мной? — спросил Бирнс.

— Да, сэр.

— Соедини.

— Алло! — послышалось в трубке, и Бирнс узнал человека, звонившего в прошлый раз.

— У телефона лейтенант Бирнс.

— Добрый день, лейтенант. Как поживаете?

— Кто говорит со мной?

— Ну, знаете, лейтенант, вы задаете не очень умный вопрос.

— Что вам нужно?

— Мы одни, лейтенант? Мне не хотелось бы, чтобы кто-нибудь слушал, как мы обсуждаем личные дела.

— Мои разговоры никто не слушает.

— Вы вполне в этом уверены, лейтенант?

— Говорите, что вы хотите.

— Вы потолковали с сыном, лейтенант?

— Да, — ответил Бирнс, прикрыв трубку рукой.

— И он подтвердил то, о чем я упомянул в прошлый раз?

— Да...

— Ужасно, не так ли, лейтенант? Такой славный парень... — собеседник внезапно заговорил деловым тоном. — Вы проверили отпечатки пальцев?

— Да.

— И они принадлежат?..

— Да.

— Интересно, не так ли, лейтенант?

— Мой сын не ссорился с Эрнандесом...

— У меня есть свидетель.

— Кто?

— Вы будете удивлены.

— Говорите же!

— Мария Эрнандес.

— Что?!

— Да. Чем дальше, тем хуже, не так ли? Единственная свидетельница ссоры внезапно оказывается убитой. Совсем худо, а, лейтенант?

— В ночь убийства Марии Эрнандес мой сын был со мной! — заявил Бирнс.

— И вы думаете, что присяжные поверят этому? Особенно после того, как выяснится, что папочка скрыл кое-что от властей?.. Вы сообщили кому следует, чьи отпечатки пальцев обнаружены на шприце?

— Н-н-ет... Не сообщил. Послушайте, что вам нужно?

— Скажу, скажу. Вы нетерпеливый человек, лейтенант.

— Черт вас возьми, что вам нужно? Деньги?

— Вы недооцениваете меня, лейтенант. Я...

— Алло... — послышался еще один голос в трубке.

— Это что такое? — возмутился Бирнс. — Кто смеет...

— Извините, лейтенант, — сказал Кэссиди. — Мне нужен Кэрелл. Должно быть, неправильно соединили. Ему звонит Денни Джимп.

— Освободите линию, Кэссиди! Немедленно!

— Слушаюсь, сэр.

Кэссиди отсоединился, и Бирнс сказал в трубку:

— Говорите, нас никто не слушает. Говорите!

Молчание.

— Алло... Алло... — Никто не отзывался. Бирнс положил трубку и долго молча сидел у стола. И когда спустя минут пять раздался стук в дверь, он уже принял решение.

— Войдите.

Вошел Кэрелл.

— Я только что разговаривал с Денни Джимном, сообщил он, — но и тут не повезло. Никакого Гонзо он не знает.

— Да? — утомленно отозвался Бирис.

— Поэтому я сейчас снова отправляюсь в парк, может быть, встречу того юнца. Если там не найду, попытаюсь в другом месте.

— Хорошо. Сделай все возможное.

— Слушаюсь. — Кэрелл направился к двери.

— Стив, до твоего ухода...

— Да? — обернулся Кэрелл.

— Ты должен узнать кое-что... Есть многое, о чем ты должен узнать...

— Что случилось, Пит?

— Отпечатки пальцев на шприце, — собравшись с духом, проговорил Бирис, — принадлежат моему сыну...

13

— Мама! Отопри дверь! Мама...

Гарриет, стоявшая внизу у лестницы, не двигалась с места.

— Мама!

— Что тебе, Ларри?

— Поднимись сюда. Разве ты не можешь подняться сюда?!

Гарриет поднялась к комнате сына и, остановившись у запертой двери, тихо спросила:

— Что ты хочешь, сынок?

— Отопри...

— Зачем?

— Я хочу выйти.

— Отец же сказал, что ты должен быть у себя в комнате. И доктор...

— Конечно, конечно, мама, — ласково проговорил Ларри. — Но сейчас я чувствую себя хорошо. Выпусти меня, мама...

— Нет! — твердо ответила Гарриет.

— Мама, — настаивал Ларри, — разве ты не понимаешь, что я уже поправился? Я чувствую себя превосходно. Но я тут, как в клетке, а мне хочется немного походить по дому.

— Нет!

— Но, мама...

— Нельзя, Ларри.

— Боже мой, что же мне делать? Почему вы мучаете меня, мама! Позвони этому паршивцу доктору, да побыстрее! Слышишь?

— Но, Ларри...

— Заткнись! Мне осточертело все это! Ну, ладно, я наркоман. Да, да, наркоман! И мне нужен укол! Иди и достань для меня!

— Если хочешь, я вызову Джонни, но героина он тебе не привезет.

— Ты и отец друг друга стоите... Отопри эту проклятую дверь! Я выброшусь в окно, если ты не отопрешь! Слышишь? Выброшусь!

— Ладно, Ларри, — спокойно отозвалась Гарриет. — Я отопру тебе дверь.

— Давно пора! Отпирай!

— Минуту...

Гарриет прошла в спальню. Из верхнего ящика комода она достала небольшой пистолет, инкрустированный перламутром, который она не вынимала оттуда с того самого дня, когда Пит подарил ей его. С пистолетом в руке она вернулась к двери Ларри.

— Это ты, мама?

— Да, подожди, — Гарриет достала ключ из кармана фартука, открыла дверь и, держа перед собой пистолет, отступила в коридор.

Ларри бросился к двери, но, увидев пистолет, обалдело воззрился на мать.

— Ты... ты что это?..

— Вернись в комнату, — приказала Гарриет, не опуская пистолета. Войдя в комнату сына, придвинула к двери стул и села.

— Зачем у тебя оружие? — растерянно спросил Ларри.

— Зачем? Ты же сказал, что хочешь выброситься из окна. Так можно разбиться насмерть. Вот я и захватила с собой пистолет.

— Не... не понимаю...

— Ни через дверь, ни через окно ты не покинешь эту комнату, а если попытаешься, то мне придется застрелить тебя.

— Что ты говоришь, мама?! — спросил пораженный Ларри.

— То, что слышишь. И, к слову сказать, я хорошо

стреляю. Меня обучил отец. Ну, а сейчас присядь и потолкуем.

— Ты... ты шутишь, мама...

— Ну, знаешь, Ларри, было бы глупо с твоей стороны считать это шуткой. Такими вещами не шутят.

Ларри, растерянно мигая, глядел на пистолет.

— Сядь, — повторила Гарриет. — Ты думал о том, что подарить отцу на Рождество?

Находясь на крыше голубятни, мужчина размышлял о последних событиях. Он отлично представлял себе, к каким опасным последствиям может привести арест Гонзо. Тревожило его и то обстоятельство, что Бирнс организовал прослушивание телефона, хотя и заверял, что их не станут подслушивать. Казалось бы, это должно свидетельствовать о безрассудстве Бирнса, но когда речь идет о судьбе собственного сына, на что только не пойдешь...

Черт побери, как ветрено на крыше! Он похвалил себя за то, что в свое время заделал рубероидом решетчатые голубятни. Конечно, голуби — выносливые птицы, и даже в зимние дни носятся в небе, но ему не хотелось, чтобы они мерзли. Вот сейчас совсем плохо выглядит маленькая голубка. Уже несколько дней, как отказывается от пищи. Придется приглядывать за ней. Правда, остальные в полном порядке. У него было несколько голубей из породы хохлатых, и он мог часами любоваться ими. А турман... Бог мой, какие сальто он проделывал в полете!..

Да, но каким образом сыщики вышли на Гонзо? Может быть, девчонка успела натрепать? Если так, фараоны не стали бы валять дурака с розыском Гонзо, а пришли бы прямо к нему. Как же все-таки они пронюхали про Гонзо? Может быть, видели, как Гонзо разговаривал с ней в день смерти Анибала? Возможно. Но почему все так запуталось? Он действовал по тщательно разработанному плану, однако сейчас, когда этот план оказался неосуществимым, следует ли ему снова позвонить Бирнсу? И кто же все-таки мог увидеть девчонку с Гонзо? Не разговаривали ли они в той самой комнате, в которую она привела его? В комнату, в которую их пустила эта женщина... как ее?.. Кажется, Долорес? Да, Долорес! Знала ли Долорес о встрече Гонзо с Марией? Может быть, видела его раньше и узнала? Но, нет, нет... Полиция, несомненно, ведет наблю-

[illegible] за всеми известными ей торговцами наркотиками, но Гонзо им неизвестен. Он всего лишь мелкий гангстер, случайно натолкнувшийся на ценную информацию и сообразивший сообщить о ней нужному человеку... У Гонзо приводов нет. Гонзо неизвестен полиции как торговец наркотиками, и его не знают даже его соседи, во всяком случае под этой кличкой. Как же все-таки полиция вышла на него? Неужели Мария проболталась Долорес? Неужели сделала такую глупость? Что все-таки известно Долорес?

Он в последний раз взглянул на больную голубку и спустился с крыши. Деловито направился к дому, где бывал с Марией. Осмотревшись, быстро поднялся на второй этаж и постучал.

— Кто там? — послышалось из-за двери.

— Друг, — ответил он.

Дверь отворилась. Внезапно у него мелькнула мысль, что отступать ему теперь некуда. А что, если старуха ничего не знает? Что тогда? Как расспросить ее, чтобы она ни о чем не догадалась?

— Кто вы? — спросила Долорес.

— Можно поговорить с вами?

— Что вам нужно?

— Я из полиции, — солгал он. — Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Он прошел за старухой в грязную, дурно пахнувшую кухню.

— Я вас слушаю, — сказала Долорес.

— Говорила ли вам Мария Эрнандес в тот день, когда ее убили, с кем она хотела встретиться? Кто был тот человек?

— Я знаю вас? — спросила Долорес, внимательно рассматривая его.

— Вряд ли, если не бывали в 87-ом участке, — нашелся он.

— А не видела ли я вас тут, в нашем квартале?

— Я же служу здесь и естественно...

— Я думала, что знаю в лицо всех полицейских из 87-го участка, — проговорила Долорес.

— Так что вы можете сказать об этом человеке?

— Разве вы, полицейские, не работате вместе?

— Я вас не понимаю...

— Я ведь уже рассказывала об этом тем, другим, которые приходили сюда. Один был детектив Мейер, а другой...

— Как фамилия другого?

— Не припомню... Кажется, Хенджел?.. Да, именно Хенджел...

— Верно! Действительно Хенджел. И вы все им сообщили?

— Конечно. На следующий же день. Внизу было полно полиции. Мейер и... — она было умолкла, а потом продолжала. — Темпль. Фамилия другого детектива была Темпль!

— Да, да...

— А почему вы прежде подтвердили, что Хенджел?

— Разве?

— Я сказала Хенджел, а вы подтвердили, — настаивала Долорес.

— У нас в отделении служит и Хенджел... Правда, Темпль тоже служит. Что же вы рассказали им?

Долорес посмотрела на него в упор и вдруг сказала:

— Знаете что? Предъявите-ка мне свое удостоверение!

Вот и снова мы топчемся около того же самого павильона со львами, — усмехнулся Кэрелл.

«Итак, друзья, с вами говорит Стив Кэрелл из львиного зала очаровательного ресторана в Гровер-парке. Вы слышите, леди и джентльмены, как готовится оркестр, чтобы порадовать вас чудесной музыкой. Передачи мы ведем ежедневно благодаря любезности «Национального общества любителей двустороннего воспления легких». Здесь, в ресторане Гровер-парка, нас ласкает нежный бриз, особенно приятный, когда он долетает до столиков львиного зала. Оставайтесь настроенными на нашу волну, и вас ожидает много смеха и сюрпризов. Одним из сюрпризов является сообщение моего начальника, лейтенанта Питера Бирнса, который доводит до вашего сведения, что его родной сын, школьник Ларри Бирнс, сегодня провозглашен наркоманом и подозревается в убийстве. Что вы скажете о таком маленьком сюрпризе, друзья? Ошеломлены, да? Я, например, чуть не свалился наземь, когда услышал, а вы?.. Бедняга Питер... Мне его жаль. Кое-кто из моих коллег его терпеть не может, а я вот люблю, и мне не нужен другой начальник, даже если его подадут мне на золотом блюде. Что-то он должен переживать сейчас?!»

Именно в эту минуту Кэрелл увидел вдали юношу, того самого, с которым познакомился вчера. На этот

раз он направлялся в сторону от павильона со львами. Может быть, вчерашнее появление полицейского насторожило Гонзо, и он назначил другое место встречи своим клиентам?

Юноша не видел Кэрелла, но если и заметил, то вряд ли узнал бы его. На этот раз на Кэрелле была старая шляпа с опущенными полями и потрепанное пальто, которое делало его значительно старше. К тому же под носом у него появились усы, из-за которых Кэрелл чувствовал себя неловко. Пальто было застегнуто на все пуговицы, а в правом кармане — револьвер.

Не медля ни минуты, Кэрелл направился вслед за юношей, который, видимо, очень спешил. Взбежав на пригорок, юноша в нерешительности постоял у столба с указателями «Тюлени», «Пресмыкающиеся», «Площадка молодняка», а затем направился к павильону с пресмыкающимися.

Кэрелл хотел было нагнать юношу и задать ему несколько вопорсов. Но, если тот спешил на встречу с Гонзо, пожалуй, не стоило его останавливать. Ведь у Кэрелла была четкая задача — задержать торговца наркотиками, который, по-видимому, имел отношение к убийству Анибала Эрнандеса.

Юноша уже не торопился. Время от времени он осторожно оглядывался по сторонам, однажды остановился, чтобы взглянуть на часы, и затем направился дальше. Вероятно, у него еще было время до встречи. А который теперь час? Кэрелл взглянул на часы — три пятнадцать. Резонно предположить, что встреча назначена на половину четвертого, может быть, поэтому юнец и разгуливает по парку? Сейчас он направился по мощеной дорожке к туалету. Как только он скрылся там, Кэрелл обошел туалет вокруг и, убедившись, что другого выхода из него нет, сел поблизости на скамейку. Ждать пришлось минут пять. Выйдя, юноша быстро направился к павильону с пресмыкающимися. Кэрелл усмехнулся при мысли, что террариум со змеями был бы самым подходящим местом встреч наркоманов с барыгами. Он продолжал наблюдение, предвкушая предстоящий арест Гонзо.

Но в это время, словно по команде режиссера, снимающего массовые сцены, парк вдруг словно ожил... Появилась экскурсия школьников в сопровождении учителя, у которого было растерянное выражение лица. Всем своим видом он хотел показать, будто не имеет

...ского отношения к этой ораве ребят. Такое выра... лица бывает у пассажира метро, который ока... между двумя пьяными и хочет крикнуть на весь ...: «Я не с ними!». Но, к несчастью учителя, ребята ... с ним, и более шумных сорванцов Кэрелл еще не встречал.

Протискиваясь сквозь эту шумную, галдящую толпу, Кэрелл услышал, как один из школьников сказал:

— Тут есть змея, которая может сожрать целую свинью!

— Ну ты и скажешь! Таких и змей-то нет! — возразил другой.

— Ну уж! Много ты знаешь! Мой отец сам видел, как змея заглатывала свинью! И эта змея есть здесь!

— Та самая?

— Да не та самая, дурак! А такая же!

— Откуда ты знаешь, что она может заглотнуть целую свинью?

Разговор был занятным, однако Кэрелла больше интересовала другая дичь, которая сейчас уже вошла в павильон с пресмыкающимися, и потерять ее из виду он не хотел. Юноша сразу направился к террариуму, в котором находились две кобры. Словно завороженный, или делая вид, что заворожен, он наблюдал за змеями и раз-другой даже постучал по стеклу.

Кэрелл остановился у террариума с гремучей змеей, свернувшейся кольцом и не обращавшей внимания на посетителей. Но Кэрелл, стоя перед стеклом, отгораживающим его от змеи, мог незаметно наблюдать за юношей в другом конце павильона — в стекле отчетливо отражалось все помещение.

По-видимому, юноша был любителем змей. Он постукивал по стеклу, бормотал что-то себе под нос, напоминая одуревшего от счастья молодого отца у окна родильного дома. Но тут в павильон с гомоном ворвалась ватага школьников, а у террариума с кобрами появился парень в черной кожаной куртке.

Лишь только взглянув на нового посетителя, Кэрелл решил: «Гонзо!»

Гонзо или нет, однако, несомненно, это был тот, кого поджидал юноша. Из-за шума, который подняли школьники в павильоне, Кэрелл ничего не слышал, но успел заметить, как юноша и вновь вошедший обменялись быстрым рукопожатием, одновременно сунули руки в карманы, а затем снова подали друг другу руки.

Кэрелл понял, что один получил деньги, а другой — наркотик.

Теперь Кэрелла больше уже не интересовал юноша, за которым он долго следил. Сейчас его интересовал другой, в кожаной куртке. Тот, следом за которым Кэрелл пришел в павильон, покинул помещение. Парень в черном поднял воротник куртки и направился в другом направлении. Кэреллу очень хотелось задержать его с наркотиком в карманах, доставить в участок и допросить по делу об убийстве Анибала Эрнандеса, но школьники и на этот раз помешали ему. Он уже пошел было следом за парнем в кожаной куртке, как послышался душераздирающий вопль какого-то подростка:

— Вот же он, тут!

Раздайся этот вопль где-нибудь в джунглях, он мог бы напугать и бывалого охотника. Подействовал он и на Кэрелла. Прошло несколько секунд, прежде чем он опомнился и сообразил, в чем дело. Школьник увидель питона за стеклом террариума и помчался туда, чтобы узнать, будет ли тот сегодня глотать целую свинью. Хорошо еще, что Кэрелл успел отскочить в сторону, иначе бы его смяла бросившаяся за мальчишкой буйная орава, в хвосте которой плелся ее усталый и пристыженный руководитель.

Кляня всех учителей и школьников, Кэрелл выскочил на морозный воздух, однако парня в черной кожаной куртке и след простыл. Кэрелл несколько раз пробежал по дорожке, оглядываясь по сторонам, — куда же тот скрылся. Проклиная свое невезение, Кэрелл вдруг увидел светловолосого юношу. Конечно, в первую очередь ему нужен был тот, другой, но ведь и этот тип только что купил «товар». Нельзя было терять ни минуты, и Кэрелл тут же принял решение. Он поравнялся с парнем и взял его за руку.

Тот повернулся к нему, и несколько секунд его лицо ничего не выражало, но узнав в Кэрелле вчерашнего собеседника, он напрягся, с силой оттолкнул Кэрелла и пустился наутек.

Надо сказать, что юноша чемпионом не был, но бегать мог быстро. Кэрелл еще не успел перевести дыхание, а тот уже добежал до поворота дорожки, направляясь к роще. Кэрелл бросился вдогонку. Он не понимал, почему юноша пошел на риск бегства, но размышлять над этим у него не было времени. Сейчас нужно было использовать не голову, а ноги и оружие,

однако, Кэрелл не вынул револьвер из кармана. Задержать какого-то наркомана можно было и без оружия. Даже не предполагая, что его ждет, Кэрелл бежал на холм к роще.

Увидев парня за грудой валунов, детектив ускорил бег, с сожалением подумав, что он не так уж молод. Тяжело дыша, он пробирался между деревьями, через завалы камней и валунов, время от времени теряя юношу из виду. Обогнув большой валун, он остановился, как вкопанный, перед дулом направленного на него револьвера.

— Не вздумай кричать, фараон! — пригрозил юноша.

Кэрелл растерянно замигал. Он не ожидал, что у парня окажется оружие и сейчас, кляня свою глупость, пытался собразить, как ему выпутаться из создавшегося положения. Он посмотрел юноше в глаза и определил, что тот не находится под действием наркотических средств. Возможно, ему удастся уговорить его. Однако револьвер юноша держал твердо, и глаза его выражали решимость.

— Послушай... — попытался заговорить Кэрелл.

— Я сказал — молчать! А то пристрелю!

Юноша проговорил это спокойно и просто, и Кэрелл понял, что он не шутит.

— Руки в стороны! — приказал юноша. — Где он?

— Кто?

— Револьвер, который у тебя вчера обнаружил фараон.

— Ты думаешь, я сыщик?

— По кобуре видно. Мои дружки не носят шпалеры в кобурах. Ну-ка, доставай...

Кэрелл пошевелил было рукой.

— Не двигайся! Я сам достану.

— Зачем ты нарываешься на неприятности, приятель? Ведь мог бы отделаться штрафом за мелкое правонарушение.

— Ты так считаешь?

— Конечно. Спрячь-ка свою пушку, и я забуду, что видел ее.

— Что с тобой, дрейфишь?

— А что мне дрейфить? — возразил Кэрелл, не сводя глаз с юноши. — Не думаю, что ты совершишь глупость и станешь стрелять в общественном парке.

— Ты это серьезно? Или не знаешь, сколько народу ежедневно убивают в парках?

Сколько? — спросил Кэрелл, лихорадочно размышляя, как ему отвлечь парня, чтобы успеть выхватить из кармана револьвер...

— Много. Почему ты следишь за мной, шпик?

— Да ты не поверишь... — начал Кэрелл.

— Только не сочиняй басен.

— Мне нужен твой дружок.

— Зачем он тебе?

— Хочу задать ему несколько вопросов.

— О чем?

— Это мое дело.

— Где твой шпалер? Начнем с этого.

Кэрелл заколебался, но, глянув на дуло револьвера, быстро сказал:

— В пальто, в правом кармане.

— Повернись кругом.

Кэрелл повиновался.

— Подними руки и не вздумай фокусничать, иначе я выстрелю. Не пытайся испытывать меня, я не побоюсь нажать на спуск. Понял?

— Понял.

Кэрелл почувствовал, как рука юноши побывала у него в кармане, который стал вдруг неприятно легким.

— Вот и хорошо. Ну, а теперь поговорим. Повернись обратно. Кэрелл все еще не верил, что положение действительно серьезное. Он и прежде оказывался в подобных переделках и не сомневался, что или уговорит парня, или сумеет достать револьвер из кармана. Однако револьвера в кармане уже не было, а парень не сводил с него твердого и решительного взгляда. И у Кэрелла внезапно появилось предчувствие, что он смотрит смерти в глаза.

— Как же ты глуп, — заметил он, понимая что слова эти звучат неубедительно. — У тебя нет причин убивать меня. Я же сказал, что не ты мне нужен.

— Зачем же ты задавал мне вчера всякие вопросы? Думал, небось, как здорово у тебя все получается? Выпытывал у меня, а на самом-то деле это я проверял тебя. Я сразу почуял, кто ты, и подыгрывал тебе, а тут мне помог еще и полицейский. Как только он вытащил шпалер у тебя из-за пояса, все сразу стало ясно.

— Я еще раз повторяю, что ты мне не нужен, — терпеливо настаивал на своей версии Кэрелл.

Они стояли в тени большого валуна. Кэрелл пытался

решить, есть ли у него возможность броситься на юношу, сбить с ног и завладеть револьвером.

— Не нужен? Не морочь ты мне голову! Кое-кто похитрее тебя пытался это сделать, да обжегся.

— Да на кой черт мне нужен какой-то наркоманишка!

— Это я-то наркоман? Будет тебе! Не пудри мне мозги. Не проведешь!

— Никак не пойму, что с тобой! Мне и раньше приходилось иметь дело с перетрусившими наркоманами, но ты, пожалуй, самый трудный. Почему ты так боишься, что тебя задержат? Ведь я же только хочу спросить тебя о парне, с которым ты встретился. Неужели не можешь понять такой простой вещи? Не ты мне нужен, а он.

— Но ты же сказал, что наркоманы тебя не интересуют?

— Я и сейчас это говорю.

— Почему же он интересует тебя? Сейчас ему лет восемнадцать, а наркотики он употребляет уже года четыре и даже спать ложится, приняв дозу героина. Ты сам себе противоречишь.

— Но ведь он торгует наркотиками, не так ли? — удивился Кэрелл.

— Он?! — расхохотался юноша. — Да ты, оказывается, шутник!

— Я не пони...

— Знаешь, что я тебе скажу? Вот послушай. Ты выслеживал меня и вчера, и сегодня. У меня сейчас с собой столько товара, что если бы ты задержал меня, это оказалось бы стоящим делом. Я также нарушаю закон о хранении оружия, ведь у меня нет разрешения на эту пушку. Ты можешь предъявить мне обвинение в сопротивлении властям, да еще придумаешь какую-нибудь статью закона за то, что я отнял у тебя оружие. Да ты просто отправишь меня за решетку... Даже если я отпущу тебя, завтра, все равно меня схватишь, и уж, конечно, твои дружки и всякие там судьи поверят тебе, а не мне...

— Послушай, смывайся-ка ты отсюда поскорее! Спрячь свою пушку и уноси ноги. Я не напрашиваюсь на пулю и не хочу ссориться с тобой. Я уже сказал тебе об этом. Мне нужен твой приятель. Мне нужен Гонзо.

— Знаю, — усмехнулся юноша, и глаза у него опять зловеще сверкнули в прищуре. — Но Гонзо — это я.

Кэрелл попытался было отскочить в сторону, но вдруг почувствовал резкую боль в груди и понял, что падает. Небо как-то странно опрокинулось, земля ушла из-под ног, и он грохнулся на камни. Что-то мокрое и теплое ощутил он под собой, попытался встать и сообразил, что лежит в собственной крови. Теряя сознание, он успел заметить быстро удалявшегося Гонзо.

Только спустя полчаса Кэрелл был обнаружен полицейским, обходившим свой участок Гровер-парка.

В тот же день на территории 87-го участка произошло еще одно происшествие.

— Жертва — старуха, — доложил полицейский, побывавший на месте. — Соседи сообщили, что ее зовут Долорес Фоурд.

— Что же там случилось? — спросил дежурный сержант.

— Ее или столкнули с лестницы, или сама свалилась. Разбилась насмерть.

14

— Говорит Денни Джимп. Мне нужен Кэрелл.

Дежурный сержант не любил стукачей, хотя и знал, что у Денни Джимпа бывают иногда полезные полиции сведения. П омнению сержанта, все стукачи были подонками, и даже разговаривать ему с ними было противно.

— Кэрелла нет, — отрезал он.

— А когда он будет?

Денни так давно был осведомителем, что уж и не помнил, когда начал этим заниматься. Он знал, что в преступном мире его подозревают, но это его не тревожило. Настоящая его фамилия была Нельсон, но лишь немногие знали об этом. Ему было пятьдесят четыре года, но, низенький и щуплый, он скорее походил на подростка. Даже голосок у него был тоненький, пронзительный. Говоря по совести, Джимп не очень жаловал полицейских, хотя и служил им. И все же один полицейский был ему по душе — Стив Кэрелл.

— Зачем он тебе нужен? — спросил сержант.
— Есть к нему дельце.
— Что именно?
— Вы что, новичок в полиции?
— Положи трубку и не умничай, понял?
— Мне нужен Кэрелл. Передайте, что я звонил.
— Ничего я ему не могу передать.
— Почему?
— Он ранен и находится в больнице.
— Что?!
— То, что слышишь. Может, повторить?
— Ранен... — растерянно проговорил Джимп. — Стив... Вы шутите?
— Какие уж тут шутки.
— Кто его ранил?
— Вот это мы и хотели бы узнать.
— Где он?
— В главной городской больнице, но не трать время на посещение. Состояние тяжелое, и к нему не пускают.
— Но он же не умирает, — проговорил Денни Джимп, словно уверяя в этом самого себя. — Ведь не умирает, правда?
— Кэрелла подобрали полузамерзшим и потерявшим много крови. Он ранен тремя пулями в грудь, и дела его плохи... У тебя все?
— Нет, я еще хотел... Вы сказали, что он в городской больнице?
— Да, но не трать время даром. Там сейчас половина нашего участка, и тебя просто не пустят.
— М-да, — протянул Денни. — Ничего себе денек...
— Стив Кэрелл был порядочным парнем, — отозвался сержант.

Последовав совету дежурного сержанта, Денни Джимп не пошел в больницу. Но он не спал всю ночь, размышляя о случившемся и спрашивая себя, как будет воспринято, если он все-таки пойдет навестить Кэрелла. А вдруг тот не захочет видеть его?.. До сих пор их связь носила исключительно деловой характер, и Денни отдавал себе отчет в том, что информатор не относится к числу уважаемых людей. Не исключено, что Кэрелл откажется видеть его.

Однако, проснувшись утром в субботу, Денни все же стал собираться. Сам не зная почему, но он хотел повидать Кэрелла, может быть, даже пожать ему руку

в знак симпатии и сообщить те сведения, которые ему удалось собрать. Он оделся в лучший костюм, надел белую сорочку и повязал модный галстук, желая выглядеть самым респектабельным образом.

По дороге в больницу Денни купил коробку конфет, хотя и сомневался, следует ли это делать. Нелепо стукачу приходить в больницу к детективу с коробкой конфет... Он чуть было не выбросил конфеты, но в последнюю минуту передумал. Ведь все люди, навещающие больных, приносят им разные гостинцы. Денни Джимпу предстояло совершить визит в мир цивилизованного общества, и он не хотел ударить лицом в грязь.

Небо в суботу 23 декабря было серым и грозило снегом. У Денни возникло желание, как и у большинства людей, чтобы Рождество было белым. С этой мыслью он вошел через вращающуюся дверь в просторный вестибюль больницы. На стене красовалась большая рождественская гирлянда, но больше ничего не напоминало о празднике. Регистраторша за столом занималась маникюром. Поблизости сидел старик. Держа в руках шляпу, он озабоченно поглядывал на дверь с надписью «Первая помощь».

Сняв кепку, Денни подошел к столу, но медсестра даже не подняла на него глаз.

— Здравствуйте, — предварительно откашлявшись, обратился к ней Денни.

— Слушаю, — отозвалась девушка, накладывая лак на ноготь.

— Мне нужно навестить Стивена Кэрелла.

— Ваша фамилия?

— Нельсон. Дэниэль Нельсон.

Девушка отвела руку с накрашенными ногтями, а другой достала из папки лист бумаги, просмотрела его и сообщила:

— Вашей фамилии в списке нет.

— В каком списке?

— Больной в тяжелом состоянии, и к нему допускают только родных и товарищей по работе.

— А как он себя чувствует?

— Я же сказала, — глянула регистраторша на Денни, — больной в критическом состоянии.

— А... когда его можно будет навестить?

— Не знаю. Это зависит не от меня.

— Можно мне подождать тут?

— Пожалуйста.

Денни подумал, почему один из немногих честных порывов, когда-либо испытанных им, должен окончиться неудачей только из-за равнодушия какой-то из представительниц медицины, которую больше интересует собственный маникюр, чем судьба человека. Пожав плечами, он присел на скамейку рядом со стариком.

— Моя внучка порезала себе руку, — сообщил тот. — Открывала консервы и порезала. Это опасно?

— Не знаю.

— Она потеряла много крови... Надеюсь, это не страшно...

— Не волнуйтесь, все обойдется.

— Дай бог... Вы пришли навестить кого-то?

— Да.

— Приятеля?

— Как вам сказать?.. — Денни хотел было ответить, но в это время из двери выбежала девочка и бросилась к старику.

— Ну как? — встревоженно спросил тот.

— А мне дали леденец!..

Старик с внучкой ушли, а Денни остался один.

Тедди Кэрелл сидела у постели мужа и не сводила с него глаз. Окно в палате было задернуто шторой, но в полумраке она видела лицо Стива с открытым ртом и сомкнутыми глазами. У изголовья стояла тренога с капельницей, откуда по трубке в руку Кэрелла поступала кровь. Он был в забытьи.

«Нет, нет, он не должен умереть!» — молилась она за мужа, вспоминая, как они встретились в первый раз, когда он явился в контору, где она работала; в тот день хозяин сообщил в полицию о происшедшей краже. Она хорошо помнила, как он вошел. Высокий и стройный, он двигался легко и свободно. Представился ей, предъявил удостоверение, а она ответила, что секретарши сейчас нет, а она машинистка и временно заменяет секретаршу. На лице Кэрелла было заметно выражение интереса; когда она пошла докладывать хозяину и вернулась, он не спускал с нее взгляда.

Тедди вовсе не удивилась, когда через несколько дней Кэрелл пригласил ее в кино, хотя и не понимала, что он нашел в ней. Но после первого же свидания она поняла, что Стив Кэрелл всерьез заинтересовался ею, Тедди Франклин. Позднее он часто рассказывал ей об этом, однако потребовалось много времени, чтобы она

16 Зак. 1316

поверила. Даже после того, как Кэрелл сделал ей предложение, она все еще не могла поверить, что он в самом деле просит ее руки. Они поженились 19 августа, а сейчас было 23 декабря, и вот он лежит на больничной койке, и доктора предупредили ее, что положение его опасное и... Да, да, он может умереть...

Питер Бирнс спустился в вестибюль больницы. У Кэрелла он пробыл очень короткое время и услышал от него только одно слово, которое тот едва слышно прошептал, узнав лейтенанта: «Гонзо...» Больше ничего сказать не мог, а то, что Бирнс узнал от трех задержанных в парке наркоманов, ничем не могло помочь из-за их неопределенности. Других данных о Гонзо у Бирнса не было, и он не имел представления, где их теперь искать, если Кэрелл не выкарабкается...

Не лучше обстояли дела и дома. Ларри был в прежнем состоянии, и одно упоминание о докторе вызывало у него вспышку бешенства. Размышляя над всем этим, навалившимся на него, словно снежный обвал, Бирнс спрашивал себя, удастся ли ему излечить Ларри, и найдет ли он того (или тех), кто убил Анибала Эрнандеса? До праздника оставалось всего два дня, и Рождество не сулило ему ничего радостного...

Он спросил у дежурной медсестры в вестибюле, где тут поблизости есть более-менее приличная забегаловка. Девушка назвала ему бар на Лафайет-авеню. Он было направился к выходу, но тут его окликнули:

— Лейтенант!

Бирнс не сразу узнал человека, поднявшегося ему навстречу, — низенького, тощего, с коробкой конфет в руках. Узнав, Бирнс нахмурился.

— Что ты тут делаешь, Денни?

— Пришел навестить Кэрелла...

— Да? — холодно спросил Бирнс.

— Скажите, как он?

— Плохо... Извини, я очень спешу...

— Конечно, конечно...

Бирнс снова взглянул на Джимпа и добавил:

— Вот ведь как получилось... Но ничего, этот Гонзо не уйдет от нас. Мы...

— Кто? Вы сказали — Гонзо? Это он стрелял в Сти... в Кэрелла?

— Похоже, что так.

— Не может быть! И такой сопляк мог [illegible] Стива Кэрелла?

— Представь себе, — Бирнс не мог не обратить вни-мания, что Денни говорит о Гонзо так, как если бы знал его. Но эта мысль пришла ему в голову мгнове-нием позже. — Что ты хочешь сказать, называя его сопляком?

— Да ведь ему, насколько я могу судить, и двадца-ти еще нет. Видите ли, Сти... я хотел сказать Кэрелл, поручил мне навести справки об этом Гонзо, и я при-шел не с пустыми руками... Я хотел сказать, что соби-рал сведения, потому что Сти...

— Ну, хорошо, хорошо, можешь называть его Сти-вом.

— Вот послушайте. Об этом Гонзо никто ничего не слыхал, и для меня это явилось трудной задачей. Я подумал, как это может быть, чтобы трое юнцов при-шли в парк купить у Гонзо наркотик, и никто его не знает... Выходит, что он не из местных, не так ли?

— Говори, говори, — заинтересовался Бирнс.

— Тогда я спросил себя, если Гонзо не из местных, как же это получилось, что к нему перешла агентура Анибала? Ну, а если он знал Анибала, то, может быть, был знаком и с его сестрой? Вот как я рассуждал, лейтенант, думая над тем, что рассказал мне Стив.

— Ну и что же ты решил?

— Что нужно искать человека, не проживающего в нашем районе, но, возможно, знакомого с сестрой Ани-бала или с семьей Эрнандес, и поэтому я отправился к матери Анибала и Марии. Вы же понимаете, что я раз-говаривал с ней очень осторожно, пытаясь выведать, не является ли этот Гонзо ее племянником, свояком или вообще каким-нибудь родственником. Вы же знаете, что пуэрториканцы берегут семейные связи...

— Ну и что же? Гонзо их родственник?

— Родственника по имени Гонзо у них нет. Имя Гонзо ничего не говорило миссис Эрнандес.

— Я и без тебя это знаю, Денни. Мои люди уже допрашивали ее.

— Да? А мне она рассказала об одном дружке сво-его сына... Известно ли вам, что Анибал посещал собра-ния морских скаутов в Риверхеде? Я расспросил людей и узнал, что какой-то отставной моряк создал там груп-пу мальчишек под названием «Юные моряки», нарядил их в морскую форму, в которой они раз в неделю мар-

шировали по улицам. Анибал там бывал, но не для того, чтобы маршировать вместе с ними... Он продавал ребятам наркотики... Там он и познакомился с Дикки Коллинсом...

— А какое отношение все это имеет к Гонзо?

— А вы послушайте дальше. Я принялся разузнавать все, что можно, об этом Коллинсе. Он когда-то жил в нашем районе, но потом его отец устроился на службу в Риверхеде, и вся семья переехала туда. Но у Дика еще остались тут дружки, понимаете? Иногда он появлялся в нашем районе, и Анибал стал одним из его приятелей. Раза два он встречался и с его сестрой... Так вот, однажды вечером они сели поиграть в картишки. Недели две назад. Вчетвером.

— Ну, ну, продолжай!

— Игроков было четверо: паренек по имени Сэм Ди Люка, Дикки Коллинс, Мария Эрнандес и еще один из местных, но постарше.

— Фамилия?

— Ди Люка не помнит, а Мария Эрнандес уже ничего не скажет. Судя по тому, что мне удалось узнать, все они кололись героином. У каждого есть своя кличка и, может быть, поэтому им так понравилась кличка «Гонзо».

— Ближе к делу, Денни!

— Хорошо, хорошо... Так вот, во время игры тот, кто постарше, сказал что-то о каком-то гангстере, или «гонзл», как их величают в некоторых местах. Оказалось, что Коллинс никогда не слыхал этого слова и не знал, что оно означает. Видите ли, лейтенант, теперь это жаргонное словечко давно не в моде. Не расслышав, Дикки Коллинс переспросил: «Гонзо? Что это за чертовщина?» Это показалось всем смешным...

— Понимаю, — задумчиво проговорил Бирнс. — Ну, а дальше?

— После этого весь вечер все называли его «Гонзо». Во всяком случае, так мне рассказал Ди Люка.

— Значит, Коллинс — это и есть Гонзо?

— Факт! Он живет в Риверхеде.

— Гонзо стрелял в Кэрелла... Значит, это Коллинс... — Бирнс достал из бумажника десятидолларовую бумажку. — Вот, Денни, возьми.

— Нет, лейтенант, этого не нужно! — вдруг возмутился Дени.

Бирнс удивленно посмотрел на него.

— Но вы можете сделать для меня кое-что другое, — смущенно проговорил Денни Джимп.

— Чего ты хочешь?

— Повидать Стива.

Бирнс подошел к регистраторше и распорядился:

— Это наш сотрудник. Пропустите его.

— Слушаю, сэр, — ответила девушка и посмотрела на расплывшееся в улыбке лицо Денни.

15

Полицейские задержали Дикки Коллинса в сочельник, когда он выходил из церкви, и доставили в 87-й участок.

— Имя? — спросил Виллис.

— Ричард, или Дикки Коллинс.

— Какими кличками ты пользуешься? — поинтересовался Хэвиленд.

— Никаких кличек у меня нет.

— Оружие?

— Нет и никогда не имел.

— Анибал Эрнандес тебе знаком? — спросил Бирнс.

— Имя, вроде, знакомое.

— Ты знал его или нет?

— Возможно, знал. Я знал многих ребят в этом районе.

— Когда ты переехал отсюда?

— Месяца три назад.

— Почему?

— Отец устроился на новую работу, и мы переехали. К чему все эти вопросы? В чем я виноват?

— Что ты делал вечером семнадцатого декабря?

— Разве упомнишь... Когда, вы говорите?

— Неделю назад.

— Не помню.

— Ты виделся в тот день с Эрнандесом?

— Не помню.

— Начинай вспоминать!

— Нет, не виделся. Вечером в субботу?

— Нет, в воскресенье.

— Не виделся я с ним.

— А где ты был в тот вечер?

— В церкви.

— Где?!

— Каждое воскресенье я хожу в церковь поставить свечу в память о бабушке.

— Сколько времени ты провел в церкви?

— Около часа я молился.

— В какое время это было?

— От... десяти до одиннадцати, примерно.

— А что делал потом?

— Толкался по улицам.

— Кто тебя видел в это время?

— Никто. Да и для чего мне нужны были свидетели? Для алиби? Вы пытаетесь пришить мне убийство Эрнандеса?

— Почему ты думаешь, что он был убит?

— Ну, повесился.

— Но ты же сказал, что он был убит?

— Самоубийство то же убийство, только самого себя. Разве не так?

— Зачем же нам бы понадобилось пришивать тебе его самоубийство?

— Откуда мне знать? Зачем же иначе вы притащили меня сюда, расспрашиваете, где я был в тот вечер и знал ли я Анибала?

— Ты знал его?

— Конечно, знал.

— Потому что жили по соседству или по отряду морских скаутов?

— Каких там еще морских скаутов?

— В Риверхеде.

— Вы имеете в виду «Юных моряков?» Это вовсе не морские скауты.

— Где ты познакомился с Анибалом Эрнандесом?

— Жили рядом, здоровались при встрече, а потом, встретившись у «Юных моряков», подружились немного.

— Почему же ты вначале ответил, что «возможно» знал его? Если уж вы подружились, хоть и немного, ты должен был хорошо его знать.

— Да, я его знал. Это что — преступление?

— Зачем ты пошел в «Юные моряки»?

— И не думал. Я только ходил смотреть, как они маршируют. Мне это нравилось.

— Тебе самому придется много маршировать там, куда мы тебя отправим, — ухмыльнулся Хэвиленд.

— Да? Сперва еще нужно меня осудить. До сих пор я не слышал никаких обвинений против меня.
— Ты торгуешь наркотиками, не так ли?
— Бред!
— Мы задержали троих парней, которые покупали у тебя героин. Один из них готов к очной ставке с тобой.
— Да? А как его фамилия?
— Хемингуэй.
— А двое других Синклер Льюис и Уильям Фолкнер?
— Ты что, много читаешь, Коллинс?
— Достаточно.
— А вот Хемингуэй ничего не читает. Он наркоман, и купил у тебя героин двадцатого декабря, но был задержан.
— Так вот почему за мной следи... — Коллинс запнулся, не окончив фразу.
— Что? Что ты сказал?
— Ничего. Если ваш Хемингуэй задержан с наркотиками, у меня он их не покупал.
— А он утверждает, что купил у тебя.
— Я даже не представляю, как выглядит героин!
— Ты знал, что Эрнандес был наркоманом?
— Догадывался.
— Вы когда-нибудь кололись вместе?
— Нет.
— А ты видел, как он кололся?
— Нет.
— Тогда откуда тебе известно, что он был наркоманом?
— Слухами земля полнится.
— Ты встречал его в компании с другими наркоманами?
— Конечно.
— С кем именно?
— Я не знаю фамилий.
— А вместе с наркоманом по имени Ларри Бирнс? — спросил Бирнс.
Коллинс замигал.
— Я спрашиваю тебя о Ларри Бирнсе.
— Даже и не слыхал о таком.
— Подумай хорошенько. Это мой сын.
— Серьезно? Вот уж не думал, что сыновья полицейских могут быть наркоманами!
— Ты видел моего сына вечером семнадцатого декабря?

— Я не отличу вашего сына от любого другого парня.

— А утром восемнадцатого декабря?

— Повторяю, что не узнал бы его ни утром, ни вечером. Я же сказал, что не был с ним знаком..

— Он был знаком с Эрнандесом.

— Ну и что? Эрнандес многих знал. Разве вам не известно, что он торговал наркотиками? Занимался этим даже среди «юных моряков».

— Но откуда тебе известно об этом?

— Раза два я видел, как он толкал товар ребятам.

— Кому именно?

— Послушайте, неужели вы думаете, что мне известны имена всех наркоманов в районе? Я никогда не занимался такими делами.

— Ты занимался этим делом двадцатого декабря, Коллинс, то есть через два дня после убийства Анибала Эрнандеса. Хемингуэй был одним из клиентов Анибала.

— Да? В таком случае он, возможно, купил героин у призрака Анибала?

— Не остроумно. Он купил его у тебя.

— Вам придется попыхтеть, чтобы пришить мне это.

— Возможно, что и нет. В течение последних дней ты был под наблюдением одного из наших людей.

— Вот как?

— Именно.

— Почему же он сразу не арестовал меня? Вот вы, когда притащили меня сюда, разве нашли у меня что-нибудь? Я требую адвоката.

— Да при чем здесь героин? Вы здесь по подозрению в убийстве! — вмешался Бирнс.

— Вы имеете в виду... — Коллинс осекся.

— Ты что-то хотел сказать?

— Ничего я не хотел... Анибал повесился, и все тут.

— Анибал умер от слишком большой дозы героина.

— Да? Значит, он был неосторожен.

— Скажите-ка, Коллинс, кто накинул ему петлю на шею?

— Может быть, ваш сынок, лейтенант? Что скажете на это?

— Откуда тебе известно мое звание?

— Не понял?

— Ты не знаком с моим сыном, ничего о нем не знаешь, откуда же тебе известно мое звание?

— Один из ваших фараонов назвал вас лейтенантом, вот и все.
— При тебе так меня никто не называл. Отвечай.
— А я догадался. Вы выглядете как начальник, вот я и сообразил, кто тут главный. Проходит?
— Ларри утверждает, что знает тебя,— солгал Бирнс.
— Так, так... Меня многие знают, хотя я сам их не знаю. Такой уж я популярный.
— Это почему же? Потому что снабжаешь их героином? Потому что ты толкач?
— Единственное, что я толкал, так это коляску моей сестренки. Ну, может быть, хватит? Эта линия вам ничего не даст.
— Попробуем другую, Коллинс. Поговорим о картах.
— А что, хотите сыграть?
— А ты играешь в карты?
— Конечно.
— Ты играл когда-нибудь с пареньком по имени Ди Люка?
— Конечно.
— Часто?
— Ну, было один раз.
— Кто еще участвовал в игре?
— В какой?
— В тот вечер... Что такое «гонзл», Коллинс?
— Что, что?
— «Гонзл»...
— Ах, это...— парень растерянно заморгал, не зная, что сказать.— Это парень, которого нанимают, чтобы убрать кого-нибудь...
— Повтори-ка это слово...
— Гонзл... А разве у вас тут урок английского языка?
— Когда ты узнал, что означает слово «гонзл»?
— Я всегда знал.
— Ты узнал это в тот вечер, когда играл в карты!
— Ничего подобного. Я всегда знал это слово.
— Вот как? Но мне казалось, что ты впервые услышал это в тот вечер, когда вы играли в карты... Его произнес один человек... Как его зовут?
— Не помню...
— Но Ди Люка утверждает, что это ты привел его.
— Я? Ничего подобного. Он сам пришел. Я думал, что это приятель Ди Люка.
— Коллинс, почему ты скрываешь его имя?

— Ничего я не скрываю, я даже не знаю, кто он. Послушайте, я все же хочу знать, что вам от меня нужно? Вы, может быть, думаете, что...

— Заткнись!

— Но я имею право...

— Что произошло в тот вечер, когда вы играли в карты?

— Ничего...

— А кто впервые упомянул слово «гонзл»?

— Не слыхал я там такого слова.

— Почему же ты неправильно произнес его?

— Я? Я не произносил его неправильно...

— Значит, произнес правильно?

— Конечно.

— Как?

— Гонзл.

— Когда?

— В тот вечер, когда мы... Всегда произношу так.

— Но ты же сказал, что в тот вечер это слово не упоминалось.

— Я сказал, что не слыхал прежде такого слова. Может быть, оно и упоминалось. Разве запомнишь..

— Если это слово никогда при тебе не упоминалось, то откуда у тебя появилась кличка «Гонзо»?

— Гонзо? Это у кого же такая кличка? У меня? Меня зовут Дикки.

— За исключением тех трех ребят, которые купили у тебя героин.

— Ах, вот оно что! Теперь все ясно. Вы схватили не того, кто вам нужен. Вы ищете Гонзо, а меня зовут Дикки Коллинс. Вы ошиблись. Коллинс и Гонзо вроде бы не...

— Хватит! Не морочь нам голову, — резко оборвал его Хэвиленд.

— Видите ли, я...

— Мы знаем, что произошло в тот вечер, когда вы играли в карты. Нам известна и история со словом «гонзл», как ты ошибся и произнес «гонзо», после чего тебе и дали эту кличку. Нам все рассказал Ди Люка и согласился подтвердить свои показания на суде. Мы можем восстановить и все остальное, приятель. Ты решил воспользоваться этой кличкой, перехватив клиентуру Эрнандеса и желая скрыть свое настоящее имя. Может, теперь ты расскажешь нам и все остальное?

— Что остальное? — растерянно спросил парень.
— Ну, расскажи, как ты стрелял в полицейского.
— Что?!.
— И о петле, которую накинул на шею Эрнандеса...
— Но я...
— И еще про Марию Эрнандес...
— Послушайте, послушайте, я не...
— И о том, как сбросил старуху с лестницы...
— Я?! Боже мой, да не я же...
— Кого из них ты убил сам?
— Никого! Боже мой, да за кого вы меня принимаете?!.
— За Гонзо, который стрелял в полицейского.
— Да ни в кого я не стрелял!
— А нам известно, что стрелял. Он сам рассказал нам об этом.
— Ничего он вам не говорил! Не берите меня на пушку!
— Кто нам ничего не говорил?
— Да тот полицейский, о котором вы говорите. Не мог он указать на меня, я никакого отношения к этому делу не имел.
— Имел самое непосредственное отношение, Гонзо.
— Перестаньте называть меня Гонзо. Меня зовут Дикки.
— Хорошо, Дикки. Почему ты убил Эрнандеса, Дикки? Чтобы перехватить его клиентуру?
— Не говорите глупостей?
— Зачем тебе понадобилось впутывать в эту грязь моего сына? — не выдержав, вскричал Бирнс. — Каким образом отпечатки пальцев Ларри оказались на шприце?
— Откуда я знаю? На каком еще шприце?
— На шприце, обнаруженном возле трупа Анибала Эрнандеса.
— Я и не знал, что там обнаружен какой-то шприц.
— Да, обнаружен. Как ты ухитрился подменить его?
— Ничего я не подменял.
— Ты хотел подстроить так, чтобы в убийстве был обвинен мой сын!
— Перестаньте болтать о своем сыне! Пусть он хоть сейчас сдохнет! Меня это не касается!
— Кто звонил мне по телефону, Гонзо?
— Не знаю.

— Послушай, ты...
— Я не понимаю, о чем вы говорите.
— Кто звонил мне по телефону и сообщил о моем сыне? Может быть, это звонил тот, что играл с вами в карты?
— Не знаю.
— Он? Отвечай!
— Откуда мне знать, кто вам звонил?
— Это он помог тебе убить Анибала Эрнандеса, не так ли?
— Не убивал я Эрнандеса...
— А Марию и старуху?..
— Никого я не убивал!
— Ты убил полицейского! — крикнул Виллис.
— Он мертв? — сразу же спросил Коллинс.
В комнате воцарилось молчание.
— Что такого я сказал? — удивленно спросил парень.
— Тебе лучше знать, приятель.
— Вы же сами сказали, что кто-то стрелял в полицейского...
— Да, мы сказали, что в него стрелял Гонзо, то есть ты.
— Опять! Да не стрелял я! И я не Гонзо.
— Его зовут Стив Кэрелл, — сообщил Виллис. — Ты стрелял в него в пятницу. К счастью, он жив. И он сказал, что стрелял в него ты. Лучше признайся во всем, облегчи свою совесть!
— Мне не в чем признаваться! Ничего вы мне не пришьете! Оружия у меня нет, и наркотиков при мне вы не нашли! Делайте, что хотите, а я больше не скажу ни слова!
— Я скажу тебе, что мы сделаем, — заявил Хэвиленд. — Ровно через три секунды я тебя измордую!
— На это вы способны, только вам это ничего не даст. Никакой вины за мной нет. Ваш полицейский спятил. Не стрелял я в него и к Эрнандесу тоже никакого отношения не имею!
— Пусть так, — сказал Виллис, — но след твоей ноги послужит весьма веской уликой...
— Какой еще след?!
— След твоей ноги, обнаруженной на месте, где ты стрелял в Кэрелла, — солгал Виллис. — Сличим его с твоей обувью, и если...
— Но мы же стояли на камнях! — крикнул Коллинс

и тут же спохватился, что выдал себя, но было уже поздно.

— Да, я стрелял в него, — спустя несколько минут признался он. — Все равно он меня опознает... Стрелял, потому что он хотел задержать меня. Но к убийству Эрнандеса, Марии и старухи я никакого отношения не имею. Слышите? Никакого! Старуху я и не видел ни разу!

— Кто же их убил? — потребовал Бирнс.

Парень долго молчал, опустив голову, наконец, буркнул:

— Дуглас Пэтт.

Виллис уже хотел было надеть пальто.

— Нет! — остановил его Бирнс. — Я сам. Его адрес, Гонзо?

16

На крыше было ветрено и холодно, еще холоднее, чем на улице. Мужчина стоял, всматриваясь в небо, где кружилось несколько голубей, и спрашивал себя, почему все получилось не так, как рассчитывал. Задумка казалась такой хорошей, а на деле все оказалось никуда не годным. «Слишком много участников, — подумал он, — а там, где много людей, все получается не так, как хочешь.»

Он повернулся спиной к пронизывающему ветру, развевавшему веревки с бельем. Его охватили усталость и чувство одиночества. В подавленном настроении он открыл дверцу голубятни и увидел лежавшую на боку голубку. Она была мертва. Он поднял ее и некоторое время держал в руках, словно надеясь оживить. Так, с голубкой в руках, он прошел по крыше и сел, прислонившись к дымовой трубе, положив птицу у ног. Словно желая чем-то занять руки, он поднял лежавший поблизости кирпич, как вдруг увидел приближавшегося к нему человека.

— Дуглас Пэтт? — спросил незнакомец.

— Да, — отозвался мужчина, глядя на пришельца, который стоял, сутулясь от ветра и держа руки в карманах.

— Я — лейтенант Бирнс.

Они молча смотрели друг на друга. Пэтт продолжал держать кирпич в руке. Мертвая голубка по-прежнему лежала у его ног.

— Как вы нашли меня? — спросил он наконец.

— Дикки Коллинс, — ответил Бирнс.

— Да, да... — пробормотал Пэтт, которого, казалось, очень мало беспокоит все происходящее. — Я так и думал, что он слабак!.. Слишком много людей, слишком много...

— Что ты надеялся иметь от всего этого, Пэтт? — спросил Бирнс.

— Я?.. — поднимаясь на ноги и все еще держа кирпич в руке, начал Пэт.

Бирнс отступил на шаг, и Пэтт оказался перед стволом пистолета, но и на это он не обратил никакого внимания, продолжая глядеть на голубку.

— Я?! — повторил он. — Возможность, лейтенант... Возможность иметь много денег...

— Каким образом?

— Этот парень, Гонзо... Вы же знаете его... Он пришел ко мне и говорит: «Как тебе нравится, по словам Анибала, у него есть дружок-наркоман, отец которого — начальник полицейского участка...» Вот что рассказал мне Гонзо, лейтенант.

Бирнс не сводил с него глаз.

— Я подумал, что мне подвернулся хорошенький шанс, лейтенант. Замазать вашего сына в какое-нибудь грязное дело, потом прийти к вам, выложить карты на стол и сказать: «Если вы не будете сотрудничать со мной, лейтенант, о вашем сыне растрезвонят все газеты.» Я не сомневался, что вы согласитесь...

— Чего же именно ты ожидал от меня?

— Я торгую наркотиками и мог бы значительно расширить свое дело, и без всякого риска, если бы вы смотрели на это сквозь пальцы.

— Никогда бы ты не дождался этого от меня!

— Как знать, лейтенант... А ведь задумано было хорошо... Мне удалось обвести вокруг пальца этого сопляка Анибала. Я сказал ему, что мне нужен всего лишь шприц с отпечатками пальцев вашего сына. В тот вечер Анибал привел вашего сына в известное вам место, угостил его героином, а потом подменил шприц. Как только ваш сын ушел, пришел я. К этому времени Анибал уже ничего не соображал. Я зарядил шприц такой дозой героина, что ее хватило бы отправить на тот свет

нескольких человек. Он даже не почувствовал укола. А потом я вынул у него из кармана шприц вашего сына и положил рядом с Анибалом...

— А зачем еще петля на шею?

— Это я придумал уже потом. Подумал — а вдруг полицейские решат, что Анибал покончил с собой или по неосторожности впрыснул слишком большую дозу? Что тогда выйдет из моей затеи? Вот я и накинул ему петлю на шею. Посчитал, что ваши фараоны сообразят, что это сделано уже после смерти парня. Ваш сын, лейтенант, должен был стать моим заложником. Благодаря ему я получил бы возможность свободно действовать на территории участка...

— Вот оно что... — задумчиво протянул Бирнс.

— Вот именно... Но дело не вышло... Все запуталось...

— Ну, пошли! — приказал Бирнс.

СОДЕРЖАНИЕ

Составитель *Поверенов С. М.*
Художник *Москвичева А. О.*
Корректор *Бушмакина О. В.*

Выпуск книги осуществлен совместно
с издательско-коммерческой фирмой «Водолей»

Сдано в набор 26.09.91. Подписано к печати 5.02.92. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. 8 печ. л. Тираж 100 000 экз. (1 — 50 000 — 1 завод). Заказ 1316. Цена договорная.

ПО-3. 191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 55.